

ПЕРЕПИСКА БЕЛИНСКОГО

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Статья Ю. Оксмана

1. ПИСЬМА БЕЛИНСКОГО

I

Большое историческое значение эпистолярного наследия Белинского общеизвестно. Письма великого критика, нередко превращавшиеся, по его собственной формулировке, в «целые диссертации», представляют собой совершенно необходимое дополнение к его печатным журнальным высказываниям, раскрывая более полно все то, что в них оставалось по цензурно-поллицейским условиям недоговоренным и затушеванным. Именно поэтому одно из писем Белинского — его знаменитый ответ Гоголю — переросло значение частного письма и, распространяясь по всей стране в многочисленных копиях, стало одним из самых замечательных документов русской революционно-демократической публицистики.

Неизмеримо велико значение переписки Белинского и как основного источника для его политической биографии. «Письма, — проникновенно отмечал Герцен в «Былом и думах», — больше, чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

Издание первого полного собрания сочинений Белинского, работа над которым началась еще в 1898 г., затянулось на полвека. Публикация переписки Белинского, хотя и продолжается уже свыше ста лет, еще далеко не закончена.

Советский читатель давно уже ждет критического издания переписки Белинского, именно «переписки», форма публикации которой блестяще оправдала себя в двух академических изданиях сочинений Пушкина. Переписка Белинского, подготовка к печати которой является сейчас первоочередной задачей, обеспечит создание базы для научной разработки политической и литературной биографии Белинского, как издание переписки Пушкина сделало это для нашего пушкиноведения.

Впервые письма Белинского были объединены с максимальной для своего времени полнотой (свыше трехсот) в трехтомнике, вышедшем в свет в 1914 г. под редакцией и с примечаниями Е. А. Ляцкого *. В основу этого издания положен был фонд писем великого критика, собранных (в оригиналах и копиях) А. Н. Пыпиным в процессе его работы над монографией «Белинский, его жизнь и переписка» в 1874—1876 гг.¹ Отказавшись от специальных архивных разысканий, Е. А. Ляцкий дополнил коллекцию Пыпина всеми публикациями писем Белинского в периодике и в основных историко-литературных изданиях с 1855 по 1914 г. Весь этот круг печатных источников был обследован им настолько внимательно, что пропусков в трехтомнике почти не оказалось. Те немногие публикации писем Белинского, отсутствие которых в трехтомнике мы считаем сейчас пробелом, самим Ляцким не учитывались, возможно, по принципиальным соображениям. Так, например, письма Белинского к С. Т. Аксакову от 10 марта и от 22 октября 1838 г., опубликованные В. Е. Якушкиным в 1900 г.² Ляцкий, видимо, рассматривал не как письма обычного типа, а как официальные документы. Так, цитаты из писем Белинского к Герцену, известные нам по «Былому и думам», или строки

* Ссылки на это издание в настоящем обзоре условно обозначаются буквой П.

о Лермонтове в письме Белинского к Сатину, отмеченные в воспоминаниях последнего, Ляцкий мог рассматривать не как точные выписки из автографов, а как записи, сделанные по памяти, а потому и не очень авторитетные³.

Со времени издания Ляцкого в научный оборот вошло очень мало не известных ранее писем Белинского. В этом отношении не оправдались надежды исследователей и на архивы, открывшиеся после Великой Октябрьской социалистической революции. Политическая репутация великого критика и самый характер его корреспонденции обусловили, видимо, необходимость уничтожения писем Белинского их получателями еще при жизни самого отправителя или сразу же после его смерти, в условиях цензурно-полицейского террора между революцией 1848 г. и Крымской войной.

Мы совершенно не располагаем письмами Белинского к его ближайшим друзьям за время становления кружка Станкевича, за годы его работы в «Телескопе» и «Молве». Письма эти были уничтожены еще осенью 1836 г. в пору привлечения Белинского к дознанию об обстоятельствах появления в журнале Надеждина знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. В это же время друзьями критика был уничтожен в его московской квартире почти весь его личный архив. Из корреспонденции Белинского за этот период уцелело только несколько писем, полученных им в Премухине и оставленных в семье Бакуниных⁴, да те письма, которые не имели общественно-политического значения, — письма родных критика и его школьных товарищей.

Вызов Белинского 20 февраля 1848 г. в III Отделение прозвучал и для него самого и для его друзей предостережением еще более грозного порядка, чем паника в Москве в момент ликвидации «Телескопа».

«Стоит только вспомнить начало 1848 года и репрессивные меры, принятые у нас вслед за февральской революцией в Париже, — отмечал в своих воспоминаниях Н. Н. Тютчев, — чтобы понять, какое впечатление должно было произвести неожиданное и загадочное появление жандарма в квартире Белинского»⁵.

Этот переполох имел в виду и Некрасов, рассказывая в письме к Н. Х. Кетчеру о том, как «беспомядно, но весьма основательно» Белинский «жег перед смертью своею все, что казалось ему делом молодости и вертопрашества»⁶.

Новая «чистка» обусловила гибель важнейших фондов переписки Белинского петербургской поры. Все то, что могло уцелеть после этих двух пересмотров бумаг и писем великого критика, его корреспондентам пришлось спешно уничтожать в 1849 г., когда на процессе петрашевцев неожиданно всплыло, как основной документ обвинения, зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, когда стало известно, что за распространение этого письма выносились смертные приговоры, что за недонесение о знакомстве с ним угрожали каторжные работы⁷. Полностью уничтожены были именно в это время письма Белинского к Грановскому, Коршу, Огареву, Некрасову, Межевичу, Красову, Лангеру, Петрову, Прокоповичу, Лажечникову, Кроненбергу, А. А. Комарову, И. И. Маслову, Н. Н. Тютчеву, А. В. Никитенко, М. А. Языкову, большая часть писем к Герцену (они хранились в Москве), Анненкову, Кетчеру, Кавелину, Сатину, Тургеневу, Панаеву, Щепкину. При не известных нам обстоятельствах исчезли в Воронеже и письма Белинского к Кольцову, хранившиеся у родных поэта.

Политически компрометировал, с точки зрения органов полицейской охраны, уже самый факт знакомства с Белинским, даже в пору его молодости. Не случайно, когда в бумагах Н. М. Сатина, арестованного в феврале 1850 г., обнаружены были два старых письма Белинского, ему предложен был на следствии специальный «вопросный пункт»: «Объясните подробно, по какому случаю вы были знакомы со столь безнравственным человеком, каким был Белинский, который во всю жизнь свою действовал и рассуждал вопреки правительству, вере и совести»⁸.

II

Выдержки из письма Белинского к Н. М. Сатину от 15 октября 1837 г., цитированные на одном из допросов Сатина и опубликованные впервые в 1917 г., дополняют корпус «полного собрания писем Белинского», установленный Ляцким, в его наиболее слабой части. Вот эти случайно дошедшие до нас строки, видимо, очень большого и значительного письма:

«Отчаянный развратник и даже злодей, — писал Белинский, — лучше доброго человека, который из своего поведения, или своей пошлости, или своих тугих обстоятельств, сделал себе правила жизни. Дай бог, чтобы тебе не довелось быть ни тем, ни другим, но если надо быть чем-нибудь из этого, будь первым; по крайней мере толпа будет тебя ненавидеть, а не хвалить; а похвала толпы, которая кричит: он остепенился, он стал солиден, он перестал заноситься и почитать себя умнее всех, ты сам знаешь, что такое подобная похвала»⁹.

Как пояснил Н. М. Сатин на следствии, переписка его с Белинским продолжалась недолго: «После двух или трех писем, видя, что мы совершенно не сходимся, переписка наша прекратилась и более никогда не возобновлялась».

Сам Белинский хорошо помнил о своих письмах к Сатину и даже был заинтересован в их изъятии у адресата: «Ты познакомился с С., — писал он 3 февраля 1840 г. Боткину, — кланяйся ему, да выпроси у него мои глупые письма» (II, II, 28)¹⁰.

Это желание отобрать у Сатина свои старые письма родилось у Белинского, как мы полагаем, не только из-за несоответствия их тем новым «правилам жизни», которыми вдохновлялся он в эту пору, но и из-за резких и несправедливых отзывов в этих письмах о Лермонтове. Из воспоминаний Н. М. Сатина мы знаем о столкновении Белинского с Лермонтовым при первой встрече их в 1837 г. на Кавказе, после чего Белинский и в разговорах и в письмах, вспоминая бравады Лермонтова, утверждал: «Вот важность, написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком»¹¹. Н. Л. Бродский, комментируя рассказ Сатина, очень правильно напомнил о том, что в фразеологии Белинского слово «пошлость» было очень далеко от нашего нынешнего его понимания¹². При учете же того, что с точки зрения Белинского в эту пору «всякая форма, поражающая людей своей резкостью и странностью и пробуждающая о себе толки и пересуды, — п о ш л а», мы уточняем причины отталкивания Белинского и Лермонтова друг от друга в 1837 г. Но в начале 1840 г. Белинский был уже во власти образов и настроений поэзии Лермонтова. Такие произведения, как «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», «Казачья колыбельная песня», «1 января 1840 г.», «И скучно, и грустно», заставляют Белинского в том самом письме к Боткину, в котором упоминался им Сатин, решительно утверждать, что в Лермонтове «готовится т р е т ь и русский поэт и что Пушкин умер не без наследника» (II, II, 31). В этих строках усматриваем мы ключ к переоценке самим Белинским своих старых писем к Сатину, подлежавших скорейшему изъятию у адресата.

Три не известных прежде приписки Белинского к письму М. А. Бакунина к сестрам от 3 декабря 1837 г. (письмо не датировано, но время его написания устанавливается совершенно точно) опубликованы были во втором томе «Собрания сочинений и писем М. А. Бакунина». Эти шуточные приписки очень характерны для Белинского, особенно, если учесть их повод — патетическую декларацию Бакунина в строках: «Друзья, не будем жаловаться на жизнь, это было бы богохульство. Жизнь дана нам для счастья, для наслаждения. Но тот не может быть счастлив, кто не страдал. Истинная гармония есть разрешение дисгармонии борьбы, примирение с самим собою».

Приписка Белинского: «В. Г. Белинский, пользуясь случаем, спешит засвидетельствовать премухинским жителям свое почтение и просит их, веря во все, что пишет к ним Мишель, не относить этого к нему: все эти прекрасные мысли он ворует у меня, не говоря уже о буквах *e* и *я*ть». С тех пор, как он начинает жить со мной, я чувствую большое оскудение в моих мыслях, а Мишель, напротив, богатеет ими, разумеется, на мой счет». На реплику Бакунина: «Виссарион Григорьевич собрал все свои силы, для того, чтоб сделать глубокомысленную критику, и что же, весьма ясно доказал, что он глуп», Белинский тут же отвечал: «Ей-богу лжет: такой лгун, что ему у нас в Москве даже маленькие дети не верят, да и в голове только <ветер> посвистывает, т. е. у Мишеля, а не у меня». Бакунинское разъяснение («Последняя оговорка доказывает, что он, зная вашу пронизательность, боится, чтоб, несмотря на все его старание, вы не увидели истины») вызывает последнюю приписку Белинского: «На это не стоит и отвечать: выходка грубая и не приправленная цветами остроумия»¹³.

Хронологически вслед за этими «приписками» должны быть учтены не известные прежде начальные страницы письма Белинского к В. П. Боткину от 12 августа 1838 г.

Эти страницы, впервые опубликованные в сборнике «Венок Белинскому» в 1924 г. (по автографу, сохранившемуся в архиве П. Н. Кудрявцева), позволяют восстановить полностью очень ценное по своим идеологическим формулировкам, литературным приговорам и автопризнаниям письмо Белинского, известное прежде только по окончанию, условно датированному «осенью 1838 г.» (II, I, 255—257).

Особенно ценны в этих страницах высказывания Белинского о симптомах развала прежнего кружка Станкевича, сравнительные характеристики Бакунина, Боткина, Ключникова («Каждый из нас есть своего рода самобытное явление, и нам не должно делать себя аршином другого, и другим мерять себя: это фальшивая мера»), суждения об индивидуальной «действительности», на которую Белинский хочет смотреть чисто «практически, как на твердость духа, вследствие равенства самому себе», отрицание всяческой «абстрактности» («Все дело в том, чтобы уловить истину в ее целостности, в конкретном единстве всех ее сторон»). Из произведений мировой литературы он говорит здесь о «Клавиво» Гете, о «Майорате» Гофмана; из русских — о «Флейте» Кудрявцева, которая «вырвала несколько слез и расшевелила змею воспоминания»¹⁴.

Менее значительны по своему содержанию последние страницы письма Белинского к М. А. Бакунину от 13—15 августа 1838 г., обнаруженные в 1915 г. в Премухинском архиве¹⁵. Прежде известно было только начало этого большого письма, обрывавшегося в издании Ляцкого на полуслове. Вновь найденные листы посвящены воспоминаниям Белинского о Л. А. Бакуниной (невесте Станкевича) и его раздумьям под впечатлением известия о ее смерти.

Разборка архива М. Н. Каткова, поступившего после Великой Октябрьской социалистической революции в Румянцевский музей, ныне Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, обогатила известную нам переписку Белинского еще одним документом — его запиской к Каткову, опубликованной в 1948 г. в сборнике под редакцией Н. Л. Бродского «В. Г. Белинский и его корреспонденты» (стр. 27).

В этой записке, датированной январем 1840 г. и относящейся, видимо, к истории увлечения Каткова М. Л. Огаревой, Белинский отмечал, что признания Каткова «тронули его до слез», что ни «обвинить», ни «утешить» его он не может, ибо в подобных «переходных моментах духа» все «советы и утешения — резонерство». Признавая Каткова «натурой глубокой, но пока еще и дикой и кипучей», Белинский заключал: «Причина твоего страшного состояния в твоей сущности, в ней же и возможность и средства к выходу из него». Для уточнения даты этой записки Белинского у нас нет данных. Возможно, что самая краткость записки объясняется ее назначением лишь предварить большое письмо — то письмо, о котором Белинский упоминал Боткину 3 февраля 1840 г.: «Объективный мир страшен, и мы с тобою скорее порешили важный вопрос. Но об этом зри письмо к Каткову, которое сей странно аттестующий себя юноша получит вскоре после сего послания к тебе» (II, II, 30—31)¹⁶. Другое письмо Белинского — к Каткову и Ефремову от 6 апреля 1842 г. — обнаружено было недавно в бумагах А. Ф. Кони в Пушкинском Доме¹⁷. Писем Белинского к Каткову было немало, но ни они, ни ответы на них до нас не дошли. Вновь найденные два письма спаслись от уничтожения только потому, что во всех отношениях они были совершенно нейтральны, ничем не компрометируя ни автора, ни адресата.

В том же сборнике, в котором Н. Л. Бродский опубликовал записку Белинского к Каткову, напечатаны Р. П. Маториной два письма Белинского к К. С. Аксакову с опущенными в прежних публикациях строками о встречах Белинского в Петербурге с семнадцатилетним Иваном Аксаковым. В письме от 14 июня 1840 г. Белинский отмечал: «Познакомился я с твоим братом, Иваном Сергеевичем. Славный юноша! В нем много идеальных элементов, которые делают человека человеком, но натура у него здоровая, а направление действительное, крепкое и мужественное. Я очень полюбил его. Молодое поколение лучше нас, оно много обещает». Во втором письме от 23 августа 1840 г. Белинский повторял, что «все больше и больше любит его (К. С. Аксакова)». В нем так много внутренней жизни, что даже жаль его, ибо на Руси пока еще только практическим людям хорошо, особенно, если они при этом и мерзавцы»¹⁸.

Весьма интересной, если не по содержанию, то по имени адресата, надлежит признать записку Белинского от 30 декабря 1840 г. к М. С. Куторге, опубликованную

Н. И. Мордовченко на страницах «Литературного наследства» в 1948 г. (т. 55, стр. 424). Самый факт знакомства Белинского с Куторгой (и притом довольно близкого, судя по этой записке) до сих пор документировался только упоминанием о нем в письме критика от 22 ноября 1839 г. к Боткину, как о «молодом профессоре, товарище Редкина, гегелианце и умном человеке» (П, II, 8). М. С. Куторга привлечен был к участию в «Отеч. записках» сразу же после их перехода в распоряжение Краевского. Утверждение Н. И. Мордовченко о том, что «никаких работ М. С. Куторги после 1839 г. на страницах „Отеч. зап.“ не появлялось», нуждается в некотором ограничении. Можно предполагать, что М. С. Куторга (историк, один из талантливейших профессоров Петербургского университета) все же принимал участие в «Отечественных записках», в первой половине 40-х годов, рецензируя книги по всеобщей истории. Все публикации в библиографическом отделе «Отечественных записок» печатались анонимно, почему мы и не располагаем точными данными о товарищах Белинского по работе в этом журнале. Очень характерны начальные строки новой записки Белинского: «Виноват перед вами — без вины виноват, как говорит м н о г о з н а м е н а т е л ь н а я русская поговорка». Об этой самой поговорке Белинский упоминал и в знаменитом письме к Гоголю.

Тексты многих писем Белинского в издании Ляцкого были, как известно, обескровлены и по цензурным соображениям. Из этих многочисленных строк и слов, замененных в трехтомнике досадным для читателя многоточием, Н. К. Пиксанов восстановил в 1924 г. страницу известного письма Белинского к Боткину от 28 июня 1841 г. с яркими тираноборческими формулировками:

«Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровою мантиею, на которой, как сказал Тиберий Грахх нашего века, Шиллер, видна кровь первого человекоубийцы» и «Царем мог бы быть только бог бесстрастный, всеведающий. Посмотри на лучших из них, — какие сквернавцы... Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям, — он всегда отделится от них хоть пустым этикетом, ему всегда будут кланяться хоть для формы»¹⁹.

Две строки из письма Белинского к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г., исключенные из издания Ляцкого по тем же цензурным соображениям, восстановил в 1941 г. В. С. Спиридонов в «Избранных философских сочинениях В. Г. Белинского». Выделяем эти строки из контекста разрядкой:

«Я ругал тебя за Кульчицкого, что ты оставил его в теплой вере в мужичка с бородакою, который, с и д я н а м я г к о м о б л а ч к е, б... под себя, о к р у ж е н н ы й с о н м а м и с е р а ф и м о в и х е р у в и м о в, свою силу считает правом, а свои громы и молнии — разумными доказательствами»²⁰.

Записка Белинского к Достоевскому, случайная и забытая самим адресатом (вероятно, единственный документ их переписки) обнаружена была в 1915 г. В. И. Семевским в материалах, приобщенных к секретному дознанию о Достоевском в 1849 г.²¹ Она была писана наспех, карандашом, без даты и, как показал сам Достоевский, могла относиться только к «первым дням» их знакомства, т. е. к началу июня 1845 г., когда автор «Бедных людей» еще не успел войти в круг Белинского, еще никогда не бывал и в том доме, в который Белинский запросто его приглашал:

«Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет видеть вас. Приходите, пожалуйста, к нам, вас проводит человек, от которого вы получите эту записку. Вы увидите всё наших, а хозяина не дичитесь, он рад вас видеть у себя. В. Б е л и н с к и й».

Подчеркнуто-ироническое замечание Белинского о «бессмертной душе» имеет в виду его споры с Достоевским, о которых последний вспоминал в «Дневнике писателя»: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма»²². Круг знакомых, к которым Белинский мог приглашать в эту пору Достоевского как «к нашим», был очень ограничен — это или М. А. Языков, или Н. Н. Тютчев. Напомним, кстати, объяснения, которые дал Достоевский по поводу этого письма следственным органам в мае 1849 г.:

«О записке Белинского решительно ничего не могу припомнить, не знаю какого она содержания, и теперь только в первый раз узнаю, что у меня была записка

от Белинского. Но этими словами я вовсе не хочу отречься от моего знакомства с Белинским. Я был с ним знаком в первый год знакомства довольно коротко, во второй год очень отдаленно, а в третий год был с ним я в ссоре и не виделся с ним ни разу. Если записка эта пригласительная, то, вероятно, она была написана еще в первые дни нашего знакомства, и если он куда-нибудь приглашал меня, то просто в гости, а не в собрание. Круг знакомства Белинского, сколько я знаю, был очень тесен и ограничивался литературным кружком. В собрания большие он не ходил и терпеть их не мог, потому что был нелюдим, хвор и сидень. Вероятно, он хотел познакомиться меня с кем-нибудь из литераторов²³.

Очень ценным пополнением группы, ранее известных писем Белинского к П. Н. Кудрявцеву явилось письмо от 26 марта 1846 г., опубликованное В. Сорокиным в «Литературном наследстве» в 1948 г. (т. 55, стр. 427—428). Письмо адресовано в Берлин. Благодаря Кудрявцева за готовность прислать повесть для альманаха «Левифан», изданием которого критик предполагал обеспечить себе некоторую свободу действий после ухода из «Отечественных записок», Белинский предупреждал приятеля, что альманах приходится отложить на осень. В этом же письме Белинский горячо убеждал Кудрявцева беречься «от сифилитического влияния шеллингианства, пиэтистизма и неметчины».

К последнему периоду жизни Белинского относятся и три ранее не известных письма к Н. М. Щепкину, сыну знаменитого артиста, опубликованных в 1914 г., сразу же после выхода в свет трехтомника Ляцкого. Первые два — от 30 июля и 9 сентября 1846 г. — писаны были из Николаева и Симферополя, во время путешествия Белинского по Украине и Крыму, третье — от 5 марта 1847 г. — связано с хлопотами Белинского в Петербурге по служебным делам адресата²⁴.

К числу материалов, дополняющих или корректирующих издание Ляцкого, относятся и справки о некоторых мелких неисправностях, вкрапившихся в печатный текст писем Белинского и обнаруженных Р. П. Маториной при составлении в 1948 г. каталога «Рукописей и переписки Белинского» в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Всего в фондах Библиотеки выявлено было 105 писем Белинского — цифра весьма значительная, особенно, если учесть, что в рукописном отделе Пушкинского Дома К. Н. Григорьян зарегистрировал всего 59 автографов писем великого критика (см. «Институт русской литературы Академии Наук СССР. Бюллетени рукописного отдела», II, М.—Л., 1950, стр. 26—29), а во всех прочих архивохранилищах СССР их может быть еще не более десятка. Тем досаднее, что многие спорные даты и неточные чтения тех или иных строк в письмах Белинского, хранящихся в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, вовсе не привлекли внимания ни составителя каталога, ни его редактора. Так, например, одиннадцать недатированных записок Белинского к А. П. Ефремову, произвольно отнесенных Ляцким к 1837—1839 гг., несмотря на явное несоответствие этой хронологизации фактам биографии Белинского (см. далее стр. 211), в каталоге Р. П. Маториной все обозначены теми же годами (стр. 16—17). Мы вправе усомниться и в ответственном заключении Р. П. Маториной о том, что текст записок в издании Ляцкого не имеет разночтений с автографами. Так, например, Ляцкий печатает: «Пошли своего человека к Келлеру» (II, I, 378), а в примечании оговаривает, что, не располагая автографом этой записки, пользуется копией А. Н. Пыпина, в которой последним отмечено: «Неразборчиво: Кетчеру?» В распоряжении Р. П. Маториной автограф этой записки не только был, но даже описан ею (стр. 17). Спрашивается: каков же результат произведенной сверки? Как надо читать: «Келлеру» или «Кетчеру»? Точно такой же казус встречается в заключительной строке другого письма: «Я уж стал откровенно под...м» (II, I, 379, с пояснением: «нельзя разобрать»). В первопечатном тексте этого письма слова, не разобранные Пыпиным и Ляцким, читались: «подл и нагл» (сб. «Памяти В. Г. Белинского», М., 1899, стр. 115). К сожалению, описание Р. П. Маториной и в этом случае нам не помогает*.

* Обращение к автографам подтверждает чтение: «Келлеру» и «подл и нагл». — Р е д.

Систематическая выверка писем Белинского по автографам¹ — очередная задача исследователей и публикаторов литературного наследия великого критика.

Подведем итоги: за тридцать шесть лет (1914—1950) общеизвестный фонд писем Белинского почти не обновился. В научный оборот вошло за это время десять его писем, ранее вовсе не известных исследователям; в двух письмах восстановлены их начальные или заключительные страницы и, наконец, еще в четырех реставрировано несколько строк, изъятых из прежних изданий по цензурным или редакционно-тактическим соображениям.

III

Как редактор и комментатор первого полного собрания писем Белинского, Ляцкий должен был разрешить и проблему установления возможно более точной редакции знаменитого зальцбруннского письма Белинского к Гоголю от 3 (15) июля 1847 г.

Документ этот, который В. И. Ленин еще в 1914 г. признал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»²⁵, дошел до нас, как известно, не в оригинале, а в виде случайных позднейших копий, искаженных переписчиками в ряде ответственных мест. Был ли автограф письма уничтожен Гоголем или утерян им во время переездов, исчез ли он при посмертном разборе бумаг писателя или задолго до его кончины — сказать трудно. Несомненным является только то, что ни одна из известных нам копий письма Белинского не восходила к автографу, бывшему в распоряжении адресата.

Не задумываясь ни о генеалогии этих списков, ни о степени их достоверности, Ляцкий, вместо того чтобы критически установить текст письма Белинского к Гоголю, предложил читателям перепечатку первого русского массового издания этого документа, выпущенного в свет в дни революции 1905 г. С. А. Венгером²⁶.

По непонятной оплошности Ляцкий воспользовался изданием, от которого его редактор уже успел отказаться. В специальной работе 1913 г. «Письмо В. Г. Белинского к Гоголю» Венгер подверг критическому пересмотру основные материалы о знаменитом зальцбруннском письме, установил многочисленные пропуски и опечатки в том его тексте, который впервые был опубликован А. И. Герценом в лондонской «Полярной звезде» 1855 г., и предложил, наконец, вниманию исследователей и читателей сводную редакцию письма с учетом важнейших его вариантов²⁷.

Эта работа Венгерова осталась неизвестной Ляцкому. Между тем, несмотря на все свои неточности и цензурные купюры, текст письма Белинского к Гоголю в венгерской редакции 1913 г. гораздо полнее и авторитетнее, чем его воспроизведение в трехтомнике Ляцкого. Венгер в основу своего опыта реконструкции текста зальцбруннского письма положил список, сохранившийся в архиве А. А. Краевского, выправив явные описки на основании публикации «Полярной звезды»²⁸. Ляцкий же, перепечатывая текст венгерского издания 1905 г., невольно популяризировал тем самым все искажения оригинала, характерные для его первой публикации.

Мы вынуждены подчеркнуть эту ошибку Ляцкого не только потому, что она и сама по себе очень значительна, но и потому, что точно так же поступил Иванов-Разумник, перепечатав искаженную зарубежную редакцию письма в своем трехтомном Собрании сочинений Белинского не только в 1911, но и в 1913 и 1919 гг. Характерно, что ошибка эта осталась неотмеченной ни в критической литературе, вызванной «Письмами Белинского» в 1914—1915 гг.²⁹, ни в позднейших специальных трудах о литературном наследии Белинского.

Многих из своих ошибок и Иванов-Разумник и Ляцкий могли бы избежать, если бы они, даже не зная исследования Венгерова, обратились к наиболее полному из известных в то время списков письма Белинского к Гоголю, опубликованному Н. П. Барсуковым в восьмой книге «Жизни и трудов М. П. Погодина» (в 1894 г.)³⁰. Мы имеем в виду тот самый «список А. А. Краевского», который и положен был в основание текстологической работы Венгерова в 1913 г. Однако, сославшись на публикацию Барсукова в своих библиографических примечаниях к зальцбруннскому письму, Ляцкий или зарегистрировал ее, не читая, или просто не понял ее значения.

Примитивность редакционных приемов Ляцкого, его беспомощность как текстолога и источниковеда, с особенной выразительностью была запечатлена популяризацией в его издании всех искажений случайной первопечатной публикации письма Белинского к Гоголю³¹, без указания хотя бы важнейших его разночтений, без элементарно-необходимых расшифровок всех его политических и литературно-бытовых намеков, формул и ассоциаций.

IV

Критически устанавливая текст письма Белинского к Гоголю, Венгеров опирался в 1913 г. лишь на два его списка, один из которых представлен был копией Краевского, а другой — публикацией «Полярной звезды».

В работе Венгерова осталась не учтенной еще одна копия этого документа, бывшая в распоряжении В. П. Чижова и частично использованная в его статье «Последние годы Гоголя», напечатанной в седьмой книжке «Вестника Европы» за 1872 г.

Стесненный цензурными условиями, Чижов должен был, правда, воздержаться от публикации строк, наиболее актуальных в политико-просветительном отношении, наиболее острых по своей антиклерикальной направленности. Однако даже в том обескровленном варианте, в котором письмо Белинского введено было Чижовым в массовый литературный оборот (это была первая русская легальная публикация письма), оно имело ряд признаков, резко отличающих его от текста первопечатного, с одной стороны, и от списка Краевского — с другой³².

Благодаря копии Чижова (к сожалению, происхождение и местонахождение ее исследователем указано не было), впервые была выправлена искаженная в «Полярной звезде» полемическая сентенция Белинского о «национальном русском суде». В издании Герцена эти строки были явно обесмыслены: «А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого». Публикация Чижова позволила сразу же восстановить подлинное чтение: «А ваше понятие о национальном русском суде, расправе, идеал которого вы нашли в словах глухой бабы, в повести Пушкина, и по разуму которого должно пороть и правого и виноватого»³³.

Вместо первопечатного варианта «И старая школа, действительно, сердилась на вас до бешенства» в копии Чижова, как и в списке Краевского, стояло: «И она, действительно, сердилась на вас до бешенства», причем слово «она», т. е. читающая публика, в этом контексте было гораздо более уместно, чем произвольный домысел о «старой школе». Вместо первопечатного «выгоднее для них» в списке Чижова было «льготнее для них», вместо первопечатного «высокого духовного просветления» в списке Чижова было «высокого духовного просвещения». Эти два лексических варианта Чижова так же совпадали с вариантами Краевского, как и явная описка при дате обеих копий: «Зальцбург» вместо «Зальцбрунн».

Повторение одних и тех же ошибок, да еще столь характерных, как «просвещение», не оставляют сомнений, что обе копии — и Краевского и Чижова — сделаны были с одного и того же, не очень исправного, оригинала. При этом у нас есть основания утверждать, что копия Чижова сделана была гораздо тщательнее, чем список Краевского. Именно в последней сентенции Белинского — «Смирение, проповедуемое вами, во-первых не ново» — обезображена была опiskой в последнем слове («Смирение, проповедуемое вами, во-первых, не любовь»). Но еще более досадно, особенно по своим последствиям, было вольное или невольное извращение в копии Краевского одной из ответственных формулировок письма, именно строки о «самых живых, современных национальных вопросах в России». Вместо «отменение телесных наказаний» в копии Краевского, по произволу переписчика, оказалось: «ослабление телесных наказаний». Несмотря на то, что «вариант» этот был явной текстологической фикцией и явился результатом сознательного подлога или позднейшей описки невежественного писца, он был широко использован идеологами контрреволюционной буржуазии в 1912—1914 гг. в их попытках политической дискредитации Белинского как автора письма к Гоголю³⁴, в их борьбе с ленинским пониманием «одного из лучших произведений бесцензурной демократической печати».

V

Полагаясь, как правило, на публикации своих предшественников, Ляцкий обычно не корректировал даже явных несообразностей первопечатных текстов. В этом отношении особенно досадно, что в его распоряжении отсутствовали автографы тех 42 писем Белинского к отцу, матери и брату, отрывки из которых были опубликованы в «Русской старине» 1876 г.³⁵

Последняя публикация представляла собой свод цитат, обескровленный изъятием наиболее ярких в идейно-политическом плане высказываний, переходящий нередко в монтаж строк, заимствованных из писем разных лет или, наоборот, расчленяющий одно письмо на несколько отрывков.

Этот случайный набор отрывков целиком перешел и в издание Ляцкого. Так, например, письмо Белинского к родителям, приуроченное к «концу 1829 г.» (II, I, 5—6), представляло собой контаминацию письма от 9 октября 1829 г. («Я был в музее Московского университета...») с письмом от начала января 1830 г. (расчеты на какое-то литературное «предприятие», в котором Белинский участвовал с Н. Л. Григорьевым). Так, например, «отрывок из письма к матери. Январь 1830 г.» (II, I, 19—20) и «Отрывки из писем к родителям. Начало 1830 г.» (II, I, 20—21) являлись нераздельными частями одного письма от начала января 1830 г. Такому же объединению подлежат отрывки от «4 июня 1830 г.» и от «лета 1830 г.» (II, I, 24). К письму от 24 мая 1831 г. («Невгода моя, кажется, проходит») должна быть отнесена выдержка из письма, датированного «концом мая» об участии в газете «Листок» (II, I, 34).

Некритическое отношение к произвольным датировкам некоторых писем Белинского в «Русской старине» привело Ляцкого к таким промахам, как датировка «началом 1832 года» (II, I, 48) письма об издевательствах над студентами графа Панина после маловской и сунгуровской истории: «у нас есть некто граф Панин, служащий при Университете в качестве помощника попечителя. Эта глупая и долговязая орысина — он ростом выше трех аршин — вздумал насильственным образом стричь на солдатский манер своекоштных студентов» и пр. Между тем письмо это точно датировано в автографе «21 ноября 1831 г.».

Тесно связанное с этим письмом следующее обращение Белинского к отцу от 20 апреля 1832 г. («Университет наш переверотился вверх дном» и пр.) Ляцкий произвольно переносит на 1833 г. (II, I, 48 и 387), несмотря на то, что в «Русской старине» дата поставлена была на этот раз правильно. Никаких не было оснований у Ляцкого и для датировки письма Белинского к брату от 21 июня 1832 г. условными рамками «1832 или 1833 г.» (II, I, 40 и 386), ибо письмо это тесно связано с предыдущим письмом от 21 мая 1832 г. (II, I, 39), да и в «Русской старине» печаталось точно по автографу.

Таким образом, даже редкие попытки Ляцкого уточнить или исправить датировку некоторых из ранних писем Белинского, автографами которых он не располагал, вели к еще большей порче их неисправного текста.

VI

Переписка Белинского особенно скудно документирует период его деятельности в «Телескопе» и «Молве». Если не считать нескольких писем к родным, то всего за эту пору в издании Ляцкого мы найдем два небольших письма к Н. А. Полевому и записочку к Н. С. Селивановскому. Мы не располагаем ни одним письмом Белинского за это время ни к Надеждину, ни к Станкевичу, ни к Неверову, ни к Петрову, ни к Бакунину, ни к Ключникову, ни к Красову, ни к Лажечникову (отмечаем имена тех его корреспондентов, с которыми он был в эту пору особенно тесно связан).

К «концу 1836 или началу 1837 г.» Ляцкий относит самое раннее из известных нам писем Белинского к К. С. Аксакову (II, I, 64). Это письмо, дающее исключительно ценный материал о настроениях и интересах «безработного» Белинского после закрытия «Телескопа», может быть датировано, однако, гораздо точнее. В самом деле, Белинский в нем информирует приятеля о «новости»: «Погодин затевает журнал и

предлагает мне участие. Это пока тайна. Если не состоится то, известное тебе, журнальное дело, то, черт возьми, может быть я и решусь. Но в таком случае выторгую себе полную конституцию».

Ключ к этой информации дает письмо Белинского к Бакунину от 21 ноября 1837 г.: «Жду ответа от Полевого. Этот ответ решит мою участь. Впрочем, едва ли состоится это дело <...> О программах „Северной пчелы“ и „Сына отечества“ и не слышно <...> В Москве затевается новый журнал „Москвитянин“, редакторы—Шевырев и Погодин <...> Мне сторону предлагалось сотрудничество, но черт возьми этих подлецов и идиотов» (II, I, 177—178).

Записка к К. С. Аксакову явно предшествует письму к Бакунину. В ней нет еще ни названия журнала, организуемого Погодиным, ни данных об участии в последнем Шевырева. Самый же вопрос о своем сотрудничестве в новом издании Белинский склонен рассматривать скорее положительно, но он ждет вестей о другом «журнальном деле», которое его, видимо, более устраивает.

Как известно, именно в ноябре 1837 г. К. А. Полевой безрезультатно хлопотал о получении разрешения на аренду «Московского наблюдателя», а Н. А. Полевой занят был реорганизацией «Сына отечества». Белинский в эту пору был лично близок с обоими Полевыми и имел все основания рассчитывать на ближайшее участие в их журналах. Эти литературные «дела» имел он в виду в своих письмах и к К. Аксакову и к М. Бакунину. Судя по тому, что в письме к последнему от 15 ноября (II, I, 154—156) нет еще никаких упоминаний о переговорах с Погодиным, а в письме от 21 ноября будущие издатели «Москвитянина» трактуются как «подлецы и идиоты», записку к К. С. Аксакову о приглашении Белинского в новый журнал надлежит датировать временем между 16 и 20 ноября 1837 г.³⁶

Ошибочны соображения Ляцкого и о «первом из сохранившихся писем Белинского к М. А. Бакунину» — записочке от 3 января 1837 г. (II, I, 64 и 392). Белинский упоминает в ней о своей работе над статьей о первом представлении «Гамлета», с Мочаловым в главной роли. Однако этот спектакль состоялся только 22 января 1837 г. Разумеется, заканчивать 3 января статью о премьере, которая состоялась лишь 22 января, Белинский никак не мог. В дату автографа его записки («1837. Понедельник, 3 января») вкралась явная описка — год только что закончившийся, вместо текущего: «1837» вместо 1838. Наличие описки подтверждается и тем, что «3 января» совпадало с «понедельником» именно в 1838 г. (в 1837 г. на 3 января приходилось воскресенье). Новая датировка подтверждается и датой публикации статьи, о которой упоминал Белинский в своей записке: «Мочалов в роли Гамлета» (первая редакция будущей большой статьи на эту же тему в «Московском наблюдателе») появилась в «Северной пчеле» от 4 января 1838 г.

Такой же опиской является обозначение «4 марта 1842 г.» вместо «4 апреля 1842 г.» в дате первого письма Белинского к его будущей жене — М. В. Орловой (II, II, 278—279). Поводом для этого письма является приложенная к нему тетрадка, в которую Белинский переписал для М. В. Орловой недавно запрещенного лермонтовского «Демона». В письме к Боткину от 17 марта 1842 г. Белинский эту посылку еще только проектирует, в письме к нему же от 31 марта обещает закончить приготовление «заветной тетрадки» на «этой неделе» и, наконец, 4 апреля посылает ее на адрес Боткина вместе с письмом к М. В. Орловой с просьбой лично проследить за передачей (II, II, 293).

Приписка Белинского к недатированному письму Бакунина к сестрам из Москвы в Премухино («Да, в самом деле, вы поступаете нехорошо...»), отнесенная Ляцким к «концу 1837 г.» (II, I, 179), должна быть перенесена на конец января 1838 г.³⁷

Письмо Белинского к Бакунину, напечатанное с гипотетической датой: «вероятно, середина 1838 г.» (II, I, 185), может быть точно приурочено к первой декаде мая 1838 г., ибо именно в это время Бакунин выехал из Москвы³⁸, а Белинский в своем письме, писанном в разгар их первого большого конфликта, форсирует свидание и объяснение с ним, явно опасаясь, что Бакунин повеет в Премухино информацию о разрыве, не успев с ним до конца договориться («Жду тебя часов в 7 утра, и уверен, что ты придешь»).

К середине декабря 1838 г. должна быть отнесена записка Белинского к Боткину, ошибочно приуроченная Ляцким к «весне 1839 г.» (II, I, 315—316). В этой записке шла речь об отъезде Каткова в Премухино, что произошло в середине декабря 1838 г., когда Бакунин приезжал на несколько дней в Москву (см. «Соч. и письма Бакунина», 1934. Т. II, стр. 459) и, по просьбе Боткина, увез с собой в деревню Каткова (см. в настоящем томе, стр. 123—124).

Первый том «Писем Белинского» в издании Ляцкого заканчивается подборкой «Записок к А. П. Ефремову» (стр. 377—379). Все эти одиннадцать записок, впервые опубликованные по автографам в сборнике «Памяти В. Г. Белинского» (М., 1899, стр. 113—115), в подлиннике не имели никаких хронологических обозначений и приурочены были к «1838—1839 гг.»³⁹ Пыпиным, который снял копии с них еще в 1875 г. Перепечатывая копии Пыпина, Ляцкий отказался от уточнения их датировки, хотя последняя была очень обща, а в некоторых случаях и явно неправильна. Так, например, никак не вмещалась в период «1838—1839 гг.» записочка Белинского к Ефремову, в которой отмечалось ожидание каких-то «важных новостей» из Премухина, имеющих отношение к Станкевичу и даже как-то связанных с приездом его отца. Как известно, Н. В. Станкевич с осени 1837 г. до самой смерти жил за границей, Белинский же в обществе Станкевича, Ефремова и Бакунина в последний раз был в начале мая 1837 г. Итак, записка Белинского («Ефремов! Я занят, бога ради, забеги ко мне...») должна быть датирована временем не позже мая 1837 г. Эту дату можно уточнить еще более, если учесть, что отец Станкевича, о предстоящем приезде которого свидетельствовала записка, прибыл в Москву в конце декабря 1836 г.⁴⁰ Приезд отца должен был разрушить очень запутавшийся узел отношений Н. В. Станкевича с Л. А. Бакуниной, родные которой очень нервно переживали задержку формального обручения, а Станкевич не мог удовлетворить их требований до получения согласия своего отца на брак. Такова была ситуация, объясняющая содержание записки Белинского к Ефремову. Ее дата — вторая половина декабря 1836 г.

К еще более раннему времени относится другая из недатированных записок Белинского: «Душенька Ефремов.— Ж<ан-> П<оля> теперь никак не могу достать. Полевой на даче...» (II, I, 377).

К «1838—1839 гг.» эта записка не может относиться потому, что Н. А. Полевого в это время в Москве уже не было, а с К. А. Полевым Белинский с начала 1838 г. не общался. Нельзя датировать эту записку и 1837 г., когда Белинский ни в одном журнале не работал. Выбирая же между 1835 и 1836 гг., мы считаем более вероятным 1835 г., когда Белинский временно стал единоличным редактором «Телескопа» и «Молвь», нуждался в материале для очередных номеров, а потому мог заказывать переводы тех статей, которые считал интересными.

Письмо Белинского к Боткину, «без даты и без окончания», отнесенное в издании Ляцкого «к концу лета 1839 г.» (II, I, 323—331), мы предлагаем датировать двадцатью числами (21—26) июля 1839 г. Поводом для этого объяснительного письма Белинского явилось какое-то недоразумение на обеде у Боткина, в первые же дни восстановления их прежних дружеских отношений (II, I, 326), происшедшее через несколько дней после отъезда из Москвы А. Я. и И. И. Панаевых (II, I, 368), т. е. не раньше начала 20-х чисел июля⁴¹. А 28 июля 1839 г. Боткин уже выехал из Москвы в Нижний-Новгород, где оставался целый месяц⁴². О предстоящем отъезде Боткина в анализируемом нами письме нет еще ни слова, что и позволяет с полной уверенностью отнести его к началу 20-х чисел июля.

Не менее точно можно датировать приписку Белинского к письму Н. А. Бакунина сестрам, относимую Ляцким к «концу 1839 или началу 1840 г.» (II, II, 11). Приписка начинается словами: «Позвольте, при сей верной оказии, напомнить вам...» Этой «верной оказией» зимой 1839—1840 г. мог быть только М. А. Бакунин, выехавший в Премухино 15—16 ноября 1839 г. (дату эту мы устанавливаем на основании упоминания в письме Белинского к Боткину от 30 ноября 1839 г. о том, что Мишель выехал из Петербурга уже ровно две недели.— II, II, 10). Не случайно поэтому, что и отзыв Белинского о Николае Бакунине в интересующей нас приписке почти дословно совпадает с отзывом о нем в письме к Боткину от 22 ноября 1839 г. (II, II, 6 и 10).

К «февралю 1840 г.» Ляцкий относит заключительные страницы интереснейшего письма Белинского к В. П. Боткину, начало которого до нас не дошло (II, II, 56—57). В пользу этой датировки, предложенной еще Пыпиным («Белинский, его жизнь и переписка», изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 295), свидетельствовала связь запроса о стихах Лермонтова во фрагменте («Что ж ни слова не написал мне о стихах Лермонтова — „Дары Терека“ и „На смерть Одоевского?“») с полемикой об этих же произведениях в письме Белинского от 1 марта, когда он уже располагал мнением Боткина, не известным ему прежде. Датировка этого эпистолярного отрывка может быть, однако, определена еще точнее, на основании первых же его строк: «Чудак Станкевич — сердится за Шиллера. Не понимаю, как можно сердиться за убеждения <...> Что же вы с Грановским не переслали ко мне его письма?<...> Право, у меня даже нет охоты и спорить с Станкевичем о Шиллере, не только сердиться».

Выступление Станкевича против Белинского в защиту Шиллера, оставшееся неизвестным как Пыпину, так и Ляцкому, имело место в его письме из Флоренции к Грановскому от 1 февраля 1840 г. Станкевич писал: «Известия о литературных трудах и понятиях наших знакомых не утешительны. Что им дался Шиллер? Что за ненависть?.. Нелепые люди!.. А если авторитет его <Гегеля> силен у них, то пусть прочтут, что он говорит о Шиллере в Эстетике, в разных местах, также о „Валленштейне“ в мелких сочинениях. А о действительности пусть прочтут в Логике, что действительность, в смысле непосредственности, внешнего бытия, — есть случайность; что действительность, в ее истине, есть разум, дух... Но можешь сказать им только аргументы без яда насмешки — это только ожесточает, а они люди хорошие, и я с ними ссориться не хочу» («Переписка Станкевича», М., 1914, стр. 486).

Строки эти не только мотивируют отповедь Белинского Станкевичу, но и точно ее датируют. Письмо из Флоренции в Москву шло в ту пору не менее двух недель. Судя по письму Белинского к Боткину от 18—20 февраля 1840 г., он еще и 20 февраля ничего не знал о вестях от Станкевича. Письмо же Белинского, начатое 24 февраля и законченное 1 марта, как свидетельствуют его строки о Лермонтове, отправлено было Боткину уже явно после интересующего нас фрагмента. Таким образом приблизительно определяется и дата последнего — около 22 февраля 1840 г. Высказывания Станкевича, взволновавшие Белинского, имели в виду позицию критика в его знаменитых статьях об «Очерках Бородинского сражения», о «Горе от ума», «Менцель — критик Гете». Защите основных положений этих статей посвящены были, вероятно, и не дошедшие до нас начальные страницы письма Белинского.

Весьма важное письмо Белинского к Бакунину, посвященное публикации статьи последнего «О философии», в апрельской книжке «Отечественных записок» 1840 г. в издании Ляцкого датировано только — «1840 г.» (II, II, 95). Между тем Белинский пишет его под свежим впечатлением от только что просмотренных листов журнала: «Твоя статья уже напечатана <...> Вышло 1½ листа с небольшим». Судя по тому, что четвертая книжка журнала была подписана цензурой к выходу в свет 14 апреля, этим же временем, т. е. серединой апреля, следует датировать и письмо Белинского⁴³.

Из писем Белинского к М. А. Бакунину за границу не дошло до нас ни одного. Но, видимо, их было не так много. Получив письмо Бакунина от 4 сентября 1840 г., Белинский решил на него не отвечать (II, II, 230—231), после чего переписка их года на два совсем оборвалась. Инициатива ее возобновления принадлежала Боткину. Отвечая на не известные нам доводы последнего, Белинский писал ему 20 апреля 1842 г.: «К Бакунину напишу» (II, II, 306). Между тем в октябрьских номерах «Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst» 1842 г. появилась знаменитая статья Бакунина (под псевдонимом: «Жюль Элизар») «Die Reaction in Deutschland» с блестящим анализом определяющейся революционной ситуации в Европе. Именно в этой статье Бакунина был брошен знаменитый лозунг: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Явно откликаясь на эту политическую эволюцию Бакунина, Белинский писал 7 ноября 1842 г. его брату: «До меня дошли хорошие слухи о Мишеле, — и я написал к нему письмо <...> я и Мишель искали бога по разным путям — и сошлись в одном храме. Я знаю, что он разошелся с Вердером, знаю, что он принадлежит к левой стороне

гегелианизма, знаком с R(uge) и понимает жалкого, заживо умершего романтика Шеллинга. Мишель во многом виноват и грешен; но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки: это — вечно движущееся начало, лежащее в глубине его духа. При том же дорога, на которую он вышел теперь, должна привести его ко всяческому возрождению» (II, II, 317).

Эти строки определяли, конечно, и лейтмотив того большого письма Белинского за границу к Бакунину, потеря которого — особенно чувствительный пробел в его эпистолярном наследии.

В этом письме, кстати сказать, была и сентенция, о которой Белинский упоминал в письме к Н. А. Бакунину от 23 февраля 1843 г.: «Я недавно писал к Мишелю (в Берлин), что я представляю собою маленького Прометея в карикатуре: толстые „Отечественные записки“ — моя скала, к которой я прикован, Краевский — мой коршун, который терзает мою грудь, как скоро она немного подживет» (II, II, 338)⁴⁴.

Весной 1843 г. М. А. Бакунин сообщал из Цюриха брату Павлу: «Я, кажется, писал тебе, что самым неожиданным образом получил письмо от Белинского и Боткина, я отвечал им и, позабыв все старое, с радостью подал им руку». Это ответное письмо Бакунина, посланное, конечно, с верной оказией (мы полагаем, через М. Н. Каткова, возвращавшегося в это время из Берлина в Москву), также неизвестно исследователям⁴⁵.

Записка Белинского к А. Н. Струговщикову, без даты, впервые опубликованная Ляцким, с отметкой: «вероятно, 1841 г.» (II, II, 212), может быть совершенно точно приурочена к двадцатым числам января 1841 г. Содержание этой записки сводится к просьбе Белинского указать то место из «Фауста», где последний замечает Мефистофелю, что он «хочет и страдания, и горя, и радости, и наслаждений, всего что сродно человеческой натуре, чем живет все человечество».

Цитата эта понадобилась Белинскому во время работы его над статьей о «Стихотворениях М. Лермонтова»⁴⁶. Именно в этой статье, в вводных ее страницах, Белинский вспоминал: «Когда Мефистофель предлагает Фаусту все блага, все наслаждения, столь высоко-ценимые толпою, — Фауст отвечает ему:

.....
 Всем горестям отныне грудь открыта,
 И всем, что человечеству дано,
 В самом себе хочу я насладиться
 И в ад, и в небо погрузиться,
 И грусть людей, и радость их испить,
 С их бытием свое совокупить
 И с ними наконец в уничтоженьи слиться» (VI, 9).

Эти строки взяты были Белинским из перевода Э. Губера, так как интересовавший его монолог Фауста не был еще переведен А. Н. Струговщиковым. Судя по тому, что книжка «Отечественных записок» со статьей о стихотворениях Лермонтова разрешена была цензурой около 1 февраля 1841 г., время работы Белинского над нею (а следовательно, и дата записки, с этой статьей связанной) определяется двадцатыми числами января того же года.

Две записки Белинского к Краевскому, из которых одну Ляцкий датирует «мартом 1841 г.» (II, II, 227), а другую «мартом или апрелем 1841 г.» (II, II, 409), можно довольно точно отнести к 9—10 апреля 1841 г., причем самое содержание записок свидетельствует, что они разъединены одна от другой только часами, самое большее — одним днем. Первая записка кончается строкой: «Посылаю вам рецензию на „Душеньку“. Все остальное нынче пришлю», а вторая говорит об исполнении этого обещания: «Посылаю последние рецензии и книги».

Рецензия на «Душеньку», которую разослал Белинский, напечатана была в пятой книжке «Отеч. записок» 1841 г. (разрешена цензурой 30 апреля 1841 г.). Эта дата точно фиксирует месяц, к которому приурочиваются записки. Числа же месяца, к которым относился отраженный в них инцидент из-за переживаемого Белинским по вине

Краевского острого денежного кризиса, устанавливаются датой письма критика к Д. П. Иванову о благополучной ликвидации конфликта: «Я не имел до сей минуты никаких средств, но, слава богу, теперь могу несколько поправить мои московские дела. Нынче или завтра ты получишь от Краевского записку на получение 700 р. ассигн.» (II, II, 239). Это письмо, самим Белинским датированное 11 апреля 1841 г., позволяет установить и время двух его записок к Краевскому⁴⁷.

Не менее точно могут быть датированы и две записки Белинского к Тургеневу, одну из которых Ляцкий условно относит к «весне 1843 г.» (II, II, 362), а другую — к «осени 1844 г.» (II, III, 83—84). Первая записка («Прощайте, любезнейший Иван Сергеевич! Очень жалею, что не удалось в последний раз побеседовать с вами...») писана около 20 апреля 1843 г., перед отъездом адресата в Москву. Об этой поездке мы знаем из письма Н. А. Беер к Бакуниным от 29 апреля 1843 г.: «Тургенев <...> в Москве. Он здесь на несколько дней — приезжал взять благословение матери, чтобы начать служить»⁴⁸. Вторая записка Белинского набросана на обороте письма Тургенева и является ответом на просьбу последнего срочно просмотреть корректуру поэмы «Разговор». Так как цензурное разрешение «Разговора» подписано 13 декабря 1844 г., то к этому времени и надо отнести записку Белинского.

Письмо Белинского к Боткину от 14 марта 1842 г. разьединено в издании Ляцкого на две части, причем окончание напечатано как особый «Отрывок» с датой «март 1842 г.» (II, II, 282), а начало — с отметкой «конца нет» (II, II, 281). Между тем связь обоих фрагментов настолько тесна тематически (в них идет речь о впечатлениях от только что вышедшей третьей книжки «Отечественных записок») и бесспорна археографически (тем более, что все письма Белинского к Боткину за этот отрезок времени дошли до нас полностью), что еще Пыпин считал возможным объединить их. Не возражает против этого в своих комментариях и сам Ляцкий⁴⁹, но в качестве редактора предпочел все же произвольно напечатать в своем издании «разрозненные листы» письма вместо полностью сохранившегося документа.

VII

Правильная расшифровка тех или иных имен и фамилий, обозначенных в подлинниках только инициалами, иногда одной лишь буквой, прозвищами или псевдонимами, принадлежит к числу первоочередных задач публикатора и комментатора любых эпистолярных текстов. Мы полагаем, что Ляцкий и с этой частью своих редакторских обязанностей справился далеко не в полной мере, оставив целый ряд имен, встречающихся в письмах Белинского, вовсе не раскрытыми или расшифровав их явно ошибочно. Так, например, в одном из ранних писем Белинского к А. П. Ефремову он не раскрыл инициалов «Ж. П.» (II, II, 377), в письме к Герцену — инициалов «А. А. Т.» (II, III, 107, 354); в письмах к Кетчеру, Боткину и Щепкину фамилий «Авдотья Павловны», якобы перекладывавшей на музыку статьи «Москвитянина» и «Маяка» (II, II, 257; III, 453), и «Феклы Михайловны», которой пересылались в подарок какие-то литографии (II, II, 293, 304; III, 474). Между тем в первом письме имелся в виду Жан-Поль Рихтер; во втором — А. А. Тучков, член Северного общества декабристов, друг Герцена и Огарева, а через них и Белинского; в третьем речь шла об А. П. Глинке, известной реакционной поэтессе, а в четвертом — о Ф. М. Щепкиной, дочери великого артиста.

В письме Белинского к И. И. Ханенко остались без расшифровки строки: «К. и В. тебе кланяются» (II, II, 278), хотя из контекста видно, что речь здесь шла о членах кружка М. А. Языкова—инженерах А. С. Комарове и П. В. Верябичком. В письме к Боткину от 5 ноября 1847 г. находится очень резкий отзыв Белинского о повести «Противоречия» (II, III, 286). Ляцкий приходит на помощь читателю и дважды разъясняет, что автором этой повести является некий М. Непанов (II, III, 384 и 467). Однако сам комментатор и не подозревает, что «М. Непанов» — псевдоним М. Е. Салтыкова. В письме к Панаеву от 10 августа 1838 г. Ляцкий «затрудняется указать, кого имеет в виду Белинский под инициалами «Ф. К.» (II, I, 409 и 412). Речь же здесь шла, конечно, о Ф. А. Кони, товарище Белинского по работе в «Телескопе»⁵⁰. Впоследствии

Ф. А. Кони был в течение нескольких лет редактором «Литературной газеты», которую Белинский в письме к Кудрявцеву от 28 июня 1841 г. назвал «гнушной Коневской газетикой» (II, II, 252). Отмечаем и этот факт потому, что последние строки Ляцкий без всяких оснований отнес не к «Литературной газете», а к театральному ежемесячнику «Пантеон» (II, II, 411). В письме Белинского к Боткину от 3 февраля 1840 г. отмечалось: «Ты познакомился с С.— Кланяйся ему, да выпроси у него мои глупые письма» (II, II, 28). Ляцкий разъясняет: «С.— вероятно, Н. С. Селивановский» (II, II, 382). Несостоятельность этой расшифровки определяется прежде всего тем, что Н. С. Селивановский — старый приятель Боткина, о чем Белинский не может не знать, ибо у Селивановского он и сам познакомился с Боткиным еще в 1835 г.⁵¹ «С.» в письме Белинского — это Н. М. Сатин, знакомство с которым Боткина произошло именно в январе, 1840 г., когда Сатин вернулся в Москву после нескольких лет пребывания в ссылке по делу Герцена и Огарева. Смешав в одном случае Сатина с Селивановским, Ляцкий в другом оказывается не в состоянии объяснить, что именно Селивановского следует разуметь в строке письма Белинского: «За что же ты ругал С—го» (II, II, 203 и 406). Но Сатину все же особенно не повезло в издании писем Белинского. Ляцкий не догадался, что Белинский имел в виду Сатина не только в отмеченном выше обращении к Боткину, но и в письме к К. С. Аксакову от 28 июня 1837 г.: «Кланяйся Николаю Христофоровичу <Кетчеру> и скажи ему, что его знакомый на Кавказе, но я еще не успел выполнить моего поручения» (II, I, 80). Фамилию этого кавказского «знакомога» давно раскрыли воспоминания самого Сатина о его первой встрече с Белинским в Пятигорске в 1837 г. Дважды не признав Сатина в тех случаях, когда речь шла именно о нем, Ляцкий в третьем случае отнес к Сатину строки, не имеющие к нему никакого отношения. В письме Белинского к Боткину от 9 апреля 1841 г. отмечалось: «Все наши тобою интересуются — разумеется всех больше Гефест хромоногий». На том основании, что у Сатина «постоянно болела нога», Ляцкий решил, что прозвище «Гефест хромоногий» относилось к нему (II, II, 409). Однако если мы обратимся к материалам о Белинском и его окружении этой поры, то установим, что весной 1841 г. Сатина в Петербурге не было (см. запись в дневнике Герцена о проводах Сатина 3 марта 1841 г. в Москву, откуда он вернулся лишь в июле)⁵². Следовательно, ни общаться с Белинским, ни передавать привет Боткину Сатин в апреле 1841 г. никак не мог. Письмо же Белинского от 13 марта 1841 г. позволяет точно установить, что хромоногим Гефестом он за десять дней перед тем назвал не Сатина, а М. А. Языкова, о котором писал Боткину: «Языков все бегаёт от самого себя, но как у него ноги кривы и плохи, — не может убежать» (II, III, 227).

Не отличив в этом случае Сатина от Языкова, Ляцкий в другом безоговорочно заменил председателя Московского цензурного комитета Д. П. Голохвастова самим царем. Мы имеем в виду расшифровку буквы «Г.» в письме Белинского к Панаеву от 10 августа 1838 г. по поводу цензурных злоключений журнала «Московский наблюдатель»: «Номер мог бы выйти назад тому две недели, но 5 листов пролежали больше недели в кабинете Государя» (II, I, 211). Разумеется, эта расшифровка инициала «Г.» лишена всякого основания: в круг чтения Николая I журнал Белинского не входил, но Д. П. Голохвастов относился к «Московскому наблюдателю» с исключительным недоверием и всячески тормозил цензурное рассмотрение его очередных номеров⁵³.

В письме к Боткину от 1 марта 1841 г. Белинский писал: «У меня теперь в комнате сидит ч и н о в н и к, мой родственник, человек предания и субстанциальных стихий общества» (II, II, 218). Ляцкий почему-то не учитывает, что имя, отчество и фамилия этого родственника Белинского раскрыты самим критиком в письме к Д. П. Иванову от 7 ноября 1842 г.: «Дмитрий Капитонович Исаев умер» (II, II, 314). А тождество Д. К. Исаева с петербургским чиновником, о котором упоминал Белинский в начале 1841 г., удостоверяется, во-первых, воспоминаниями В. А. Инсарского о Белинском и Исаеве⁵⁴, а во-вторых, письмом Белинского к Боткину 1842 г.: «Помнишь ли, Боткин, моего родственника, Капитовича? — Умер, бедняга!» (II, II, 312).

Более сложен вопрос о раскрытии инициалов «Г. М.» и «К.—Левифан» в письме Белинского к Боткину от 9 декабря 1842 г.: «Г. М. дал мне хороший урок — он гаже и плюгавее, чем о нем думает К.— Левифан» (II, II, 331). Ляцкий вовсе отказывается

от расшифровки этих строк (II, II, 429). Однако если мы их сопоставим с рассказом К. Д. Кавелина о том, как в 1842 г. Белинский был потрясен историей с неким Милановским (воспитанником Московского университета), в котором друзья великого критика заподозрили тайного полицейского агента, то нити, ведущие к раскрытию инициалов «Г. М.», окажутся в полном нашем распоряжении. «С обыкновенным своим младенческим добродушием и доверчивостью, — пишет Кавелин, — Белинский всучил им «своим приятелям — Н. Н. Тютчеву и А. Я. Кульчицкому» в сожители некоего Милановского». Милановский «подкупил Белинского либеральными фразами, но оказался проходимцем и эксплуататором чужих карманов (...), бессовестно употребил во зло добросердечие Н. Н. Тютчева и т. д. Белинский приходил в ужас от того, что пускался в либеральные откровенности с таким господином, трусил, что он на него и на весь кружок донесет. Это не помешало ему выгнать Милановского из своей квартиры с скандалом»⁵⁵. Рассказ К. Д. Кавелина очень авторитетен, ибо именно он занял место в квартире Тютчева после изгнания из нее Милановского. Естественно предположить, что именно Кавелин явился и информатором московских друзей Белинского о случае с Милановским, а маленький рост Кавелина объясняет ироническое величание его Левиафаном. Таким образом, строки «Г. М.» в письме Белинского к Боткину следует читать, как «Господин Милановский», а «К. — Левиафан» — «Кавелин».

В письме к Н. А. Бакунину от 23 февраля 1843 г. Белинский рассказывает о своем знакомстве с И. С. Тургеневым: «Недавно познакомился я с Тургеневым. Нас свел Зиновьев, которого знает Варвара Александровна. А какой чудесный человек этот Зиновьев! Вот истинно крепкая, здоровая, действительная натура» (II, II, 343). Об этом же Зиновьеве (он же «З.») Белинский упоминал и в других своих письмах (II, II, 356—358). Как ни мало знаем мы об этом знакомце Белинского, комментатор все же обязан был точно указать, о каком именно Зиновьеве шла речь, тем более, что Петр Васильевич Зиновьев (1812—1868) связан был с Герценом и ярко охарактеризован со слов Тургенева в известных воспоминаниях Н. А. Островского⁵⁶.

В письме Белинского к Герцену от 14 января 1846 г. печатается строка: «Портрет Грановского вышел у Борб. — чудо из чудес» (II, III, 95). Ляцкий не замечает здесь явной описки («Борб.» вместо правильного «Горб.») и потому не может объяснить, что речь идет о К. А. Горбунове, известном портретисте 40-х годов, друге и земляке Белинского. Этот загадочный «Борб.» переходит и в именной указатель к письмам Белинского (II, III, 455).

В своем именованном указателе к «Письмам Белинского» Ляцкий произвольно объединяет в справке об А. А. Комарове данные о двух Комаровых, один из которых — А. А. Комаров, преподаватель кадетского копуса, друг и единомышленник Белинского (II, II, 133, 200, 358, 374; III, 10—39, 124, 141), а другой — А. С. Комаров («Комаришка», «капиташка», «дурак положительный», «препуганнейший человек»), инженер путей сообщения, околелитературный обыватель, втершийся в кружок Панаева (II, II, 349, 358, 361; III, 172, 192). Не учел Ляцкий, равно как и все прочие комментаторы переписки Белинского, очень ценных данных об А. С. Комарове, включенных в «Мои воспоминания» А. И. Дельвига. На «вторниках» А. С. Комарова встречался А. И. Дельвиг и с другим приятелем Белинского, о котором также нет сведений в примечаниях Ляцкого (II, III, 345, 455). Мы имеем в виду А. И. Баландина (о нем Белинский упоминает в письме к М. В. Орловой от 10 октября 1843 г.), преподавателя Института инженеров путей сообщения, статистика и экономиста⁵⁷. Приятелем А. И. Баландина был, по свидетельству А. И. Дельвига, инспектор Института инженеров путей сообщения полковник Петр Александрович Языков, один из шаферов и свидетелей Белинского на его свадьбе в 1843 г. Белинский характеризовал П. А. Языкова, как «чудеснейшего человека», как «московскую душу» (II, II, 7; III, 45). С тем большим вниманием мы должны учесть свидетельство о нем А. И. Дельвига, который также определяет П. А. Языкова, как человека «честного, благородного, образованного и рассудительного», но не забывает отметить, что этот самый Языков очень близко стоял к знаменитому николаевскому временщику генерал-адъютанту графу П. А. Клейнмихелю⁵⁸.

К авторитетнейшим свидетельствам П. А. Языкова (непосредственно или через его брата М. А. Языкова) восходила, вероятно, и большая часть тех «новостей» о Николае I

и его окружении (слухи об опале гр. Л. А. Перовского, о фаворе гр. П. Д. Киселева, о предстоящей отставке гр. М. С. Воронцова, о назначении на его место кн. А. С. Меншикова, о роли гр. С. С. Уварова в увольнении гр. С. Г. Строганова), которые передавались Белинским в письме, адресованном в начале декабря 1847 г. на имя П. В. Анненкова (II, III, 313—321). Это письмо послано было за границу с верной оказией и предназначалось, судя по его содержанию, не столько для Анненкова, сколько для актива русской революционной эмиграции — Герцена, Бакунина, Сазонова. В этом же письме Белинский детально информировал своих зарубежных друзей о приеме Николаем I Смоленской дворянской делегации, в беседе с которой царь вынужден был остро поставить вопрос о необходимости скорейшей ликвидации крепостных отношений⁵⁹. Подробности этой аудиенции и сведения об оживлении деятельности в министерских канцеляриях, занятых крестьянским вопросом, передавались Белинским с такой точностью, что позднейшая публикация в «Русской старине» 1873 г. и в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (1882 г.) подлинных документов об этом эпизоде могла только полностью подтвердить исключительную близость данных Белинского к их официальным первоисточникам⁶⁰. Возможно, что в этой части письмо Белинского базировалось на информации А. П. Заблоцкого-Десятовского, ближайшего сотрудника гр. П. Д. Киселева, автора известной секретной записки «О крепостном состоянии в России» (1841 г.). С ним Белинский познакомился у Краевского, но деловые и литературные отношения сохранил и после своего ухода из «Отеч. записок» (II, III, 293). Но еще более вероятно, что информатором Белинского явился на этот раз С. А. Маслов, фактический руководитель Московского общества сельского хозяйства, редактор «Земледельческого журнала», тесно связанный с министром внутренних дел Л. А. Перовским и специально вызванный последним осенью 1847 г. в Петербург для консультации по крестьянским делам⁶¹. Белинский хорошо знал С. А. Маслова, которого аттестовал как «человека неглупого, даже очень неглупого, но пустого и ничтожного, болтуна на все руки, либерала на словах и ничто на деле» (II, III, 314).

Вопрос о служебном положении и личных связях в высших административных кругах тех или иных знакомцев Белинского получает значение во всех случаях, когда приходится определять степень политической осведомленности Белинского, широту и точность его информации. Между тем именно этих справок Ляцкий не дает даже тогда, когда необходимые для его комментариев данные давно бытуют в литературе. Так, например, об И. И. Маслове, с которым Белинский общался в последние годы своей жизни, Ляцкий сообщает только то, что Некрасов посвятил ему в 1847 г. свою «Тройку» (II, III, 354). А ведь еще К. Д. Кавелин отмечал в своих воспоминаниях, что «Маслов служил секретарем коменданта Петропавловской крепости ген. Скобелева, был у него другом дома и сообщал вести и рассказы о том, что говорилось и делалось в крепости. При Николае Павловиче это было и интересно, и очень бесполезно знать»⁶².

. VIII

Ограниченность политического и литературно-исторического багажа первого редактора и комментатора писем Белинского особенно резко обнаружилась в его отказе от объяснений известного письма Белинского к Герцену от 26 января 1845 г.: «Кетчер писал тебе о Парижском Ярбухере, и что будто я от него воскрес и переродился. Вздор! Я не такой человек, которого тетрадка может удовлетворить. Два дня я от нее был бодр и весел, — и все тут. Истину я взял себе, — и в словах б о г и р е л и г и я вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» (II, III, 87)⁶³. Очень смутно представляя себе, что такое «Парижский Ярбухер» (он как-то вскользь отметил, что это якобы «орган Арнольда Руге»), Ляцкий не мог, конечно, установить и того, что статья, от которой Белинский стал «бодр и весел», в которой он нашел «истину» и взял ее себе, — это была знаменитая статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права». Именно в этой статье Маркс формулировал свое понимание религии как «души бессердечного мира», как «вздоха угнетенной твари».

как «духа бездушного безвременья». «Религия, — заключал Маркс, — опиум народа. Упразднение религии как призрачного счастья народа есть требование его действительного счастья»⁶⁴.

Не разъяснив читателю, что в письме Белинского к Герцену от 26 января 1845 г. речь шла о переключке критика с Марксом, формулировки которого в эту пору впервые входили в круг философских и исторических представлений Белинского, Ляцкий не понял и того, что в письме Белинского к Боткину от 6 февраля 1843 г. был отклик Белинского на одну из работ Ф. Энгельса. Мы имеем в виду перевод основных положений брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение» (1842 г.), который Боткин включил, без указания источника, в предисловие к своему критическому обзору «Германская литература в 1843 г.» («Отеч. записки», 1843, № 1, отд. VII, стр. 1—15). Именно об этом обзоре Белинский и писал Боткину 6 февраля 1843 г.: «Твоя статья о немецкой литературе в 1 № мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко» (II, II, 334). О том же, что этот отзыв имел в виду прежде всего страницы Энгельса, а не статью Боткина в целом, свидетельствует пересказ нескольких суждений Энгельса (правда, без упоминания имени последнего) в статье Белинского об «Истории Малороссии» Н. Маркевича («Отеч. записки», 1843, № 5, отд. V, стр. 1—18). Вот эти суждения: «В лице Гегеля философия достигла высшего своего развития, но вместе с ним же она и кончилась, как знание таинственное и чуждое жизни; возмужавшая и окрепшая, отныне философия возвращается в жизнь, от докучного шума которой некогда признана была удалиться, чтоб наедине и в тиши познать самое себя. Начало этого благодатного примирения философии с практикою совершилось в левой стороне нынешнего гегелианизма. Примирение это обнаружилось и жизненностью вопросов, которые занимают теперь философию, и тем, что она оставляет понемногу свой тяжелый схоластический язык, доступный одним адептам ее, и тем, что она возбудила против себя ожесточенных врагов уже не в одних школах и книгах» (XII, 398—399)⁶⁵.

Библиографический багаж Ляцкого был столь же скуден, как и историко-философский и политический. Отметим, например, справку его по поводу признания Белинского в письме к жене от 4 сентября 1846 г.: «Теперь читаю „Les Confessions“ — не много книг в жизни действовали на меня так сильно, как эта» (II, III, 158). В примечаниях эта ответственная строка объяснена «„Les Confessions“ — вероятно, Прудона» (II, III, 358). В этой справке Ляцкий точно повторил слова Пыпина о книгах, читанных Белинским в 1846 г.: «Во время путешествия он прочел несколько французских книг, между прочим „Les Confessions“, вероятно, Прудона»⁶⁶. Если признать эту расшифровку правильной, то в политической биографии Белинского пришлось бы учитывать признание самого критика о сильном воздействии на него в 1846 г. книги Прудона. Это автопризнание было бы тем более значимо, что ни в сочинениях Белинского, ни в его переписке имя Прудона более не встречается ни разу⁶⁷. Между тем Прудон принадлежал к числу наиболее крупных идеологов мелкой буржуазии. Именно его политико-экономические установки подверглись специальному рассмотрению и уничтожающей критике в письме К. Маркса к П. В. Анненкову от 28 (16) декабря 1846 г. Не может быть никаких сомнений в том, что это письмо, предвосхищавшее основные тезисы «Нищеты философии», стало известно Белинскому тотчас после его встречи с Анненковым в Зальцбрунне летом 1847 г. Однако, даже если мы признаем, что Белинский был не только хорошо осведомлен о работах Прудона, но успел познакомиться и с сокрушительной их критикой в письме Маркса к Анненкову, строки о впечатлениях Белинского от «Les Confessions» никакого отношения к Прудону все-таки не имеют. В числе печатных работ Прудона, действительно, значится книга «Les Confessions d'un révolutionnaire», но Белинский не мог читать ее в 1846 г. по той простой причине, что она вышла в свет лишь три года спустя, т. е. в 1849 г. В письме же к жене Белинский имел в виду «Les Confessions» («Исповедь») Руссо. 3 мая 1846 г. Белинский получил в подарок от Герцена четырехтомное французское издание Руссо. В первый том этого издания, который Белинский взял, видимо, с собой в дорогу, выехав на юг, входили «Les Confessions»⁶⁸.

Плохо знаком был Ляцкий и с журналами, в которых сотрудничал Белинский. Из-за этого остался неразъясненным в комментариях к письмам Белинского интерес-

нейший эпизод, характеризующий нелегальное сотрудничество в «Телескопе» Н. А. Полевого. Именно ему Белинский писал 19 сентября 1835 г.: «Благоволите уведомить меня касательно вашего намерения на счет Чаттертона, — я бы и распорядился соответственно с вашим решением» (II, I, 62—63). Сохранился и ответ Полевого на этот запрос: «Беда не велика, только бы годилось вам. Касательно двух других предметов, — приятель мой оба начал их, но повремените немного. Столько хлопот и занятий» (II, I, 391).

Если мы обратимся к книжкам «Телескопа» периода редактуры Белинского, то в одной из них, разрешенной цензурой за две с половиной недели до отмеченной выше переписки, находим большую критическую статью, посвященную разбору драмы А. де Виньи «Чаттертон» («Телескоп», 1835, № 7, стр. 418—440). Статья анонимна, но принадлежность ее Н. А. Полевою не вызывает никаких сомнений. В борьбе с официально-патетической драматургией он продолжал в ней именно ту литературно-политическую линию, за которую полтора года назад был закрыт «Московский телеграф»: «Для честного успеха драмы на нынешней сцене, — писал Полевой, демонстративно подчеркивая слово «честный», — она должна быть взята из нашего, из близкого или хорошо знакомого нам общества, должна иметь народный, современный или общий человеческий интерес, должна быть обработана свободно, поэтически, не подчинена чуждым формам и не обвешена без внутренней необходимости сценическими побрякушками». Статья Полевого в «Телескопе» — это, сколько нам известно, первая попытка его вернуться к литературно-критической работе после закрытия «Московского телеграфа». Самое имя его в 1835 г. было еще запретным. Поэтому он не только не мог подписать его под статьей, но даже в переписке о последней с Белинским не выходил из рамок самой строгой конспирации.

С именем Полевого связан был еще один эпизод, о котором Белинский дважды упоминал 21 июня 1837 г. в письмах к К. С. Аксакову и Д. П. Иванову, волнуясь из-за отсутствия отзывов в печати о только что выпущенных им в свет «Основаниях русской грамматики»: «Я знаю, что Полевой напишет в „Библиотеке“, и напишет очень скоро, если уже не написал» (II, I, 75 и 72). Ляцкий не знал, что этот отзыв Полевого (очень, кстати сказать, осторожный — рецензент выражал сомнение в том, что «труд г. Белинского окажется пригодным для первоначального обучения») действительно был напечатан в «Библиотеке для чтения» 1837 г. (№ 7, отд. VI, стр. 18). Однако из-за того, что он был анонимен, С. А. Венгеров ошибочно приписал его О. И. Сенковскому⁶⁹.

10 января 1840 г. Белинский писал К. С. Аксакову: «Портрет кн. Одоевского во „Сто литераторов“ еще под сомнением. По крайней мере, он отрекся при мне от согласия. Чуть ли это не штука подлеца Полевого. Успокой Николая Филипповича» (II, II, 25). Строки эти, оставленные Ляцким без всяких пояснений, расшифровываются письмами Н. Ф. Павлова к В. Ф. Одоевскому от 8 и 29 января 1840 г., в которых речь шла о возмущении московских литературных кругов согласием кн. Одоевского на помещение его портрета в одном из очередных томов издания «Сто русских литераторов». Представители передовой литературы бойкотировали этот сборник. Возмущение же Белинского Полевым в данном случае объясняется тем, что ложная информация о портрете В. Ф. Одоевского появилась в «Сыне отечества», редактором которого в эту пору был Полевой⁷⁰.

В письме Белинского от 16 апреля 1840 г. к Боткину мы читаем: «Кто-то писал ко мне (уж не ты ли?) или от кого-то слышал я, что „Наблюдатель“ воскресает и хочет блистать ученостию московских профессоров, а Огарев будто бы дает деньги Степанову на печатание. Вздорное предприятие! Толку не будет никакого!» (II, II, 105). В издании Ляцкого эти строки никак не комментируются, а между тем они связаны с попыткой группы московских либералов с Грановским во главе организовать отпор Белинскому, автору статей о «Бородинской годовщине», о «Горе от ума», «Менцель — критик Гете» и др. Борясь с примиренческой платформой «Отеч. записок», Грановский в то же время решительно отмежевывался от группы Герцена, Огарева, Сазонова, Сатина и других демократов. План организации этого «нового ученого журнала» изложен был в письме Грановского от 4 марта 1840 г. к Станкевичу.

В числе ближайших участников издания назывались им Корш, Крюков, Редкин. Полагая, что в новом журнале «должны принять участие все порядочные люди в России из нового поколения», Грановский отмечал: «Распространение Humanität — вот цель. Дрянной публике мы угодить не станем». От денег, предложенных Огаревым, Грановский отказался, опасаясь «приятелей Огарева» и «постороннего влияния» на направление журнала^{71.} Скептическая оценка Белинским перспектив этого начинания оказалась совершенно правильной: проект возрождения «Московского наблюдателя» под редакцией Грановского остался неосуществленным.

Никакого освещения не получило в комментариях Ляцкого и интереснейшее письмо Белинского к Кетчеру от 3 августа 1841 г., посвященное плану организации Краевским в Петербурге большой общественно-политической и литературной газеты при ближайшем участии Белинского и его единомышленников (II, II, 255—256). Эта газета должна была строиться на базе «Сына отечества», журнала, официальная программа которого предусматривала общественно-политическую хронику, что и облегчало превращение именно этого органа печати в ежедневную газету. Несмотря на то, что эта попытка выхода Белинского из журнала в большую газету не увенчалась успехом, следовало бы учесть те скудные материалы, которые дошли до нас об этом проекте в письме Краевского от 4 августа 1841 г. к В. Ф. Одоевскому и в записях дневника А. В. Никитенко от 15 сентября 1841 г.⁷²

20 февраля 1840 г. Белинский отмечал в письме к Боткину: «Суждение Маргграффа о Беттине — превосходно, я совершенно с ним согласен» (II, II, 51). Строки эти Ляцкий пояснял: «Маргграф — немецкий писатель» (II, II, 386). Разумеется, эта справка никак не может удовлетворить читателя, заинтересованного в выяснении отклика Белинского на книгу Маргграффа (комментатор ее даже не называет). Между тем на все недоуменные вопросы по поводу строк Белинского отвечает февральская книжка «Отечественных записок» за 1840 г. Именно в этом номере журнала читатель найдет статью Я. М. Неверова о книге Маркграффа «Новейшая эпоха литературы и просвещения в Германии». Страницы этого «первоклассного критика», посвященные «мастерской» характеристике Беттины, Я. М. Неверов перевел полностью. Их и имел в виду Белинский: «Остатком романтического направления, — говорит Маркграф, — его последним, столь же странным как и поэтическим, столь же ребяческим, как и глубоко-мысленным произведением, была переписка Гете с дитятею<...> Я люблю дитя Беттину, это наивное, непринужденное, смело смотрящее в глаза дитя; люблю также в дитяти Беттину — девушку, пламенную, гордо кипящую, настойчивую, люблю эту первобытную, насмешливую южно-немецкую натуру; но я ненавижу это почти преступно-изнеженное любовное бешенство<...> Время, в которое Беттина может так чувствовать и так выражать свои чувства, — большое время» (отд. IV, стр. 21—29).

В письме Белинского к Боткину от 23 ноября 1842 г. мы читаем: «„Culte“ к тебе послать не могу — капиташка и Панаев обомлели от ужаса и удивления, услышав от меня, что ты хотел увезти „Culte“, а я хочу послать к тебе» (II, II, 319). Эти строки, смысл которых отказался объяснить Ляцкий (II, II, 428), очень тонко расшифровал в 1924 г. В. Л. Комарович, выдвинув предположение, что в письме Белинского речь шла о статье Пьера Леру «Culte» в «Новой энциклопедии». Именно об этой «Энциклопедии» писал Белинскому летом 1842 г. Грановский: «Читай французских историков и достань себе Encyclopédie Nouvelle; она познакомит тебя с Леру. Один из самых умных и благородных людей в Европе»⁷³.

Статья «Culte» входила в четвертый том «Encyclopédie nouvelle», редактированной П. Леру и Ж. Рейно. Этот том («Constant. — Culture». Paris, 1837) находился под строжайшим запрещением в России⁷⁴, чем и объясняется «ужас» Панаева и Комарова при известии о желании Белинского переслать его (или вырезку из него) Боткину.

Белинский, как известно, очень восторженно реагировал на стихи «Петр Великий», опубликованные в «Отеч. записках» 1842 г. (№ 7): «Славные стихи „Петр Великий“ — читаю и перечитываю их с наслаждением, — писал он в июле 1842 г. Боткину и Панаеву, — спросите у Краевского, где он их взял» (II, II, 312). Мы не знаем, что ответил на этот запрос Краевский (стихи были снабжены в журнале подписью: «Л. П.»), но Ляцкий мог бы отметить, что именно об этих стихах писал в своих воспоминаниях о Бе-

линском не кто иной, как Тургенев: «Белинский часто читал между друзьями стихотворение Льва Пушкина, брата поэта, „Петр Великий“ и с особенным чувством произносил стихи, в которых преобразователь представлен был влачащим — „Ряд изумленных поколений | Рукой могучей за собой“»⁷⁵.

Без всяких объяснений оставил Ляцкий и отклик Белинского на стихотворный ответ московских студентов мракобесу М. А. Дмитриеву. Мы имеем в виду письмо Белинского к Боткину от 9 декабря 1842 г.: «Спасибо за вести о славянофилах и за стихи на Дмитриева — не могу сказать, как то и другое порадовало меня» (II, II, 327). Памфлетное послание М. А. Дмитриева «К безмянному критику», опубликованное в «Москвитянине» 1841 г., квалифицировалось Белинским как явный полицейский донос (VII, 510—512). Ответ на эти стихи, столь обрадовавший Белинского, являлся плодом коллективного творчества (А. Фета, Я. Полонского, А. Григорьева) и дошел до нас далеко не полностью. Наиболее авторитетный список этих стихов («Как тебе достало духу Руси подличать в глаза...») опубликован недавно В. Евгеньевым-Максимовым («Ленинград», 1940, № 21—22, стр. 34).

3 апреля 1843 г. Белинский писал Боткину: «Сейчас кончил 1-ю часть истории Louis Blanc. Превосходное творение! Для меня оно было открытием...» (II, II, 360).

Как и все комментаторы Белинского, Ляцкий упустил из вида, что именно эта оценка Луи Блана (речь шла об «Histoire de dix ans»), углубленная летом 1843 г. в беседах великого критика с Герценом в Москве об этой же книге, получила отражение в страницах об уроках французской революции 1830 г. в знаменитой статье Белинского о «Парижских тайнах» Евгения Сю⁷⁶. Но ни в своем учете материалов «Histoire de dix ans», ни в своей полемике [с ошибочными обобщениями автора этой книги, Белинский не рискнул назвать самого имени Луи Блана, запретного для русской легальной печати. Однако уже через три-четыре года Белинский отзывался о трудах Луи Блана только иронически, предвосхищая критику «Истории десяти лет» в письме Ф. Энгельса от 1851 г. к Марксу: «Эти „Dix ans“ все еще не подвергнуты критике с более радикальной точки зрения и являются как в Германии, так и во Франции серьезнейшим пособием для всей революционной партии. Полагаю, что было бы весьма не вредно ограничить влияние этой книги надлежащими рамками; до сих пор ее авторитет не подвергался никаким сомнениям»⁷⁷.

Письма Белинского к Анненкову от 17 сентября и 2 декабря 1847 г. позволяют установить любопытный факт — приглашение к участию в «Современнике» политэмигранта Н. И. Сазонова, друга Герцена и Огарева, считавшего себя в это время учеником Маркса. В самом деле, в первом из этих писем Белинский отмечал: «Поклонитесь от меня Н. И. Сазонову и напомните ему о его обещании написать статью» (II, III, 266). А во втором письме Белинский раскрывал и название заказанной Н. И. Сазонову работы: «А что же статья об „Эстетике“ Гегеля?» (II, III, 297). Однако Ляцкий никак не связал последние строки ни с Н. И. Сазоновым, ни с порученной ему для «Современника» статьей.

IX

А. Я. Головачева-Панаева, публикуя на страницах «Исторического вестника» в 1889 г. свои известные воспоминания, остановилась в одной из последних глав на истории реорганизации «Современника» Белинским, Некрасовым и Панаевым в 1846—1847 гг. Не в пример прочим местам своего повествования, А. Я. Панаева сочла нужным именно эти страницы подкрепить и какую-то видимостью документальности. Мы имеем в виду тот отрывок из письма Белинского к Панаеву, который был вмонтирован ею, якобы как цитата, в рассказ о событиях осени 1846 г.⁷⁸

Эта «цитата», безоговорочно включенная Ляцким в корпус писем Белинского (II, III, 160), представляла собой довольно примитивную имитацию живого говора и эпистолярного стиля Белинского и как всякая фальшивка могла бытовать лишь при условии некритического к ней отношения. Характерная для А. Я. Панаевой путаница в датах и именах наложила свою печать и на материал сочиненного ею документа.

Напомним начало этого письма: «Скорей, скорей приезжайте в Петербург и сейчас же поезжайте к Плетневу. Так и знайте, Панаев, что, если вы, по своей ветренности,

не приобретете от Плетнева „Современника“, я вас прокляну! Я почти не сплю от страха, ну, если кто-нибудь уже купил у Плетнева право на „Современник“ (<...> Я так напуган всякими скверностями, какие проделывает со мной моя мачеха-судьба, что мне все кажется какая-нибудь каверза подвернется и все дело пропадет).

Независимо от того, что Белинский этих строк оказывается в плену беллетристического стиля самой мемуаристики, он никак не мог обращаться в 1846 г. к ее мужу с призывом скорее возвращаться в Петербург и форсировать окончание переговоров с Плетневым. Сам Белинский возвратился в Петербург из своей поездки на юг не раньше 18—20 октября, т. е. много позже самого Панаева⁷⁹. За месяц до своего возвращения, еще в пути, Белинский был уже осведомлен специальным деловым письмом Некрасова о всех событиях, связанном с неоглашенным для него взятием в аренду «Современника»⁸⁰. Из этого письма Белинский точно знал, что Панаев давно уже в Петербурге и что торопить его с окончанием дела не приходится («В июне я отправился в Петербург, — писал ему Некрасов в этом письме. — в августе прибыл и Панаев и, наконец, мы на днях кончили с Плетневым и взяли у него „Современник“»).

Фальсификация выдает себя и при рассмотрении «письма к Панаеву», как ответа на сентябрьское письмо Некрасова, и при толковании его данных, как отклика на промедление с нотариальным оформлением договора, который подписан был 23 октября 1846 г.: Панаев и в том и в другом случае был в Петербурге⁸¹.

В дополнениях к трехтомнику Ляцкий опубликовал письмо за подписью «Б.», включенное в роман В. П. Ключникова «Марево» («Русский вестник», 1864, кн. II, февраль, стр. 694). Это письмо, как утверждал Ляцкий, учитывая возможность знакомства В. П. Ключникова с не известными нам письмами Белинского к его дяде, «по своему стилю и внутреннему характеру принадлежит несомненно Белинскому, хотя и носит следы переделки и искажений (<...> Нам кажется, что упомянутые переделки и искажения сравнительно ничтожны и что основная часть текста является подлинным письмом Белинского к И. П. Ключникову» (II, III, 394)⁸².

Это предположение не выдерживает, однако, никакой критики, ибо самая существенная часть письма (упоминания о встрече с генералом Скобелевым, об эксплуатации Белинского Краевским и сентенция о «крови горлом» в «довершение удовольствия») полностью восходит не к гипотетическому архиву Ключникова, а, как мы устанавливаем, к XXV гл. «Былого и дум»⁸³. То же, что прямо не заимствовано романистом из книги Герцена, исключительно наивно и никак не вяжется ни с хорошо известными отношениями Белинского к Ключникову, ни с лексикой писем Белинского, ни с фразеологией 40-х годов (например: «я тебя люблю и уважаю, как бывшего учителя» или «Это ты мог проделать в Петербурге, не покидая общего дела и не изменяя современному движению» и т. п.).

Если даже у В. П. Ключникова и были какие-то подлинные письма Белинского к И. П. Ключникову, — он в своем романе ими никак не воспользовался.

X

С гораздо большим основанием, чем фальшивки А. Панаевой и В. Ключникова в приложениях к «Письмам Белинского» могли бы получить место сведения о тех его письмах, которые до нас не дошли, но содержание которых в той или иной мере может быть восстановлено по ответам на них его друзей или по их дневникам и мемуарам.

Так, например, в воспоминаниях Н. М. Сатина передавалась выписка из письма к нему Белинского:

«Поверь, что пошлость заразительна, и поэтому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов»⁸⁴.

Это письмо, погибшее, видимо, вместе с прочими бумагами Сатина, относилось, как мы полагаем, к 15 октября 1837 г., т. е. являлось частью того именно письма Белинского, которое фигурировало в 1850 г. в следственном деле Сатина. Мы можем сейчас реконструировать содержание этого письма почти полностью, ибо один фрагмент его дошел до нас в протоколах допроса Сатина (см. стр. 202—203), другой сохранился в его воспоминаниях, а о письме в целом дает отчетливое представление ответ Сатина

Белинскому от 7 ноября 1837 г. Этот ответ начинался замечанием Сатина: «Наконец, я получил твое первое послание». Таким образом, не трудно установить, что письмо Белинского от 15 октября было первым его обращением к Сатину после отъезда из Пятигорска, а развернутое именно в этом письме понимание «пошлости», как формы «прекраснодушия», объясняет и неожиданную резкость той строки Белинского о Лермонтове, которую цитировал Сатин в своих мемуарах.

Письма Сатина к Белинскому от 7 ноября и 27 декабря 1837 г., опубликованные в 1948 г. Н. Л. Бродским в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты», дают исключительно ценный материал о настроениях Белинского периода его вынужденного молчания в печати. Этот материал тем значительнее, что Сатин в своей полемике с Белинским опирался на точные цитаты из впоследствии утраченных его писем, тщательно отделяя в каждом отдельном случае формулировки критика от своего толкования и пересказа их. Особенно богато в этом отношении письмо Сатина от 7 ноября 1837 г.: «Ты самолюбив, Б(елинский). — Ты позабыл „грязную дорогу и ее мучения, Кавказ и скучное лечение“, а вместе с этим забыл, кажется, и то, что слышал от меня. Ты обвиняешь меня в желании делать пользу, в самом пошлом значении этого слова <...> Я не понимаю, о чем ты хлопочешь: доказать, что „благо в явлении не должно быть точкою отправления, а результатом блага в идее“. Да это такая банальная истина, о которой и говорить не стоит; нет положительного блага без любви, а для того, чтоб любовь перешла в явление, необходимо, чтоб она прежде оплодотворилась в идее <...> Далее ты говоришь, что единственная достойная человека жизнь есть жизнь внутренняя, жизнь созерцания и спокойствия. — Несмотря на любовь и уважение мое к внутренней жизни, я не согласен с твоими понятиями. Пока на земле существует зло <...> до тех пор невозможно совершенное спокойствие и торжественное созерцание, до тех пор, говорю я, внутренняя жизнь (любовь в идее?) должна проявляться во внешности (любовь в явлении?) <...> К чему устремлена любовь твоего исключительно внутреннего человека?... „К истине, к богу!“ — отвечаешь ты <...> Ты жалеешь обо мне, как о человеке готовом пасть. — Спасибо, Б(елинский), это доказывает, что ты принял во мне участие и что у тебя не только прекрасная душа, но вместе и добрая <...> Но я не могу простить тебя за то, что ты осмелился жалеть об О(гареве). Меня ругай, я сознаюсь, что я имею иногда минуты слабости и делаю глупости, но тот человек, о котором ты пожалел вместе со мною, выше меня, выше тебя, и будь уверен, выше тех, которых ты знаешь. — Я сильно, очень сильно раскаиваюсь, что показал тебе письмо, ты не понял его, потому что принял буквально несколько аллегорических слов... — Но забудем об этом <...> Ты почитаешь меня погибающим, падающим, и что страннее всего, причину моей гибели ты находишь в том, что я будто вообразил себя великим поэтом <...> Писать стихи жалко и унижительно, говоришь ты <...> ты делаешь довольно жалкое сравнение между собою прошедшим и мною настоящим <...> „Кто не дурачился на свою долю!“, восклицаешь ты. Разумеется, всякий, только всякий дурачится своим образом: ты дурачился, писавши трагедию, я дурачился, — игравши в карты <...> Напрасно ты извиняешься в своей откровенности, это лишнее <...> Я люблю тебя и с удовольствием выслушаю все твои откровенности <...> Кстати о резкости <...> Твои суждения вообще слишком резки и вместе с этим им недостает прочного основания. Примеры: Шаториан — идиот; Ламартин — пошляк и прочая <...> Однообразие — качество наших московских профессоров, — есть твой недостаток, порок. — Твоя сторона прекрасна, благородна; но зачем же пренебрегать другими сторонами, зачем бросать на них незаслуженное проклятие?»⁶⁵

Окончанием этого своеобразного эпистолярного диалога являлось письмо Сатина от 27 декабря 1837 г. В этом письме использован был ответ Белинского на предыдущие полемические страницы Сатина, а поскольку этот ответ до нас не дошел, то мы и его формулировки можем частично реконструировать, опираясь на передачу Сатина:

«Нет, Б(елинский), можно не понять человека, но так превратно понять его, как ты понял меня, — и смешно, и грустно.

С чего взял ты, например, что я удовлетворен французскою литературою? <...> С чего взял ты, что я хвалю Шиллера, не читав его, что я ставлю Шатобриана и Ламартина выше всех человеческих умов, что я не уважаю философии, не стремлюсь к лучшей жизни и проч... и проч.? <...> Я убежден, мы верим в одну истину, мы стремимся к одной цели, но ты, Белинский, извини, ты — Марат философии. Вот отчего мы так дурно понимаем друг друга, служа одному делу. — Возьмем сравнительно несколько примеров:

1) Ты говоришь: „Кто не живет непрерывно в Духе, в Абсолюте, тот живет в падении, тот призрак! <...> У тебя все (да, все, и немецкие философы включительно) — призраки, у меня — есть избранные. Ты не подозреваешь, может быть, что ты своею маратовскою фразою уравнивал всех, всех послал на гильотину падения. — Мудрено ли после этого, что тебе всюду мечтаются призраки, говорят, это случалось иногда и с Маратом <...>“

2) Ты говоришь: что тебе известен путь к абсолютной истине, что нужно только некоторое усилие(?!), чтобы переселиться в жизнь абсолютную и вполне познать бога. Я говорю: что совершенное знание бога, как предела истины, недоступно человеку <...>

3) Ты говоришь: „Существует только одно Бесконечное, а все конечное — призрак“ <...>

4) Ты говоришь, что человек может и должен быть духом.

Я говорю, что человек может жить в духе, но не может и не должен быть духом. Человек — дух, — бессмыслица <...>

Я бы мог умножить примеры твоей необычайной гиперболичности, которую не оправдывает никакая философия, но пока — довольно»⁸⁶.

Переписка Белинского с Сатиным для нас особенно интересна сейчас потому, что даже случайно сохранившиеся ее фрагменты позволяют установить содержание задуманного критиком в 1837 г. большого литературно-философского трактата, о котором он писал М. А. Бакунину 6 августа 1837 г. из Пятигорска: «Я составил план хорошего сочинения, где в форме писем или переписки друзей хочу изложить все истины, как постиг я их, о цели человеческого бытия или счастья. Я дам этим истинам практический характер, доступный всякому, у кого есть в груди простое и живое чувство бытия; обе мои статьи, написанные в Премухине, войдут сюда, переделанные в своей форме, очищенные от многословия и противоречий. Здесь я разовью, как можно подробнее и картиннее, идею творчества, которая у нас так мало понята; словом, здесь я надеюсь выразить всю основу нашей внутренней жизни» (II, I, 129). Если эти строки можно еще только гипотетически связать с дискуссиями Белинского с Сатиным в пору их почти ежедневных встреч в Пятигорске, то теснейшая связь известного нам материала о «Переписке двух друзей» с обрывками переписки Белинского с Сатиным не оставляет уже никаких сомнений в том, что именно эти письма критика являлись своеобразными заготовками для задуманного им трактата. 1 ноября 1837 г. Белинский писал Бакунину: «Я начал „Переписку двух друзей“, большое сочинение, где в форме переписки и в форме какого-то полуромана будут высказаны все те идеи о жизни, которые дают жизнь, и которые, без полемики, должны разоблачить Шевыревых и подобных ему. Это будет, собственно, переписка прекрасной души: с духом; первое лицо, как разумеется, будет моим субъективным произведением, а второе — чисто объективным. В лице первого я поражу прекраснодушие так, что оно устыдится самого себя; впрочем, в представителе прекраснодушия я выведу лицо не прошлое, но полное жизни истинной, кипучей, придам ему не фразы и возгласы, но слово живое, увлекательное, картинное и поэтическое; словом, я изображу в нем одного из тех людей, доступных всему истинному, но лишенных силы воли для полного достижения высшей истины, одного из тех людей, которые понимают истину, но хотят, чтобы она досталась им без труда, без жертвований, без борьбы и страдания».

Несмотря на дальнейшие уверения Белинского в том, что в «этой прекрасной душе» он «изобразит себя, наплюет на самого себя и оплачет самого себя» (II, I, 137—138), сейчас мы можем установить, что автобиографический замысел задуманного им трактата отнюдь не исключал и таких конкретных прототипов «прекрасной души», как

молодой Сатин. В полемике именно с ним, предваряющей «Переписку двух друзей», кристаллизовались мысли Белинского о людях, «не желающих пожертвовать частью своей дикой свободы гражданскому порядку», о людях, предпочитающих «всю жизнь свою жить редкими и немногими минутами восторга», чем «путем труда и усилия перейти в полную жизнь». Сочетание в письмах Белинского к Сатину элементов как подлинной полемики с последним, так и ударов по тому «воображаемому собеседнику», который нужен был Белинскому, но с реальным Сатиным далеко не всегда совпадал, объясняет, на наш взгляд, недоумение и возмущение Сатина тем, что Белинский приписывал иногда ему в своих письмах мнения, которых он никогда не высказывал и не разделял («Нет, Белинский, можно не понять человека, но так превратно понять его, как ты понял меня, — и смешно, и грустно»)⁸⁷.

XI

В самом начале 1837 г. Белинский написал, для «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», статью о «Повестях Александра Мухина». Содержание и судьба этой статьи уясняются в свете недавно опубликованного письма А. А. Краевского к Белинскому от 19 января 1837 г.:

«Благодарю вас за разбор повестей Мухина. Я не могу только согласиться с мнением о повестях Павлова, в нем вставленным, и намеком на щегольские издания, выходящие из типографии Семена в желтых обертках: это может почесться намеком на Наблюдатель, который считаю единственно честным, благонамеренным и добрым русским журналом, хотя и не столь живым и разнообразным, как бы должен быть журнал. По всему этому я удержался печатанием вашей статьи и буду ожидать вашего ответа»⁸⁸.

Письмо Краевского позволяет окончательно установить, что, вопреки общепринятому мнению Венгерова, никакой особой статьи о повестях Н. Ф. Павлова Белинский в 1837 г. не писал⁸⁹. Отзыв же о них вкраплен был в разбор повестей А. Мухина, политические и литературные установки которых, видимо, противопоставлялись «Трем повестям» Павлова, вышедшим в свет еще в 1835 г. Мы имеем возможность с большой долей вероятия объяснить и причины сочувственного обращения Белинского к повестям Мухина, статьей о которых Белинский хотел дебютировать в Петербурге после закрытия «Телескопа». В самом деле, ровно за месяц до обращения Белинского к Краевскому со статьей о повестях Мухина, о последнем писал Пушкину около 16 декабря 1836 г. П. В. Нащокин: «Посылаю тебе повести Мухина — от самого автора. — Я их читал — они мне очень понравились — в них много чувства, — а автора в них совсем нет. Сделай милость — к собственным их достоинствам прибавь словечко. Ему нужно, он человек не богатый — семейный — ему нужны деньги, — а повести, право, очень хороши»⁹⁰.

Как известно, Белинский в 1836—1837 гг. часто встречался с Нащокиным, пользуясь его моральной и материальной поддержкой. Через Нащокина велись Пушкиным осенью 1836 г. переговоры и о переходе Белинского на работу в «Современник». Горячее сочувствие Мухину, получившее выражение в письме Нащокина к Пушкину, объясняет внимание к этому писателю и со стороны Белинского. Статья его о повестях А. Мухина осталась, однако, ненапечатанной. Не дошла до нас и рукопись этой статьи, а последним упоминанием о ней Белинского явился его ответ Краевскому 4 февраля 1837 г.: «Теперь о моей рецензии на книгу Мухина. Говоря о том, что посредственность печатается у Семена, я не думал этим сделать ни малейшего намека на „Наблюдателя“; впрочем, это выражение — такая малость, что я не был бы на вас в претензии и тогда, если бы вы вычеркнули его без моего ведома <...> Что же касается до моего мнения насчет повестей Н. Ф. Павлова — это другое дело. Я могу смягчить выражение: „самые проблески чувства замирают под лоском щегольской отделки, а блестящая фраза отзывается трудом и изысканностию“, так: „самые проблески чувства как будто ослаблены излишним старанием об изящной отделке, а блестящий слог отзывается как-то трудом и изысканностию“; остальное же все должно остаться без перемены, — или бросьте всю статью в огонь. Впрочем я не понимаю, почему вам не поместить ее; ведь вы допускаете же чужие мнения, противоречащие вашим <...> Кроме того, вы можете сделать

примечание, выноску, где скажете, что вы не согласны с этим мнением. Во всяком случае, я несколько не почту себя обиженным, если моя статья будет брошена под стол: дорожка своими мнениями, я умею уважать и чужие» (II, I, 70).

В интереснейшем письме Н. А. Полевого к Боткину от 20 марта 1838 г. сохранились строки, позволяющие установить тематику и настроение неизвестного нам письма Белинского к бывшему редактору «Московского телеграфа»: «Письмо это покажите Белинскому, потому что не успеваю написать ему ничего отдельно. Предубеждение его против Петербурга существующее ребячество. Города и люди везде одни».

В этом же письме Н. А. Полевой, возражая на обвинения своих московских приятелей, резко отвергал их упреки за свою солидарность с какой-то статьей Н. С. Селивановского: «За что вы все рассердились на статью Селивановского? Опять я утверждаю, что истинно он не м е р в а в е ц, но только ч е л о в е к — просто, а статья его что же содержала? Е г о мнение и довольно справедливое, и неужели журнал должен быть монополией мнений? Это-то и губит нас, что мы монопольны и односторонни. Белинский, например, уничтожает классицизм и Державина — несправедливо и ложно. Он не терпит Каратыгина, а я теперь узнал его как артиста, как человека, и беру прежнее о нем мнение обратно»⁹¹.

Н. М. Мендельсон, публикуя это письмо, недоуменно замечал: «О какой статье Селивановского говорит Полевой, выяснить не удалось». Между тем, если мы обратимся к книжкам «Сына отечества», редактируемого в это время Полевым, то легко обнаружим, что в эпистолярной полемике его с Белинским и Боткиным речь шла об известном «Письме из Москвы», опубликованном за подписью «А. М.» во второй книге «Сына отечества» 1838 г.

Вопрос об авторе «Письма из Москвы» в течение ста с лишним лет оставался открытым. Сам Белинский, отвечая А. М. в своем «Литературном объяснении» («Моск. наблюдатель», 1838, кн. 2 — III, 318—322), не раскрыл этих инициалов, хотя, конечно, уже хорошо знал имя автора. Ни С. А. Венгеров (Полн. собр. соч. Белинского, т. III, СПб., 1901, стр. 531), ни В. С. Спиридонов (Полн. собр. соч. Белинского, т. XIII, М.—Л., 1948, стр. 589), ни И. Ф. Масанов («Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», т. I, М., 1941) не расшифровали этот псевдоним, принадлежавший Н. С. Селивановскому, тому самому Селивановскому, который поместил (за подписью «А. Б. В.») в «Молве» 1836 г. знаменитую статью о московской премьере «Ревизора», очень близкую по своим установкам Белинскому. Роль Н. С. Селивановского как литературного и театрального критика, близкого Белинскому и Полевому, определяется не только принадлежностью ему известных статей «А. Б. В.» и «А. М.».

В письме к К. С. Аксакову от 14 августа 1837 г. Белинский рассказал о своем неприятном объяснении в Пятигорске с И. Н. Скобелевым, который считал Белинского автором резкой статьи о нем в «Молве» 1835 г. Между тем, как замечал Белинский, автором рецензии на книжку Скобелева был вовсе не он, а Селивановский «в безымянной статейке, как он это всегда делает по с в о й с т в е н н о м у е м у б л а г о р а з у м и ю» (II, I, 103).

Весьма ценный литературно-бытовой материал о Белинском и его окружении дают письма Кольцова, сохраненные великим критиком почти полностью. Письма эти перепечатывались много раз, но ни один из исследователей Белинского и Кольцова не обратил внимания на несогласованность некоторых свидетельств Белинского о его встречах с Кольцовым в 1838 г. с общепринятой датировкой писем поэта. Мимо этого факта прошел и Ляцкий, печатавший без всяких пояснений строки Белинского о Кольцове в письме его к Бакунину от 20 июня 1838 г.: «Кольцов вчера познакомился с твоими. Варвара Александровна осыпала его комплиментами и ласками, была с ним любезна, как нельзя больше» (II, I, 201). Датировка Белинского совершенно точна, ибо подтверждается рядом других свидетельств о времени пребывания матери и сестер Бакунина в Москве.

Однако если мы обратимся к письмам Кольцова этой поры, то окажется, что из Москвы в Воронеж он выехал еще в первых числах июня 1838 г., а 15 июня уже делился в письмах к Белинскому и Краевскому своими впечатлениями от возвра-

щения в родной город («Я в Воронеже — неделя, как приехал из Москвы...»). Мы полагаем, что разительное несоответствие между хронологией писем Кольцова и свидетельствами Белинского о встрече с Кольцовым у Бакуниных может быть объяснено или явной опiskeй Кольцова, поставившего «15 июня» вместо «15 июля», или неправильным прочтением этих дат первым публикатором писем⁹².

28 июня 1841 г. Белинский переслал Боткину свое письмо к К. С. Аксакову, вероятно, то именно письмо, которым окончательно ликвидировались его дружеские отношения с Аксаковым. О содержании этого письма, затерянного или уничтоженного, мы можем судить по впечатлению Боткина, выраженному в письме к Белинскому от 18 июля 1841 г.: «Прочел твое письмо к Аксакову. Ну, ну! Вот до чего дошло! Но меня это нисколько не удивило. В Аксакове лежала всегда возможность того, чем он теперь стал»⁹³.

Из исключительно важной по своему общественно-политическому значению и интересу переписки Белинского с Герценом до нас дошло только десять писем Белинского — одно 1845 г. и девять 1846 г.⁹⁴ Но дневники, переписка и воспоминания Герцена сохранили немало свидетельств, проливающих свет и на содержание утраченных (или, точнее, уничтоженных) писем Белинского.

В «Былом и думах» закреплён, например, письменный отклик великого критика на драматические сцены Герцена «Лициний» и «Вильям Пенн». «Я эти сцены, не понимая почему, вздумал написать стихами, — рассказывает Герцен. — В 1839 или 1840 г. я дал обе тетрадки Белинскому и спокойно ждал похвал. Но Белинский на другой день прислал мне их с запиской, в которой писал: „вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмечая стихов; я тогда с охотой прочту, а теперь мне все мешает мысль, что это стихи“. Убил Белинский обе попытки драматических сцен». В этом рассказе вызывает сомнение прежде всего его датировка. Как известно, свои драматические сцены Герцен впервые предложил «Московскому наблюдателю» через Кетчера ещё осенью 1838 г. Ответ Белинского на это предложение нам неизвестен, но возможно, что Кетчер не исполнил поручения Герцена, ибо последний 21 марта 1839 г. вновь, через того же Кетчера, предложил для «Московского наблюдателя» сцены из «Лициния» и «отрывки из своей биографии»⁹⁵. По всей вероятности, ответ Белинского, цитируемый в «Былом и думах», связан был именно с этим обращением Герцена в «Московский наблюдатель». Однако самая редакция этого ответа, приводимая Герценом, вызывает большое сомнение. Белинский познакомился с Герценом не раньше осени 1838 г., но и после этого знакомства они долго оставались друг с другом в отношениях, достаточно далеких и исключавших обращение на «ты».

Итак, если и признать, что поводом для переписки Белинского с Герценом явились весной 1839 г. драматические сцены последнего (в 1840 г. Герцен, конечно, не стал бы домогаться напечатания своих юношеских стихотворных опытов), то самая записка Белинского, отмечаемая в «Былом и думах», являлась не точной цитацией первоисточника, а воспроизведением его по памяти.

С 14 по 24 декабря 1839 г. Герцен пробыл в Петербурге. К этому времени относилась и та встреча его с Белинским, под впечатлением которой последний писал Боткину 30 декабря 1839 г.: «Умный, добрый, прекрасный человек, но если бог привел больше не видеться — хорошо бы. Обыкновенная терпимость разумна только в отношении к низшей действительности, а не к высшей призрачности» (II, II, 18). Для Е. А. Ляцкого очень характерно, что в комментариях к этому письму (II, II, 381) он не признал Герцена в этом «умном, добром и прекрасном человеке», которого Белинский по конспиративным соображениям не захотел называть по фамилии. В середине января 1840 г. Герцен вновь появился в Петербурге. Свиданий с Белинским некоторое время он, видимо, избегал, несмотря на то, что московские их друзья с нетерпением ждали вестей об этой «встрече Наполеона с Суворовым», как иронизировал Н. П. Огарев в письме от 6 марта 1840 г.⁹⁶ Борясь с влиянием «примиренческих» статей Белинского на передовую общественность, Герцен с большим удовлетворением отмечал в письме от 6 апреля 1840 г. к М. Н. Похвисневу, что ему удалось «подбить против Белинского» всех тех, кто

«еще не был против него». Статью Белинского «О сказках бабушки Иринейя» Герцен в этом же своем письме резко квалифицировал как «оплеуху für sich und an sich»⁹⁷. Борьба с Белинским приняла такой характер, что в начале июля 1840 г. Кетчер считал необходимым письменно указать Герцену: «Несмотря на все уродливости, я все-таки советовал бы не расходиться совершенно с Белинским и не слушать всех вздором даже из уст Михайлы Александровича <Бакунина>»⁹⁸. Страницы «Былого и дум» с исключительной яркостью свидетельствуют о том, как эта «вражда» к концу года перешла в самый тесный политический контакт и большую личную дружбу.

Постоянное общение Белинского с Герценом в Петербурге исключало необходимость переписки, вопрос о которой возник лишь после высылки Герцена из Петербурга в Новгород в 1841 г. и после переселения Герцена летом 1842 г. в Москву.

Ни одного письма Белинского к Герцену за период 1841—1845 гг. до нас не дошло, несмотря на то, что переписка эта поддерживалась весьма интенсивно. Под впечатлением одного из не дошедших до нас писем Белинского в дневнике Герцена появились 14 ноября 1842 г. его известные строки о великом критике: «Фанатик, человек экстремы <...> Тип этой породы людей — Робеспьер». Вероятно, к концу этого же года можно отнести строки письма Белинского о Пьере Леру, вкрапленные Герценом в одну из глав «Былого и дум»: «„Петр Рыжий становится моим Христом“, — писал мне всегда увлекавшийся через край Белинский»⁹⁹.

Об интеллектуальном одиночестве Белинского в Петербурге и безденежье, видимо, шла речь в его письме, полученном Герценом 15 февраля 1843 г., что видно из записи в дневнике Герцена от этого числа. Следующее письмо Белинского Герцен получает 15 апреля 1843 г., а о содержании его передает 22 апреля Н. П. Огареву: «От его юмору горло захватывает, в слезе его злая ирония и в иронии горькие слезы; он беснуется озлобленный, желчный». В этом же письме Герцен сообщает об отклике Белинского на его очерки «Дилетантизм в науке»: «Виссарион говорит, что я на стали гравировую свои статьи, и в восхищеньи»¹⁰⁰.

Борьба Белинского с тенденциями Грановского и Герцена к политическому соглашению с левыми славянофилами была отражена в его письмах 1844 г. О первом из этих писем Герцен сообщал Н. Х. Кетчеру 15 марта 1844 г.: «Все, что Виссарион пишет по этой части <...> не выдерживает никакой критики». В дневнике Герцена от 17 мая 1844 г. отмечено было получение «огромного, в роде диссертации» письма Белинского на эту же тему. Здесь Герцен ограничился выпиской из этого письма только одной строки: «Я жид по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу»¹⁰¹, но в «Былом и дум» (гл. XIX) он привел из этого же письма еще несколько слов: «Грановский хочет знать, читал ли я его статью в „Москвитяине“. Нет, и не буду читать; Скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания»¹⁰².

14 августа 1844 г. Герцен отмечает получение еще одного письма Белинского, «писанного с желчью и досадой». Под впечатлением этого письма Герцен резюмирует в дневнике свое отношение ко всем письмам Белинского этого года: «Я знаю Белинского и люблю, но иной мог бы отвечать в квадрате колко; Белинский не остался бы назади, — и прекрасные отношения лопнули бы»¹⁰³.

Мы ни в какой мере не рассчитывали исчерпать в своем общем обзоре все известные в печати материалы о не дошедших до нас письмах Белинского. Данных об этом очень много в письмах к нему и Бакунина, и Кольцова, и Станкевича, и Кавелина. Ценные сведения о не известных нам письмах Белинского к Боткину за время пребывания последнего за границей в 1844—1846 гг. сохранились в письмах Боткина, опубликованных в «Литературной мысли» 1923 г.¹⁰⁴ Немало свидетельств об утраченных частях корреспонденции великого критика зарегистрировано и в «Летописи жизни В. Г. Белинского» в 1924 г., а также в публикуемых в следующем томе «Лит. наследства» письмах родных к Белинскому. Однако все эти случайные и фрагментарные данные должны быть не только систематически и до конца выявлены, но и объединены в специальной критической сводке, — необходимым дополнении к будущему переизданию «Писем Белинского».

2. ПИСЬМА К БЕЛИНСКОМУ

XII

Белинский, как известно, сам положил начало публикации материалов своей переписки. Так, в статье «О жизни и сочинениях Кольцова» (приложенной к изданию сборника стихотворений последнего в 1846 г.) Белинский довольно широко использовал выписки из писем к нему Кольцова за время с 1836 по 1842 гг.¹⁰⁵ При жизни Белинского должны были появиться в печати и некоторые письма к нему Н. В. Станкевича. Отвечая на просьбу московских друзей о предоставлении Н. Г. Фролову материалов для задуманной им биографии Станкевича, Белинский 20 апреля 1842 г. писал: «Интересно, как напишет Фролов биографию Станкевича, которой, по моему мнению, невозможно написать. Письма его соберу, разберу и пришлю» (П, II, 307).

Труд Н. Г. Фролова, хотя и был доведен до конца, в свет не вышел, но два письма Станкевича к Белинскому (от 30 октября 1834 г. и от 30 мая 1836 г.) напечатаны были в 1857 г. в книге «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым»¹⁰⁶. Незадолго до «Переписки Станкевича» Герцен опубликовал в первой книжке «Полярной звезды» на 1855 год знаменитое письмо Белинского к Гоголю, вместе с двумя письмами последнего от 8(?) июня и 10 августа 1847 г.¹⁰⁷ Черновые наброски ранней редакции второго из этих писем, вместе с письмом Гоголя к Белинскому от 8(?) июня 1847 г., русский читатель нашел в первом своде материалов для биографии Гоголя, изданном П. А. Кулишом в 1856 г. под названием «Записки о жизни Гоголя»¹⁰⁸. Таким образом, к началу первого десятилетия со дня смерти Белинского огромный фонд писем к великому критику уже представлен был в печати несколькими ценными документами, опубликованными, правда, или в выдержках, или по случайным спискам.

Начало систематическому изучению переписки Белинского положил Пыпин в 1874—1876 гг. Именно в его монографии «Белинский, его жизнь и переписка», помимо большого числа писем самого Белинского, широко использованы были и письма корреспондентов великого критика.

Всего в книге Пыпина введено было в научный оборот около пятидесяти писем к Белинскому, в ряду которых особый интерес представляли не известные ранее письма Боткина, Станкевича, Кольцова, Грановского, Лажечникова, Кронсберга, Панаева, Д. П. и Е. П. Ивановых. Письма эти приводились Пыпиным обычно без комментариев, лишь в виде цитат, приспособленных, к тому же, к жестким цензурным условиям, но и в этом виде они значительно обогащали скудную документацию жизни и деятельности Белинского¹⁰⁹.

В предпоследней главе своего труда Пыпин очень осторожно пересказал и содержание двух записок М. М. Попова к Белинскому, в которых великому критику предлагалось явиться для личных объяснений в III Отделение. Пыпин не мог прямо назвать ни учреждения, в которое дважды вызывался Белинский в 1848 г., ни служебного положения М. М. Попова, превратившегося из скромного преподавателя Пензенской гимназии в 1820-х годах в одного из ближайших сотрудников главного начальника III Отделения. Письма М. М. Попова полностью напечатаны были, по копиям Пыпина, в «Русской старине» 1882 г., но причины, обусловившие вызов умирающего Белинского к руководителям охранительного аппарата самодержавия, не могли быть полностью раскрыты до опубликования некоторых секретных материалов архива III Отделения¹¹⁰.

Разумеется, самый факт вызова Белинского в III Отделение 20 февраля 1848 г., т. е. в тот день, когда в Петербурге получены были первые официальные сведения о низвержении Орлеанской династии и о третьей революции во Франции», необычайно симптоматичен. Но конкретным поводом для этого вызова явились все же не вести о победе революции во Франции, а материалы секретной информации о вредном, революционизирующем влиянии журналов «Современник» и «Отеч. записки» на переводную русскую общественность. Анонимная докладная записка об этом (опубликована впервые в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.» в 1908 г.) поступила в III Отделение около 11 февраля 1848 г. В условиях паники

охватившей петербургские официальные круги после провозглашения республики во Франции, секретная информация о подрывной работе ведущих органов русской печати не могла не произвести сильнейшего впечатления. По-новому зазвучали и строки, посвященные в этой записке последним статьям Белинского: «Нет сомнения, что Белинский и его последователи <...> нисколько не имеют в виду коммунизма, но в их сочинениях есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим»¹¹¹.

Мы полагаем, что необходимость проверки этих данных и обусловила вызов Белинского к Дубельту. Тяжелое физическое состояние Белинского заставило руководителей III Отделения отсрочить его явку. Но они полностью солидаризировались с той политической оценкой деятельности Белинского, которая дана была в отмеченном нами выше секретном дознании о передовой русской печати. Данные этого дознания о Белинском дословно перенесены были 23 февраля 1848 г. в специальную докладную записку шефа жандармов на имя Николая I об «особенном характере новой нашей журналистики», с заключением о необходимости обращения особого внимания органов надзора на статьи Белинского.

Вторая записка М. М. Попова к Белинскому датируется 27 марта 1848 г. Поводом для нового вызова Белинского к Дубельту (как это установлено было П. Е. Щеголевым в 1906 г. на основании материалов архива III Отделения) явилось подозрение о причастности критика к составлению подметного письма на имя шефа жандармов, в котором заключались «возмутительные предсказания на счет будущего в России»¹¹². Ответное письмо Белинского с просьбой и на этот раз отложить его явку учтено было чиновниками III Отделения как документальное подтверждение того, что почерк Белинского решительно не схож с почерком автора «возмутительного письма».

Письмо Белинского к Попову от 27 марта 1848 г., приобретенное к «делу» как вещественное доказательство, является последним из дошедших до нас автографов великого критика и каждой строчкой своей как бы подтверждает известные слова Грановского: «Благо Белинскому, у м е р ш е м у в о - в р е м я».

Пыпин продолжал собирать материалы о Белинском и после выпуска в свет своей монографии. В пыпинском архиве объединились в частности (в оригиналах и копиях) ряд писем, адресованных Белинскому. Эти материалы впервые были опубликованы в 1914 г. Ляцким. В примечаниях к своему изданию писем Белинского Ляцкий полностью напечатал письма к великому критику: Н. А. Полевого (от 19 сентября 1835 г. и от 25 января 1837 г.), И. Я. Кронеберга (от 25 мая 1838 г. и 20 августа 1838 г.), В. П. Боткина (от 9—12 февраля 1840 г., 17 августа 1840 г., 22 октября 1840 г., 29 октября 1840 г., 22—23 марта 1842 г.), А. И. Баландина (от 8 октября 1843 г.), И. С. Тургенева (от 13 декабря 1844 г., 28 марта 1845 г., 3 мая 1847 г., 10 мая 1847 г., 17 сентября 1847 г. и 14 ноября 1847 г.), Н. А. Некрасова (от 20 сентября 1846 г. и 24 июля 1847 г., с приписками Щепкина, Панаева, Гончарова и Кронеберга), П. В. Анненкова (от 25 марта 1847 г.). В выдержках Ляцкий привел письма к Белинскому его брата — К. Г. Белинского (от 12 и 16 июня 1831 г. и от 17 ноября 1831 г.) и матери (от 6 сентября 1831 г., 10 декабря 1832 г., 1 июля 1833 г. и 5 июня 1834 г.), а также несколько строк из письма А. Я. Кульчицкого от 27 января 1840 г. Сверх того, Ляцкий перепечатал три записки А. П. Ефремова к Белинскому (1836—1838 гг., опубликованные в 1899 г. в сборнике «Памяти В. Г. Белинского») и ответ Грановского на известное письмо критика о том, что «царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (II, II, 305).

Письмо это, концовка которого была опубликована еще Пыпиным (изд. 2-е, стр. 409—410), полностью появилось в издании А. В. Станкевича «Т. Н. Грановский и его переписка» (т. II, М., 1897, стр. 439—440).

Как и почти все дошедшие до нас письма Грановского, его письмо к Белинскому датировано не было. А. В. Станкевич отнес его «к началу 40-х годов», Ляцкий же правильно приурочил его к письму Белинского от 20 апреля 1842 г. Однако дата ответа Грановского может быть определена еще более точно — на основании того, что письмо это было послано Белинскому через

В. П. Боткина (П, II, 425), который выехал из Москвы в Петербург 1 мая 1842 г. («Лит. мысль», 1923, кн. II, стр. 181).

Все письма к Белинскому, включенные в издание Ляцкого, печатались им без необходимых биографических справок, без дополнительных библиографических ссылок, без уточнения даже дат старого и нового стиля. Так, например, письмо П. В. Анненкова от «25 марта» 1847 г. (П, III, стр. 368) осталось непонятым из-за того, что редактор не перенес его дату на старый стиль (т. е. на 13 марта), а данные письма И. С. Тургенева от 21 апреля (3 мая) 1847 г. (П, III, стр. 370) не были уточнены сопоставлением их с письмом Тургенева к Белинскому от 5 апреля 1847 г. Последнее письмо, опубликованное в 1892 г. в брошюре «В пользу голодающих. Лепта Белинского», отсутствовало в копиях Пыпина, а потому и не попало в издание Ляцкого.

Ляцкий не пояснял и более существенных особенностей печатаемых им документов. Так, например, публикуя письмо Боткина к Белинскому от 23 марта 1842 г., Ляцкий не учел, что письмо это является самым ранним опытом популяризации на русском языке основных положений книги Фейербаха «Сущность христианства», первые экземпляры которой привезены были Н. П. Огаревым из-за границы в Москву в середине января 1842 г. Это письмо тем более интересно, что оно вносит существенные коррективы в историю перехода Белицкого на рельсы материалистической философии, рассказанную в воспоминаниях П. В. Анненкова¹¹³. Не уяснил далее Ляцкий исключительного значения письма Боткина к Белинскому от 22 марта 1842 г. о Пушкине. Как свидетельствует это письмо, именно Боткину принадлежала ложная концепция творчества Пушкина, как апологии «предания и авторитета» — концепция, не подтверждаемая ни одним фактом политической и литературной биографии поэта¹¹⁴.

Трудно сказать, почему Ляцкий, публикуя пять писем Боткина к Белинскому, оставил без внимания остальные девятнадцать, хранившиеся в автографах в том же собрании Пыпина, которым он столь широко воспользовался в своем издании. Эти девятнадцать писем, очень важных для уяснения петербургского периода жизни Белинского с 1840 по 1847 г., напечатаны были в 1923 г. в альманахе «Лит. мысль», кн. II¹¹⁵.

Если прибавить к этой серии писем Боткина, во-первых, две записки 1838 г., печатающиеся в настоящем издании, во-вторых, его же письма к Белинскому от 4 октября 1840 г. и от 22 апреля 1842 г. (из которых первое опубликовано было в 1948 г. в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты», а второе — в 1892 г. в брошюре «В пользу голодающих»), то общее число дошедших до нас писем Боткина к Белинскому определится 28 письмами (писем же Белинского к нему сохранилось 68).

XIII

Одновременно с трехтомником писем Белинского вышло в свет в 1914 г. монументальное издание «Переписки Н. В. Станкевича», над подготовкой которого в течение многих десятков лет работал А. В. Станкевич. В этом издании опубликовано было двенадцать писем Станкевича к Белинскому, причем три из них, наиболее значительных, имели двойной адрес — Белинского и Бакунина. Все письма относятся ко времени между 1834 и 1839 гг. Две записки, даты которых точно не были определены редакцией, легко нами приурочиваются сейчас к определенным событиям — первая («Вишая! Распорядись переслать это письмо в Премухино») к апрелю — маю 1838 г., вторая («Знает ли все Варвара Александровна Дьякова?») к концу января 1839 г.¹¹⁶

Материал переписки Н. В. Станкевича, несмотря на всю свою значительность и, казалось бы, общеизвестность, в специальной литературе о Белинском до сих пор почти не учитывался. А между тем именно в этой переписке заключено немало данных о таких, например, переломных моментах биографии Белинского, как период «Литературных мечтаний» или как последние месяцы работы его в «Телескопе». По-новому освещается письмами Станкевича и такой момент политической биографии Белинского, как его привлечение к дознанию об обстоятельствах появления «Философического письма» Чаадаева в «Телескопе». Правда, по вполне понятным причинам, письма Станкевича этой поры носят явно конспиративный характер, полны намеков, не сразу поддающихся

расшифровке. Однако трудности комментирования писем Станкевича вовсе не так велики, чтобы из-за них отказаться от осмысления интересующего нас материала.

Еще в 1911 г. в Премухинском архиве Бакуниных А. А. Корнилов обнаружил письмо Н. И. Надеждина к Белинскому от 12 октября 1836 г., в котором редактор «Телескопа» информировал своего ближайшего сотрудника о грозовых тучах, нависших над журналом в связи с публикацией «Философического письма»: «Я нахожусь в большом страхе. Письмо Ч^{адаева}, помещенное в 15 книжке, возбудило ужасный гвалт в Москве, благодаря подлецам-наблюдателям. Эти добрые люди с первого раза затрубили об нем, как о неслыханном преступлении, и все гостиные им завторили. Ужас, что говорят. Андросов бился об заклад, что к 20 октября „Телескоп“ будет запрещен, я посажен в крепость, а цензор отставлен: и все „светские“ повторяют: „Да! Это должно быть так непременно!“»¹¹⁷

С конца августа 1836 г. Белинский отдыхал в Премухине у Бакуниных, в архиве которых и сохранилось поэтому письмо Надеждина. Опасения Надеждина, как известно, оправдались. «Телескоп» был закрыт повелением Николая I от 22 октября, а уже на пятый день после этого министр народного просвещения С. С. Уваров в специальном письме к А. Х. Бенкендорфу обращал внимание шефа жандармов на то, что «некий Белинский является «самым доверенным лицом» только что репрессированного редактора «Телескопа» и что именно в его руках могут находиться бумаги Надеждина, представляющие интерес для следственных органов. 31 октября 1836 г. шеф жандармов предложил московскому генерал-губернатору произвести обыск в квартире Белинского и доставить все обнаруженные у него бумаги в III Отделение.

Весть о запрещении «Телескопа» дошла до Белинского очень быстро. Об этом свидетельствует прежде всего письмо Станкевича, адресованное 3 ноября 1836 г. на имя Бакунина, но имеющее в виду не столько адресата, сколько его гостя. Основная политическая информация и инструктивные указания о линии поведения Белинского в эти тревожные дни искусно вкраплены были в письмо Станкевича в совершенно, казалось бы, нейтральный обмен мнений о повседневных мелочах бытового порядка. Письмо это являлось ответом на не дошедшее до нас обращение Бакунина к Станкевичу от 27 октября. Именно Бакунин выдвинул план конкретных мероприятий, имевших целью спасение Белинского от грозивших ему, по общему мнению, тюрьмы и ссылки. Как же реагировал Станкевич на эти решения своих премухинских друзей?

«Твои планы так же хороши, как твои убеждения,— писал Станкевич 3 ноября Бакунину,— и я сильно надеюсь, что найду легкое средство содействовать им. Не думай, пожалуйста, что отец мой с неудовольствием дал деньги Б.; напротив, он не сказал ни полслова. Об этих делах переговорим в Москве. Я придумал довольно хорошо штуку. Вчера я получил письмо от Генваря <...>, он пишет, что уведомил Белинского о разных речах людских насчет его таланта... Это — не безделица. Ржевский сегодня мне все расскажет; Ключников виделся с ним и вчера едва успел сказать мне кой-что <...> Ты, думаю, слышал о запрещении Телескопа. Издатель и цензор поехали в Петербург. Чадаева я не знаю и никого из его знакомых, говорят, он едет зачем-то в Вологду»¹¹⁸.

Эти строки, нарочито бессвязные, выхолощенные и упрощенные, но вполне понятные адресатам, позволяют и нам установить: во-первых, то, что Я. М. Неверов («Генварь»), работавший в аппарате министерства народного просвещения и поэтому, вероятно, осведомленный о письме Уварова к Бенкендорфу, своевременно предупредил Белинского о грозящей ему опасности; во-вторых, что Н. В. Станкевич, осведомленный Неверовым об этом же через В. К. Ржевского, приехавшего 2 ноября («вчера») из Петербурга, немедленно должен был принять меры к уничтожению в московской квартире Белинского всех бумаг, могущих его компрометировать (и прежде всего переписки), наконец, в-третьих, что Бакунин, узнав об опасности, грозящей Белинскому, пытался организовать выезд его за границу и деньги для этой цели рассчитывал получить при помощи Станкевича.

Переписка к письму от 3 ноября 1836 г., обращенная непосредственно к Белинскому, позволяет уяснить еще более существенные подробности плана выезда Белинского за границу:

«Любознательный друг Виссарион! — писал Станкевич. — Ты знаешь о всех неприятностях с Телескопом; но вы с ним чужие — ты едешь в качестве учителя. Но, пожалуйста, разуждай о людях, у которых ты будешь жить, и способен ли ты к той роли, которую, может быть, принужден будешь играть у них. По крайней мере, вперед решишь терпеть, во что бы то ни стало, но эта поездка не стоит труда, если ты думаешь только взглянуть на все. В этом есть поэзия, но чтобы пребывание за морем имело какое-нибудь долговременное влияние на твою душу, для этого мало ограничиться глазенем. Ты узнаешь хорошо языки — это для тебя чрезвычайно важно».

Мы опускаем детали этой инструкции, связанные с мотивировкой необходимости для Белинского заняться за границей философией и историей. Станкевич сам собирался с Бакуниным в Берлин и обещал Белинскому свою помощь в будущих его занятиях. Однако весь план этой полулегальной отправки Белинского за границу построен был на весьма шатком основании, а именно — на возможности для Белинского как-то отнежваться от «Телескопа» («Вы с ним чужие») и на правах якобы профессионального педагога получить от гр. С. Г. Строганова, попечителя московского учебного округа, разрешение на выезд за границу в качестве воспитателя в каком-то дворянском семействе. Бакунин и Станкевич рассчитывали, видимо, на помощь В. К. Ржевского, состоявшего чиновником особых поручений при гр. Строганове, но совершенно не учли того обстоятельства, что Строганов был уже хорошо осведомлен о привлечении Белинского к секретному дознанию о «Философическом письме». Письмо Станкевича к Бакунину от 7 ноября 1836 г. свидетельствовало уже о крахе проекта: Белинского «Строганов ли за что не хочет отправить, — писал он. — Скажи это ему, но поосторожнее, может быть он слишком надеян»¹¹⁹.

Около 10 ноября в московской квартире Белинского произведен был тщательный обыск, в результате которого, однако, благодаря своевременным принятым мерам, никаких бумаг, могущих компрометировать хозяина, обнаружено не было. Тотчас же после обыска друзья Белинского письменно информировали его обо всем происшедшем и о возможности ареста его самого в Пресмухине. Письмо это (без подписи) обнаружено было в Пресмухинском архиве и опубликовано А. А. Корниловым в 1911 г. вместе с отмеченным выше письмом Надеждина к Белинскому¹²⁰.

15 ноября 1836 г. Белинский при въезде в Москву был задержан на заставе и препровожден к обер-полицеймейстеру. Однако, ввиду того что «в имуществе его ничего сумнительного не оказалось», он в тот же день был освобожден.

Слухи о привлечении Белинского к дознанию по делу о «Философическом письме» остановили и переговоры Пушкина с П. В. Нащокиным о переезде Белинского в Петербург для работы в «Современнике». Эти переговоры начаты были, вероятно, в середине октября, после выхода в свет третьей книжки «Современника», когда окончательно определилась необходимость реорганизации журнала именно в том направлении, на котором настаивал в своих печатных высказываниях о «Современнике» Белинский. Мостом, облегчающим переход Белинского в «Современник», явилась высоко-положительная характеристика молодого критика, данная Пушкиным в его программном «Письме к издателю»: «Жалею, — писал он, отвечая на статью Гоголя «О движении журнальной литературы», — что вы, говоря о „Телескопе“, не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотнительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного»¹²¹.

Эти ответственные строки подкреплялись Пушкиным, в том же номере журнала, энергичной защитой Белинского от нападков на него охранительной печати. Самое имя Белинского Пушкиным на этот раз прямо названо не было, но поскольку вся статья «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» отражала пункт за пунктом нападки лидера реакционной Российской Академии на совершенно конкретные высказывания именно Белинского, политический смысл выступления Пушкина не вызывает никаких сомнений¹²².

Приглашение Белинского в «Современник» форсировалось и разногласиями внутри редакционного аппарата журнала. В августе 1836 г. два ближайших сотрудника

Пушкина — кн. В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский — противопоставляют «Современнику», при молчаливом сочувствии большинства других литераторов, участвовавших в издании, план нового журнала, который они предполагают организовать к 1837 г. под названием «Русский сборник». Еще раньше определилась невозможность сотрудничества Пушкина с группой московских писателей (Шевырев, Погодин, Баратынский, Андреев, Киреевский, Хомяков, Мельгунов и др.), которых он некоторое время ошибочно склонен был рассматривать как своих союзников. При ненадежности той поддержки, которую могли оказать «Современнику» личные друзья великого поэта — Жуковский, Вяземский, Плетнев, Денис Давыдов — Пушкину угрожала опасность полной литературной изоляции. Его журнал замалчивался или дискредитировался. Литературные враги Пушкина, широко используя вынужденное его молчание в печати о наиболее актуальных проблемах русской крепостнической действительности и невозможность публикации таких его произведений, как «История села Горюхина», «Дубровский», «Медный всадник», «Сцены из рыцарских времен», «Александр Радищев», «Рославлев», задержку издания «Капитанской дочки» и «Истории Петра Великого», клеветнически писали об отрыве поэта от передовой общественности, об упадке его таланта, и злобно противопоставляли Пушкину новых «властителей дум» — Бенедиктова как лирика, Кукольника как драматурга, Марлинского и Павлова как прозаиков, Сенковского как литературного критика и журналиста.

Журнал, задуманный Краевским и Одоевским, однако, не осуществился. 16 сентября 1836 г. Николай I неожиданно отклонил представление об издании «Русского сборника» и своей резолюцией («и без того много») на долгое время остановил возможность расширения числа периодических изданий. Хорошо понимая, какое значение получает в этих условиях такая журнальная трибуна как «Современник» и трезво учитывая при этом крайние полицейско-цензурные и материальные затруднения Пушкина, Краевский и Одоевский выдвигают план реорганизации «Современника» в ежемесячник типа «Библиотеки для чтения», с тем, однако, чтобы Пушкин разделил с ними редакторские права и полностью передал им политическую и финансово-техническую часть издания. Отказ Пушкина принять этот «культиватум» вызывает уход Краевского и Одоевского из «Современника» и попытку их договориться с вдохновителями «Московского наблюдателя» о совместной работе в этом журнале после проектируемого ими перевода его в Петербург. Таким образом, решение Пушкина именно в этот момент опереться на Белинского, борьба которого с антидемократической и эстетско-формалистической платформой «Московского наблюдателя» была в центре литературной полемики 1835 — 1836 гг., получает значение не случайного, а глубоко принципиального факта политической и литературной биографии великого поэта¹²³.

До нас не дошло октябрьское письмо Пушкина к Нащокину, в котором он уполномочивал последнего на переговоры с автором «Литературных мечтаний» о переезде его в Петербург. Но ответ Нащокина на это письмо красноречиво свидетельствует о том, что друзья Белинского не сомневались в принятии им приглашения Пушкина: «Белинский получал от Надеждина, чей журнал уже запрещен, 3 т (тысячи руб. асс.). Наблюдатель предлагал ему 5. — Греч тоже его звал. — Теперь коли хочешь, он к твоим услугам — я его не видал, но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать. Ты мне отпиши, — и я его к тебе пришлю»¹²⁴.

Письмо Нащокина не имеет даты, но упоминание о запрещении «Телескопа» как о новости и вопрос в конце письма о том, как распределить присланные Пушкиным для раздачи в Москве экземпляры третьей книги «Современника», позволяют отнести его к последним числам октября 1836 г. Сопоставляя письмо Нащокина с письмом Станкевича, мы уясняем причины, во-первых, молчания самого Белинского о его приглашении в «Современник» (он задержался в Премухине до середины ноября и ничего конкретного о предложениях Пушкина не знал) и, во-вторых, мотивы, обусловившие срыв этих переговоров. Пушкин не ответил на письмо Нащокина о Белинском в силу тех же соображений, которые заставили его воздержаться от отправки в Москву уже написанного ответа Чаадаеву на «Философическое письмо». Закрытие «Телескопа» и слухи о предстоящей жесткой расправе со всеми его сотрудниками заставляли Пушкина быть

сугубо осторожным, тем более, что у него не было уже никаких оснований рассчитывать на возможность переезда Белинского в ближайшем будущем в Петербург. Когда же гроза прошла (а это определилось не раньше первых чисел декабря 1836 г.), вопросы реорганизации «Современника» уже были сняты бурным течением событий последних двух месяцев жизни Пушкина.

XIV

Вместе с отмеченными выше двумя письмами — Надеждина и анонимного «друга» о тревоге, вызванной в Москве публикацией «Философического письма», в архиве Бакуниных обнаружены были еще три неизвестных письма к Белинскому — Н. В. Станкевича (от 11 августа 1836 г.), А. В. Кольцова (от 12 сентября 1836 г.) и И. П. Ключникова (от 12 сентября 1836 г.). Четыре из этих документов опубликованы были А. А. Корниловым к столетию со дня рождения Белинского в «Русской мысли» 1911 г., а письмо Кольцова им же за год перед тем в «Юбилейном сборнике» Литературного фонда¹²⁵. Два письма — Кольцова и Станкевича — перепечатаны были в третьем издании Полного собрания сочинений Кольцова и в «Переписке Н. В. Станкевича». Прочие же три документа из этой исключительно ценной коллекции, затерявшись на страницах «Русской мысли», почти на полвека выпали из поля зрения как биографов Белинского, так и исследователей русской журналистики 1830-х годов¹²⁶.

Одним из самых активных корреспондентов Белинского периода 1836—1839 гг. был М. А. Бакунин. Однако, если не считать наброска неотправленного письма его от 12 августа 1836 г., сохранившегося в Премухинском архиве¹²⁷, ни одно письмо Бакунина к Белинскому до нас не дошло. Эти письма уничтожены были, конечно, самим критиком после вызова его в III Отделение в феврале 1848 г. Тогда же, вероятно, были уничтожены Белинским и письма к нему Герцена¹²⁸, из которых случайно сохранилось только два — от 26 ноября 1841 г., опубликованное М. К. Лемке в 1915 г., и от конца апреля 1842 г., впервые публикуемое Л. Р. Капланом в настоящем издании. Из многочисленных писем К. С. Аксакова к Белинскому также известны всего два: одно из Люцерна (от конца сентября 1838 г.) с отчетом о заграничных впечатлениях Аксакова, горящего желанием скорее начать работу в «Московском наблюдателе» и познакомиться друзей с новыми мыслями о России и Европе, которые созрели в нем во время пребывания за границей; другое (без даты, приурочиваемое нами к первым числам января 1840 г.) заключало в себе резкие возражения на пессимистические суждения Белинского о «пародности» и «действительности» в одном из не дошедших до нас его писем. Мы точно не знаем содержания письма Белинского, вызвавшего негодование Аксакова. Нам известна только его дата — 25 ноября 1839 г. Но ровно за три дня до этого Белинский писал Боткину: «Скажи Грановскому, что чем больше живу и думаю, тем больше, к р о в н е е люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциональной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая, начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески» (II, II, 9). Разумеется, эти же настроения должны были получить отражение и в письме Белинского к Аксакову, раздраженный ответ которого может быть объяснен поэтому с исчерпывающей полнотой. Именно этот ответ позволяет утверждать, что даже в пору статей Белинского о «Бородинской годовщине», об «Очерках Бородинского сражения», о «Горе от ума», о «Менцеле—критике Гете» Белинский и К. С. Аксаков ощущали случайность связывавшего их блока и не верили в его прочность. В специальной литературе о Белинском письма К. С. Аксакова до сих пор остаются не использованными, хотя они опубликованы были Е. Н. Коншиной еще в 1929 г.¹²⁹

В 1913 г. напечатано было письмо А. А. Бакуниной к Белинскому от 11 сентября 1838 г. Письмо это, представлявшее собой протест против якобы недооценки Белинским высокого «назначения женщины», не было отправлено адресату и осталось в Премухинском архиве¹³⁰. В 1924 г. опубликован набросок чернового письма Я. П. Полонского к Белинскому от 11 мая 1842 г. Молодой поэт благодарил критика за публикацию в «Отеч. записках» стихотворения «Маска» и просил задержать печатание стихов «Пришли и стали тени ночи». Возможно, что письмо это не было отправлено по назначению, как и письмо А. А. Бакуниной¹³¹.

К столетию со дня смерти Белинского на страницах «Лит. наследства» появилось еще три письма к Белинскому — письмо Грановского и Станкевича от 20 октября 1838 г. из Берлина, записка Грановского от начала мая 1841 г. и черновик записки Станкевича (оставшейся, может быть, не переписанной) от середины апреля 1837 г.¹³²

Автографы Грановского, опубликованные в «Лит. наследстве», изъяты были из архива Белинского сразу же после его смерти, когда М. В. Белинская стала возвращать ближайшим друзьям великого критика их письма. Та же часть переписки Белинского, которая осталась невострєбованной, вместе с рукописями его статей, перешла в распоряжение Н. Х. Кетчера. С его разрешения этот фонд бумаг Белинского получил возможность в 1874—1875 гг. в некоторой мере учесть в своей монографии Пыпин¹³³. После смерти Н. Х. Кетчера местонахождение его архива в течение многих лет оставалось неизвестным. Лишь около 1920 г. Е. В. Герье, племянница А. В. Станкевича, сдала большую часть материалов Н. Х. Кетчера в Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, куда в 1940 г. поступили из одного частного собрания и остатки этого фонда¹³⁴. К столетию со дня смерти Белинского 126 писем к нему, входивших в состав собрания Кетчера, опубликованы были в сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты» (под редакцией проф. Н. Л. Бродского); письма же к Белинскому его родных (всего 127 документов из этого же фонда) впервые печатаются в следующем томе «Лит. наследства».

В сборник «В. Г. Белинский и его корреспонденты» вошли письма к великому критику его друзей, знакомых и товарищей по литературной работе за время с 1829 по 1848 гг. Из 44 корреспондентов Белинского семь являлись его псковскими приятелями конца 1820-х годов (В. Ф. Востоков, А. Иванисов, А. С. Голубинский, М. С. Меридинов, А. Ф. Максимов, М. М. Попов, Н. Г. Соколов), все же прочие были его московскими и петербургскими знакомцами (П. И. Артемов, А. И. Баландин, В. П. Боткин, И. И. Введенский, А. Д. Галахов, А. П. Ефремов, П. Ф. Заикин, И. П. Ключников, П. П. Ключников, П. Д. Козловский, В. А. Косиковский, А. А. Краевский, В. И. Красов, А. И. Кроненберг, П. Н. Кудрявцев, А. Я. Кульчицкий, И. И. Лажечников, И. И. Панаев, А. Я. Панаева, А. М., Н. Я. и П. Я. Петровы, К. А. Полевой, Н. А. Полевой, А. М. Полторацкий, В. К. Ржевский, Н. М. Сатин, А. И. Соколов, П. П. Сумароков, Н. Н. Тютчев, И. И. Ханенко, Н. М. Щепкин, Н. Н. Щетинина и четыре лица, фамилии которых редакции сборника установить не удалось).

За исключением двух-трех десятков строк из писем Красевского, Полевого, Панаева, Лажечникова и Кульчицкого, опубликованных Пыпиным и Ляцким, все материалы сборника «В. Г. Белинский и его корреспонденты» до 1948 г. оставались неизвестными не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Несмотря на то, что большая биографический и историко-литературный интерес представляют в этом издании только немногие документы (письма Н. М. Сатина, А. А. Красевского, И. И. Введенского, В. И. Красова, И. И. и А. Я. Панасовых), едва ли не в каждом из неизвестных до сих пор обращений к Белинскому оказываются материалы, как или иначе расширяющие и уточняющие наши представления об окружении великого критика на всем протяжении его жизненного пути.

В комментировании документов сборника «В. Г. Белинский и его корреспонденты» принял участие почти весь коллектив сотрудников Отдела рукописей Библиотеки. Впервые переписка Белинского, хотя бы в одной из своих частей, стала объектом систематического исследования, результаты которого получили отражение в кратких, но весьма содержательных примечаниях И. Л. Бродского, А. В. Аскарянц, Т. Н. Каменевой, Е. Н. Коншиной, Р. П. Маториной, Е. Н. Опаниной, А. А. Ромодановской, В. М. Федоровой и Н. К. Швабе. Однако необходимость обеспечить выпуск сборника в свет к юбилейной дате не позволила редактору и комментаторам довести работу над этим изданием до конца, чем и объясняются некоторые его досадные недочеты. Так, например, несмотря на то, что центральной частью сборника являлись материалы а р х и в а Б е л и н с к о г о, именно эта особенность издания нигде оговорена не была. Наоборот, и редактор и комментаторы исходили из явно ошибочных пожеланий об известной случайности того подбора «писем разных лиц к Белинскому», которые оказались в фондах Библиотеки. Этой основной археографической ошибкой объясняем

мы и отсутствие в предисловии каких бы то ни было ссылок на то, что эпистолярная часть архива Белинского, находящаяся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, печатается далеко не полностью, что из сборника «В. Г. Белинский и его корреспонденты» оказались исключенными, во-первых, все те письма к Белинскому, которые одновременно опубликованы были по копиям Пыпина и, во-вторых, письма, публикацию которых осуществляет сейчас «Лит. наследство».

При определении авторов тех писем к Белинскому, подписи которых или вовсе отсутствовали или не поддавались прочтению, при уточнении неспроставленных дат и при объяснении некоторых недостаточно освещенных фактов биографии Белинского, составители сборника не всегда смогли обеспечить необходимую в таких случаях тщательность и широту предварительных источниковедческих разысканий. Особенно показателен в этом отношении комментарий к анонимному письму от 17 января 1842 г. из Москвы (стр. 287—289). Письмо это является откликом на первую книжку «Отч. записок» 1842 г. Выразив свое восхищение повестью Панаева «Актеон», критическим обзором Белинского «Русская литература в 1841 г.» и статьей И. В. Сабурова «Записки пензенского земледельца», автор письма отмечал полное удовлетворение по поводу того, что Белинский изменил свое отношение к «молодому поколению»: критик сейчас возлагает на последнее «большие надежды», а «пржде против этого спорил». Вспоминая об этих спорах, анонимный корреспондент Белинского явно имел в виду какие-то устные высказывания Белинского, ибо мечтает о «бутылке лафита», за которой он вновь хотел бы послушать критика. Кто же был этот аноним, которого комментатор почему-то характеризует как «одного из безвестных читателей „Отч. записок“»? Прямой ответ на интересующий нас вопрос мы находим в одном из писем Белинского к Боткину: «Кланяюсь Кольчугину, — писал Белинский около 14 марта 1842 г., — спасибо ему за письмо его, умное и интересное. Читал я его Начасу. Статьи Сабурова прочту: коли Кольчугин хвалит, видно, хороши» (II, II, 283). Об этом же своем корреспонденте Белинский писал Боткину 1 марта 1841 г.: «С Кольчугиным я провел — поверишь ли — несколько счастливых и прекрасных минут. Я знаю, что он из тех людей, у которых истина и поэзия сами по себе, а жизнь сама по себе; знаю, что в нем нет субъективности, елейности, безумия любви и шинучей пены фантазии, — но вместе с тем, какая здоровая натура, какой крепкий практический ум!» (II, II, 220).

Еще более неудовлетворительна публикация письма Н. М. Щепкина к Белинскому от 10 апреля 1840 г. В сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты» письмо это безоговорочно приписано Надежде Михайловне Щепкиной — дочери М. С. Щепкина, «героине романтической истории» Белинского (стр. 282—283). Однако ни одна строка этого объяснения не выдерживает критики, так как, во-первых, героиней романа Белинского была не Надежда Михайловна, а Александра Михайловна Щепкина; во-вторых, дочери Надежды, как свидетельствуют документальные данные о семье М. С. Щепкина в его формулярах и во всех других материалах о великом артисте, у него никогда не было; наконец, в-третьих, письмо писано не женщиной, а мужчиной. Об этом свидетельствует с начала до конца самый текст письма, автор которого, кстати сказать, именует себя «верным и храбрым капитаном», а в концовке отмечает: «За сим остаюсь вашим покорнейшим слугою, Н. Щепкин». Как устанавливается по черком этого письма, его автором был Николай Михайлович Щепкин, младший сын актера, в молодости кавалерийский офицер, а впоследствии известный московский издатель и общественный деятель.

Как письмо «неустановленного лица», с условной датировкой «1832—1834 гг.», Н. Л. Бродский печатает (стр. 284—285) очень интересное обращение к Белинскому одного из его чембарских земляков, с которым будущий критик встречался в эту пору в Москве. Мы полагаем, что как автор письма, так и дата последнего могут быть расшифрованы с исчерпывающей точностью, если мы обратимся к некоторым фактам биографии Белинского 1833 г.

В самом деле, письмо «неустановленного лица» начинается строками: «Я исполнил ваше поручение: был у вас. Маленька мне несказанно обрадовалась и плакала при моем рассказе о вас; я описал ей все подробно и так красноречиво, как только мог». Кто же был этот чембарский земляк Белинского, дружески встречавшийся

с последним в Москве и возвращение которого в Чембар Виссарий Григорьевич поставил использовать для информации родных о своем житье-бытье? Ответ на этот вопрос дает письмо Белинского к матери от 20 февраля 1833 г. «Я очень доволен доставителями сего письма: Авениром Ивановичем, Александрю Николаевною и Раисою Николаевною. Я часто посещал их и всегда был принимаем и ласкаем ими, как их родной. Часы же, проведенные мною собственно <с> Авениром Ивановичем, причисляю к лучшим в моей жизни. Этот человек, хотя и медик, но имеет душу и сердце эстетически образованное и не чужд ничего, что почитается достойным только одних избранных» (см. «Лит. наследство», т. 57, стр. 115—116). М. И. Белинская подтвердила получение этого письма 6 марта 1833 г., отметив, что «Авенир Иванович» приехал в Чембар «первого марта» (см. там же, стр. 117). Дальнейшая переписка Белинского с родными позволяет установить, что фамилия «Авенира Ивановича» была Красовский (см. там же). Врач по образованию, А. И. Красовский близок был с Полевыми и сотрудничал в «Моск. телеграфе».

Судя по тому, что А. И. Красовский приехал в Чембар 1 марта и писал Белинскому под свежим впечатлением от свидания с его матерью, — письмо его можно датировать первыми числами марта 1833 г. Датировку эту подтверждает и просьба о высылке в Чембар «Madeleine». Разумеется, в этих строках, оставшихся в комментариях Н. Л. Бродского необъясненными, речь шла о романе Поль-де-Кока «Madeleine», перевод которого на русский язык (под названием «Магдалина») Белинский закончил к концу декабря 1832 г. Перевод этот должен был выйти в свет весной 1833 г., но задержался в типографии до конца июля. Не зная об этой задержке, А. И. Красовский от имени своих сестер просил Белинского выслать перевод в Чембар возможно скорее. В письме к родным от 20 сентября 1833 г. Белинский просил не ждать от него «Магдалины», ибо все три полученных им экземпляра он «по крайней нужде» уже продал вместе с французским подлинником.

Мы отметили выше (см. стр. 222—225), какой исключительный интерес для политической и литературной биографии Белинского представляют новые письма Н. М. Сатина, посвященные его дискуссиям с Белинским в 1837 г. В этих спорах наместились, однако, и пункты известного взаимопонимания. Так, например, у Белинского не было никаких разногласий с Сатиным по вопросу об отношении к «культуре» американской псевдодемократии.

«Я на-днях читал превосходное сочинение Токевилля о демократии в Америке, — писал Н. М. Сатин 27 декабря 1837 г. — Какое грустное впечатление произвела на меня эта книга. Да, польза, понимаемая так пошло, как понимают ее многие, разумеется нелепа, преступна. Л и б е р а л ь н ы е американцы угнетают до невероятности целое поколение (негров), потому что это полезно. Человек о л ю б и в ы е американцы истребляют целое другое поколение (индейцев), потому что это полезно; и все это тихо, законно, филантропически, не проливая крови, не нарушая прав и нравственности! — Они любят науку, потому что она полезна, любят детей, жену, потому что они полезны. Они любят деньги, не стыдятся быть шпионами, лишают людей вечной свободы и проч. <...> Но к чему доведет их такое стремление к ощутительно полезному? — Не прекратит ли оно лучших порывов души человеческой, не окует ли самого совершенствования?» (стр. 269—270). Комментарий этих замечательных строк, к сожалению, не указывает, что книга, явившаяся для Сатина новостью, Белинскому была известна еще в марте 1836 г. Именно знакомство с этой книгой внушило великому критику его протест против американской «цивилизации» в статье «Ничто о ничем»: «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени <...> Я презираю это благоденствие, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна <...> Цивилизация тогда только имеет цену, когда помогает просвещению, а, следовательно, и добру — единственной цели бытия человека, жизни народа, существования человечества»¹³⁵ (II, 380). Материалы Токвилля позволили Белинскому глубже вдуматься в романы Купера, как «зеркало северо-американского быта», и за-долго до известных страниц Диккенса о сущности расцвевшей культуры «долларо-

поклонников» в «Американских заметках» и в «Мартине Чезльвите» формулировать свой резкий протест против диктатуры «чистоган»: «Моя <...> кровь кипела от негодования на это гнусно-добродетельное и честное общество торгашей <...> — писал Белинский 16 августа 1837 г. Бакунину. — Нет, лучше Турция, нежели Америка <...> Лучше вечно валяться в грязи и болоте, нежели опрятно одеться, причесться и думать, что в этом-то состоит все совершенство человеческого» (I, 114).

Био-библиографическая часть примечаний к изданию «В. Г. Белинский и его корреспонденты» не вызывает возражений, хотя при характеристике взаимоотношений Белинского с тем или иным из его корреспондентов комментаторы не всегда критически относились к их письмам и мемуарам. Так, например, лишь на основании воспоминаний самого Лажечникова определялась (на стр. 184—190) вся история его знакомства с Белинским. Между тем Лажечников тенденциозно замалчивает, что его отношения с Белинским, очень близкие в первые годы литературной работы критика, резко оборвались после перехода Белинского на революционно-демократические позиции. Этот разрыв получил выражение в отрывательной рецензии Белинского в восьмой книге «Отеч. записок» 1842 г. на драму Лажечникова «Христиан II и Густав Ваза». В этой же рецензии, явно намекая на литературно-политическую бесхребетность Лажечникова, пытавшегося совместить участие в «Отеч. записках» с работой в «Библиотеке для чтения» и в низкопробном альманахе «Дагерротип», Белинский писал: «Всякая муза, если она уважает сама себя и хочет, чтобы ее уважали другие, должна вести себя с крайнею осторожностью и не заходить всюду, куда зовут ее; иначе она рискует лишиться своей репутации, которая для женщины всего дороже» (VII, 638. Ср. VII, 313). Эти строки являлись, как мы полагаем, прямым ответом на письмо Лажечникова к Белинскому от 12 апреля 1842 г. (стр. 183) и в свою очередь обусловили записку Лажечникова от 10 ноября 1842 г. (стр. 184), после которой отношения их навсегда оборвались. На той же почве, что и с Лажечниковым, произошел у Белинского разрыв в 1840 г. с И. И. Введенским, который, несмотря на поддержку, оказанную ему критиком в Петербурге, пошел на работу в «Библиотеку для чтения» и только после реорганизации «Современника» в 1847 г. возобновил связи с передовой литературной общественностью. Письмо И. И. Введенского к Белинскому, опубликованное в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», особенно интересно для нас потому, что именно Введенский являлся одним из важнейших соединительных звеньев между Белинским и Чернышевским. К сожалению, комментатору этого письма осталось неизвестным ни время приезда Введенского из Москвы в Петербург, ни даже письмо Введенского о Белинском к Погодину¹⁸⁶.

Более сложной для расшифровки была личность Ильина, одного из одесских знаковых Белинского, о котором критику писал 12 августа 1846 г. А. И. Соколов (стр. 274—275). Это «лицо», оставшееся в сборнике «неустановленным», известно, однако, в литературе о старой Одессе. Именно этого знакомого Белинского мемуаристы характеризуют как одного из самых ярких представителей одесской передовой общественности 1840-х годов, как человека «образованного, начитанного, живого, хотя подчас и парадоксального». О близости Николая Петровича Ильина (182?—1857) к литературно-театральным кругам свидетельствует и такой эпизод, как чтение им в присутствии Гоголя (во время пребывания писателя в 1851 г. в Одессе) рукописи запрещенной комедии Тургенева «Завтрак у предводителя»¹⁸⁷.

Гораздо меньше у нас сведений о другом случайном знакомце Белинского — И. И. Ханенко, с которым критик общался в начале 1840-х годов. Тем досаднее, однако, что в комментариях к не известному ранее письму И. И. Ханенко к Белинскому от 10 марта 1842 г. (ответ на письмо критика от 8 февраля 1842 г.) осталось неуточненным то обстоятельство, что этот самый Ханенко был свидетелем и участником знаменитых субботних собраний у Панаева, посвященных изучению и обсуждению материалов о французской революции. Именно об этом писал Белинский 8 сентября 1841 г. Боткину, делись своими впечатлениями от труда А. Тьера и Ф. Бодена «Histoire de la Révolution Française»: «Я читаю Тьера — как — узнаешь от Ханенки. Новый мир открылся предо мною. Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают» (II, II, 269).

Мы охарактеризовали лишь наиболее значительные в том или ином отношении пробелы и ошибки примечаний к новейшему изданию материалов переписки Белинского¹⁸. Этих недочетов не так уж много, особенно если учесть, что сборник «В. Г. Белинский и его корреспонденты» внес в научный оборот к столетию со дня смерти великого критика более трети (126 из 370) всех вообще известных нам писем к Белинскому.

Пробелы в основных частях дошедшей до нас переписки Белинского обязывают исследователей к особенно тщательному учету всего, что может облегчить документально-точное установление ее исторического содержания. Недаром и сам Белинский, характеризуя эту часть своих писаний (II, II, 237), признавался в 1840 г. Н. А. Бакуичицу: «Вся жизнь моя — в письмах».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Копии с писем Белинского в собрании А. Н. Пыпина, положенные в основу издания Е. А. Лядского, хранятся ныне в ИРЛИ Академии Наук СССР (четыре рукописных тома, в общей сложности 1793 страницы). См. К. Н. Григорьян. Рукописи В. Г. Белинского в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (Пушкинский Дом. Бюллетени Рукописного отдела, т. II, М. — Л., 1950, стр. 23—29).

² Письма эти, связанные с поступлением Белинского на службу в Межевой институт в качестве преподавателя русского языка, опубликованы были В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1900, № 5, стр. 417 и 422.

³ А. И. Герцен. Былое и думы. Ч. II, гл. XVI, прим. («Вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмечая стихов...») — Полн. собр. соч. и писем Герцена. Под ред. М. К. Лемке, т. XIII, Пб., 1919, стр. 305; ч. IV, гл. XXX («Я жид по натуре...») — т. XIII, Пб., 1919, стр. 149; ч. VIII, гл. LXXIV («Петр Рыжий становится моим Христом») — т. XIV, Пб., 1920, стр. 751.

Цитата из письма Белинского (вероятно, от 15 октября 1837 г.) к Н. М. Сатину вошла в «Отрывок из воспоминаний» последнего. — Сб. «Почин», М., 1895, стр. 240. См. об этих строках далее, гл. II и X настоящего обзора, а также прим. 12.

⁴ А. Корнилов. К биографии Белинского. Новые данные. — Русская мысль, 1911, № 6, отд. II, стр. 18—45. Подробнее об этом эпизоде см. далее, стр. 231—233 и прим. 120.

⁵ Н. Н. Тютчев. Мое знакомство с В. Г. Белинским. — «Письма Белинского», СПб., 1914, т. III, стр. 450.

⁶ «Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 9, М., 1940, стр. 11. Строки Некрасова о следах «молодости и вертопрашества» в переписке Белинского — это, конечно, одна из условных формул «эзоповского языка» 40-х гг.

В этом же гзлении опубликован впервые «Реестр бумаг, оставшихся после Белинского». Несмотря на то, что реестр с начала и до конца написан рукой Некрасова, в статье В. С. Спиридонова «Первое издание сочинений В. Г. Белинского» автором этого интереснейшего документа ошибочно назван Некрасов, а П. В. Анненков («Учен. зап. Ленингр. гос. педагогич. института им. А. И. Герцена», т. 81, 1919, стр. 83—85).

⁷ Об этом см. статью «Письмо Белинского к Гоголю» в настоящем томе, стр. 535.

⁸ «Красная новь», 1933, № 7, стр. 231. Публикация Я. З. Черныка. См. там же и ответ Н. М. Сатина.

⁹ Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена. Под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пг., 1917, стр. 166. О других фрагментах этого письма Белинского см. в гл. X настоящего обзора.

¹⁰ Не поняв, что речь идет здесь о Н. М. Сатине, Ляцкий выразил предположение, что под литерой «С» следует разуметь Н. С. Селивановского (II, II, 382). См. далее, гл. VII.

¹¹ Н. М. Сатин. Отрывок из воспоминаний. — Сб. «Почин», М., 1895, стр. 240.

¹² Н. Л. Бродский. Лермонтов и Белинский на Кавказе в 1837 г. — «Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 738. В этой же статье Н. Л. Бродский дает критический разбор мемуарных высказываний Н. М. Сатина о Белинском и Лермонтове. Однако выводы, к которым приходит исследователь, далеко не всегда представляются нам убедительными. Особенно большие сомнения вызывает предположение Н. Л. Бродского «перевернуть» передаваемые Н. М. Сатиным суждения Белинского и Лермонтова о Вольтере, т. е. «защиту просветителей передать Лермонтову, а реплику по адресу Вольтера („Если бы он явился теперь к нам в Чамбар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры“) — Белинскому» (стр. 738). Мобилизуемые для этого свидетельства о положительном отношении Лермонтова к «идеям просве-

щения» XVIII в. и об отрицании Белинским в 30-х годах французских просветителей вообще, а Вольтера — философа и литератора в частности, на наш взгляд, никак достоверности рассказа Н. М. Сатина об этом споре не подрывают. Как мы полагаем, предметом спора в Пятигорске был не Вольтер — великий просветитель или Вольтер-поэт, а Вольтер — политический делец, апологет «просвещенного абсолютизма», Вольтер, как человек очень невысоких моральных качеств, Вольтер — камергер Фридриха II и пенсионер Екатерины II. Вопрос именно об этом Вольтере с исключительной резкостью поставлен в 1836 г., т. е. за несколько месяцев до спора о Вольтере между Белинским и Лермонтовым, в одной из статей Пушкина: «Вольтер во все течение долгой своей жизни, — писал Пушкин, — никогда не умел сохранить своего собственного достоинства [...] Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей».

Статья Пушкина «Вольтер», опубликованная в «Современнике» 1836 г. (кн. III, стр. 158—169), была последним словом о Вольтере, еще не утратившим своей злободневности и остроты, особенно для Лермонтова, отвергавшего, не в пример Вольтеру, ориентацию на милости двора и бросившего в стихах «На смерть поэта» вызов всей своре палачей «свободы, гения и славы», стоявшей у трона Николая I. Политические компромиссы Вольтера, его моральная нечистоплотность, его гимны просвещенным деспотам были так же неприемлемы для Лермонтова, как и для Пушкина. Вот чем объясняется и его презрительная реплика, записанная Н. М. Сатиным и столь смутившая Н. Л. Бродского. Если же мы обратимся к общественно-политическим высказываниям Белинского этой же поры, то без особого труда обнаружим в них основания его полемики с Лермонтовым. Вольтер как идеолог просвещенного абсолютизма особенно должен был занимать Белинского в ту пору, когда он, под воздействием либеральных иллюзий Станкевича и Бакунина, полагал, что «вся же надежда России на просвещение, а не на перевороты» (письмо Белинского от 7 августа 1837 г. — II, I, 91—93). Эти идеологические ошибки Белинского и обострили его защиту исторических позиций Вольтера, дискредитируемых Лермонтовым. Таким образом, гипотеза Н. Л. Бродского не подтверждается фактами. Правота Н. М. Сатина как мемуариста в этой части его рассказов о Белинском и Лермонтове остается непоколебленной.

¹³ Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, т. II, М., 1934, стр. 76—77.

¹⁴ Неизвестные страницы письма Белинского к В. П. Боткину от 12 августа 1838 г. опубликованы с комментариями И. Л. Поливанова в сб. «Венок Белинскому», под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 51—57. Здесь же факсимиле первого листа письма. Факсимиле заключительной страницы этого же письма см. в приложениях к Соч. В. Белинского, ч. XII, М., 1862.

¹⁵ Страницы эти опубликованы А. А. Корниловым в кн. «Молодые годы М. А. Бакунина», М., 1915, приложения, стр. 693—695. Ср. начало этого же письма в издании Ляцкого, т. I, стр. 213—221.

¹⁶ В письме Белинского к Боткину от 24 февраля 1840 г. сохранилось упоминание о письмах, полученных им в начале года от Каткова: «Я получил от него два письма, в которых видны грусть и страдание» (II, II, стр. 64).

¹⁷ Публикацию текста письма Белинского к Каткову и Ефремову от 6 апреля 1842 г. см. в настоящем томе, стр. 75—76.

¹⁸ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 25—26. В комментариях к этим письмам не отмечено, что новые их строки полностью подтверждают данные воспоминаний А. Я. Панаевой о встречах Белинского с И. С. Аксаковым в доме Панаевых в 1840—1841 гг. Одной из этих встреч посвящено только что обнаруженное письмо И. С. Аксакова к родным от 28 апреля 1840 г. См. наст. том, стр. 139.

¹⁹ Н. Пиксанов. Из писем Белинского к В. П. Боткину 1841 г. («Венок Белинскому», М., 1924, стр. 58—59).

²⁰ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, под общ. ред. М. Т. Иовчука, ред. текста и комментарии В. С. Спиридонова, М., 1941, стр. 176.

²¹ Записка Белинского к Достоевскому впервые опубликована В. И. Семевским в статье «Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев» — «Голос минувшего», 1915, № 11, стр. 21—22. Дата знакомства Белинского с Достоевским уточняется свидетельством последнего в письме к Погодину от 26 февраля 1873 г.: «С Белинским я познакомился в июне 45-го года» («Звенья», VI, 1936, стр. 447). Письма эти остались неученными в последней сводке материалов о Достоевском и Белинском в книге В. Я. Кирпотина «Молодой Достоевский», М., 1947, стр. 132—162.

²² «Дневник писателя» 1873 г. — Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XI, М.—Л., 1929, стр. 8.

²³ Это показание печатаем полностью, по тексту, опубликованному в книге Н. Ф. Бельчикова «Достоевский в процессе петрашевцев», М.—Л., 1936, стр. 144. Выдержки из него вошли и в общий доклад генерал-аудиториата о деле петрашевцев. См. «Петрашевцы», ред. П. Е. Щеголева, т. III, М.—Л., 1928, стр. 206.

²⁴ «Три письма В. Г. Белинского к Н. М. Щепкину (с портретом Белинского)». М., изд. Л. Бухгейма, 1914, стр. 10. Конспекты этих писем см. в «Летописи жизни Белинского», ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 211, 214, 223. См. также настоящий том, стр. 180—182 и 188.

²⁵ В. И. Л е н и н. Из прошлого рабочей печати в России (1914).— Соч., изд. 4-е, т. XX, М., 1948, стр. 223—224.

²⁶ В. Г. Б е л и н с к и й. Письмо к Гоголю. С пред. С. А. Венгерова, СПб., кн-во «Светоч», 1905 (серия «Избранные произведения полит. литературы», № 2), 24 стр.

²⁷ Собр. соч. С. А. В е н г е р о в а, т. II, Писатель-гражданин. Гоголь. СПб., кн-во «Прометей», 1913, стр. 206—217.

²⁸ С. А. Венгеров предпочел редакцию «Полярной звезды» и в двух принципиальных случаях. Так, например, формулировку «ослабление телесных наказаний» (список Краевского) он решительно заменил «отменением телесных наказаний» (текст «Полярной звезды»). Однако С. А. Венгеров принял наряду с этим и произвольную расшифровку в «Полярной звезде» строки «старая школа действительно сердилась на вас до бешенства», в то время как во всех дошедших до нас списках письма Белинского это место читается: «И она действительно осердилась на вас», причем «она» обозначало вовсе не «старую школу», а читающую массу, «публику», по терминологии Белинского. В одном случае С. А. Венгеров дал произвольный компромиссный текст: им. «ругая их неумытыми рылами» (список Краевского) и «учит их ругать побольше» (текст «Полярной звезды») — «ругая их неумытыми рылами побольше». Вместо «когда ими будет доволен царь» (текст «Полярной звезды») и «когда тот, который» (список Краевского) С. А. Венгеров напечатал: «когда ими будет доволен тот, который».

²⁹ Промаш Ляцкого и Иванова-Разумника, своевременно не отмеченный и не разоблаченный, через четверть века был повторен еще в двух массовых изданиях Белинского: В. Г. Б е л и н с к и й. Литературно-критические статьи (избранные). Вступ. статья Вал. Полянского, комментарии С. Л. Белевицкого, М., 1936, стр. 266—267; В. Г. Б е л и н с к и й. Избранные философские сочинения. Под общ. ред. и со вступ. статьей М. Т. Иовчука, ред. текста и комментарии В. С. Спиридонова, М., 1941, стр. 467—474. Этот же сокращенный и искаженный текст письма Белинского к Гоголю был переиздан с несущественными дополнениями в юбилейной брошюре: В. Г. Б е л и н с к и й. Письмо к Гоголю. Ред., послесловие и прим. Ф. М. Головенченко, М., 1947, откуда перешел в Собрание сочинений В. Г. Белинского, т. III, ред. В. И. Кулешова, М., 1948, стр. 707—715.

³⁰ Н. П. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, СПб., 1894, стр. 596—617. Эта первая публикация списка Краевского не утратила своего значения и сейчас, ибо в ней, несмотря на некоторые редакционные сокращения, сохранились слова и строки, которые были устранены цензурой из венгеровского издания 1913 г. Отметим, например, строку в абзаце пятом о патриархах «восточных и западных», усеченную в перепечатке С. А. Венгерова (стр. 210), как и в тексте «Полярной звезды». Список Краевского в издании Н. П. Барсукова положен был в основание текста письма Белинского к Гоголю в однотомнике: В. Г. Б е л и н с к и й. Избранные сочинения. Вступ. статья и прим. Ф. М. Головенченко, М., 1947, стр. 615—619.

³¹ Важнейшие из искажений текста зальцбургского письма в издании Ляцкого сводятся к следующим: вместо «в грязи и навозе» он печатает: «в грязи и соре» (II, III, 231); вместо «в ее апатическом полусне» — «в ее апатическом сне» (II, III, 231); вместо «совсем не то написали бы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему» — «совсем не то написали бы в вашей новой книге. Вы сказали бы помещику» (II, III, 232); вместо «пользоваться трудами крестьян как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном, в отношении к ним, положении» напечатано: «пользоваться их трудами, как можно выгоднее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном положении в отношении к ним» (II, III, 232); вместо «идеал которого нашли вы в словах глупой бабы в повести Пушкина и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого» напечатано: «идеал которого нашли вы в глупой поговорке, что должно пороть и правого и виноватого» (II, III, 232); вместо «патриархи, восточные и западные» Ляцкий печатал «патриархи» (II, III, 233); вместо «оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас» Ляцкий печатал: «оно покойно, да и выгодно» (II, III, 234); вместо «тот, который и т. д.» печатал: «царь» (II, III, 235); вместо «И она» — «И старая школа» (II, III, 236). Во все отсутствовали в тексте Ляцкого строки: «И будь из нее выключены те места, где вы говорите о себе, как писатель» (II, III, 237) и «Кого русский народ называет: дурья порода, колыханы, жеребцы?» — Попов» (II, III, 233). Менее существенных промахов публикации Ляцкого, равно как и тех ошибок его, которые установлены были лишь в результате новых авторитетных списков письма к Гоголю, мы здесь не отмечаем.

³² «Вестник Европы», 1872, № 7, стр. 439—443. В книге С. А. Венгерова публикация В. П. Чижова ошибочно приписана была А. Н. Пыпину («Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов») и определена как перепечатка из «Полярной звезды» (Собр. соч. С. А. Венгерова, т. II, стр. 202). Эта вдвойне ошибочная справка, данная, видимо, по памяти, очень подвела Д. Благого и А. Лаврецкого, в примечаниях которых к тексту письма Белинского к Гоголю было отмечено: «В России письмо

впервые могло появиться (по тексту „Полярной звезды“, но с весьма значительными купюрами) только в 1872 г. в работе А. Н. Пыпина „Характеристики литературных мнений“, „Вестник Европы“, 1872, № 7) (Избр. соч. В. Г. Белинского, т. III, М., 1941, стр. 804). В работе А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений» («Вестник Европы», 1873, № 3, стр. 524—526) письмо Белинского дано было в самом кратком пересказе, почти без цитат, с ссылкой на публикацию В. П. Чиждова. Выписки же из письма, приведенные в исследовании Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», СПб., 1876, т. II, стр. 289—293, являлись перепечаткой той же публикации В. П. Чиждова, а не «Полярной звезды». В журнальной редакции этой главы вовсе не было цитат из вальцбруннского письма («Вестник Европы», 1875, № 5, стр. 170). На публикации В. П. Чиждова базировались страницы о Белинском и в работе В. И. Семевского «Хрестъянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в.», СПб., 1888, стр. 310—311.

³³ «Вестник Европы», 1872, № 7, стр. 441. В списке Краевского: «суде и расправе» и «идеал которой».

³⁴ П. И. Вишневецкий в книге «Н. В. Гоголь и В. Г. Белинский» (Нижний-Новгород, 1912, стр. 144) клеветнически утверждал, что «не только в копии Краевского, но и в самой ранней редакции письма, как оно напечатано в „Полярной звезде“ Герцена, который непосредственно от Белинского выслушал черновик вальцбруннского послания, значилось „ослабление“. Уничтожением или „отменением“ впервые заменил эту формулировку лишь А. Н. Пыпин в 1876 г.». Несмотря на то, что П. И. Вишневецкий понятия не имел о подлинной истории текста письма и все утверждения его были совершенно голословны (см., например, формулировку «отменение телесных наказаний» в «Полярной звезде», 1855, кн. I, стр. 68; там же, изд. 2-е, 1858, стр. 68), с ним поспешил полностью солидаризироваться Ю. И. Айхенвальд в «Споре о Белинском», М., 1914, стр. 26—27.

³⁵ «Русская старина», 1876, № 1, стр. 46—87; № 2, стр. 324—347. Несколько выдержек из этих писем см. в «Московских ведомостях», 1859, № 293. Все письма Белинского к родным, обнаруженные в архиве «Русской старины», печатаются в 57-м томе «Лит. наследства».

³⁶ Эта датировка подтверждается разбором и всего интимно-бытового содержания письма. См. заметку Ю. Г. Оксманова в «Учен. записках Саратовского гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 315—316. О планах организации в Москве нового общественно-литературного журнала — см. записи в дневнике М. П. Погодина (М. П о л я к о в. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 312).

³⁷ См. об этом — Соч. и письма М. А. Бакунина, М., 1934, т. II, стр. 132.

³⁸ Там же, стр. 416.

³⁹ О неточностях текста записок Белинского к А. П. Ефремову в издании Ляцкого см. выше, стр. 211. Из одиннадцати записок Белинского, отнесенных А. Н. Пыпиным и Е. А. Ляцким к 1838—1839 гг., только одна («Выезжаем в три часа ночи...») была более или менее точно приурочена к поездке Белинского «к доктору Клоушникову, в Вене, т. е. к лету 1838 г.». Эта дата может быть сейчас уточнена: 30 июня 1838 г.

⁴⁰ «Переписка И. В. Станкевича», М., 1914, стр. 503—524 и 497—498. Ср. А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 294—296.

⁴¹ Труды Всесоюзной библиотеки им. Ленина, сб. IV, М., 1939, стр. 209—210.

⁴² А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 527, 531.

⁴³ Иванов-Разумник, введенный, видимо, в заблуждение опечаткой в дате цензурного разрешения четвертой книжки «Отеч. записок» (14 марта 1840 г.), отнес это письмо Белинского к «марту 1840 г.». А. А. Корнилов, оспаривая предположение Иванова-Разумника, отнес отклик Белинского на статью Бакунина «О философии» к «апрелю, или, может быть, маю 1840 г.» («Молодые годы Михаила Бакунина», М., 1915, стр. 581—582). Между тем наша датировка подтверждается еще и письмом Белинского к Боткину от 16 апреля: «Статья Бакунина прекрасна <...> Этот человек может и должен писать — он много сделает для успехов мысли в своем отечестве» (П, II, 109).

⁴⁴ В письме Белинского от 6 февраля 1843 г. повторяется эта же формула: «Я — Прометей в карикатуре: „Отечественные записки“ — моя скала, Краевский — мой коршун» (П, II, 332).

⁴⁵ А. К о р н и л о в. Годы странствий Михаила Бакунина, Л., 1925, стр. 266. Письмо Белинского и Боткина к Бакунину написано было, вероятно, во время пребывания Боткина в Петербурге в октябре — ноябре 1842 г. (П, II, 315). Ответ Бакунина написан был, очевидно, около 12 февраля 1843 г. (Соч. и письма М. А. Бакунина, М., 1934, т. III, стр. 184). М. Н. Катков приехал из Берлина в Петербург около 22 февраля (П, II, 344).

⁴⁶ Ко времени работы над этой статьей относятся и те встречи Белинского с А. Н. Струговицким, Н. М. Сатиным и Я. М. Неверовым, о которых упоминается в одном из писем Герцена (Поля, собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 415). О Неверове, как прототипе «магистра в синих очках», увековеченного в рассказе Герцена о политических и философских дискуссиях в квартире Панаева в 1840—1841 гг., см. в настоящем томе на стр. 92—94.

⁴⁷ Инцидент, отраженный в этих двух записках Белинского, впервые, видимо, открыл ему глаза на Краевского. Об этом свидетельствует и письмо Герцена к Кетчеру от 26 мая 1841 г.: «Краевский дурно платит Белинскому и вообще немножко schmutzig <грязноват>» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 433).

⁴⁸ А. К о р н и л о в. Годы странствий Михаила Бакунина, Л., 1925, стр. 247—248. Уточнение датировок первых писем Белинского к Тургеневу позволяет уточнить и даты писем Тургенева к великому критику. Так, например, обращение Тургенева к Белинскому с просьбой прочитать корректуру «Разговора», отнесенное Н. Л. Бродским в последнем сборнике писем Тургенева «к осени 1844 г.» (Собр. соч. И. С. Тургенева, Библиотека «Огонек», т. XI, М., 1949, стр. 63), следует датировать серединою декабря 1844 г.

⁴⁹ А. Н. Пыпин и н. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 396. Ср. комментарии Ляцкого (II, II, 415).

⁵⁰ Иванов-Разумник, комментируя в 1928 г. воспоминания И. И. Панаева, в текст которых включено было это письмо, произвольно расшифровал инициалы «Ф. К.» как «Федор Корш» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, М.—Л., «Академия», 1928, стр. 456). Если иметь здесь в виду отца Е. Ф. Корша, то Белинский с ним вовсе не был знаком; если Ф. Е. Корша, то в 1838 г. он еще не родился. Принадлежность же инициалов «Ф. К.» журналисту Ф. А. Кони (1809—1879), переводчику, водевилисту и театральному критику, бывшему сотруднику «Телескопа» переселившемуся в 1836 г. в Петербург, подтверждается еще и письмом И. И. Панаева к Белинскому от 11 октября 1838 г.: «Кони говорит, что вам отослали одну статью вашу процензурованную, а другие еще в цензуре» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 200). О встречах с Белинским и Кони в Москве в июне 1838 г. вспоминает и Кольцов в письме к А. В. Никитенко (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 86). На кончину Белинского Ф. А. Кони откликнулся статьей, которая в условиях цензурно-полицейского террора 1848 г. оказалась единственной развернутой характеристикой великого критика. На страницах журнала «Пантеон» Ф. А. Кони сказал о Белинском то, что не осмелились отметить ни «Современник», ни «Отеч. записки»: «Постоянно был он проникнут духом пользы отечественной литературы, желал ей преуспевания и очищения от обветшалых понятий и от чужеземного влияния, старался обратить ее творчество к са мородным, национальным источникам, и потому нередко разбивал критическим железом старые кумиры, которые, держа ее в оковах, свращали с пути оригинального и самостоятельного развития. В этом стремлении, возвышенном и сознательном, состоит главная заслуга покойного. Он был если не представителем, так основателем того направления в нашей литературе, которое бог весть почему называли „натуральною школою“ неразумющие его важного, народного значения» («Пантеон», 1848, № 6, стр. 52—53).

⁵¹ А. Н. Пыпин и н. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 113. Ср. воспоминания А. Д. Галахова о знакомстве его с Белинским и Боткиным на одном из литературных вечеров у Н. С. Селивановского в 1835 г. («Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 135—136).

⁵² Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 427. Н. М. Сатин. Отрывок из воспоминаний.—Сб. «Почин», М., 1895, стр. 238. См. также в настоящем томе письмо Н. М. Сатина к Кетчеру от 5 июля 1841 г.

⁵³ В воспоминаниях И. И. Панаева и в книге А. Н. Пыпина (стр. 222) инициал «Г.» оставался нераскрытым. В примечаниях Иванова-Разумника к воспоминаниям Панаева предложена была расшифровка «Г.», как «Голицыну или Голохвостову» (стр. 456). Первый вариант должен, однако, отпасть, ибо кн. С. М. Голицын был освобожден от обязанностей председателя Московского цензурного комитета еще в 1835 г.

⁵⁴ Записки В. А. Инсарского, СПб., 1898, стр. 11.

⁵⁵ К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.—«Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 87. Об этом самом Милановском, полностью раскрывая его фамилию, Белинский иронически упоминал в письме к Боткину от 7 ноября 1842 г. (II, II, 316). См. материалы о Константине <Соломоновиче> Милановском, товарище А. Григорьева, Я. Полонского и А. Фета по Моск. университету, в кн. Г. П. Блока «Рождение поэта», Л., 1924, стр. 104—105.

⁵⁶ Н. А. Орстроская. Воспоминания о Тургеневе.—«Тургеневский сборник», ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1916, стр. 83—84. Об этом же П. В. Зиновьеве шла речь в письме А. И. Герцена к Белинскому от 26 ноября 1841 г. См. далее прим. 128.

⁵⁷ А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, М., 1912—1913, т. I, стр. 68—69, 151; т. II, стр. 243—244; т. IV стр. 500—501. Этх данных об А. И. Баландине нет и в новейшей справке о нем в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 34—35. Следует отметить, что А. И. Баландину подарил Белинский рукопись своей второй статьи о «Деяниях Петра Великого», большая часть которой была запрещена цензурой в 1841 г. (Полн. собр. соч. Белинского, т. XII, Л., 1926, стр. 531).

⁵⁸ Там же, М., 1913, т. II, стр. 18—19.

⁵⁹ «Тотчас же по приезде,— писал Белинский в начале декабря 1847 г. П. В. Анненкову,— услышал я, что в правительстве нашем происходит большое движение по

вопросу об уничтожении крепостного права<...> Вы помните, что несколько назад тому лет движение тульского дворянства в пользу этого вопроса было остановлено правительством с высокомерным презрением. Теперь, напротив, послан был тульскому дворянству вопрос: так ли же расположено оно теперь в отношении к вопросу?» (II, III, 314). Это место письма Белинского в примечаниях Ляцкого осталось без всяких разъяснений. Между тем Белинский имел в виду совершенно конкретные факты — официальную записку, поданную в начале 1844 г. тульскому губернатору группой дворян во главе с П. Н. Мясновым, М. П. Болотовым и Н. Н. Татищевым о желании их освободить принадлежащих им крестьян с наделом по одной десятине на ревизскую душу с тем, чтобы особое налоговое обложение с крестьян по 3 руб. сереб. с каждой десятины обращено было на погашение дворянской задолженности в кредитных учреждениях. Проект этот был отвергнут, но в середине 1847 г. тульский губернатор обратился по повелению Николая I к предводителю дворянства Тульской губ. с предложением тульским дворянам конкретизировать проекты освобождения их крестьян (В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России, СПб., 1888, т. II, стр. 238—254).

⁶⁰ История приема Николаем I делегации смоленского дворянства 17 мая 1847 г. освещена в официальном письме участника делегации Фонтон-де-Верайона к кн. Друцкому-Соколинскому («Русская старина», 1873, № 10, стр. 910—914). С некоторыми отличиями этот же эпизод освещен на основании других документальных данных в книге А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время», т. II, СПб., 1882, стр. 276—280. Версия Белинского более близка к материалам А. П. Заблоцкого-Десятовского.

В этом же письме Белинский делился с друзьями теми «справками» о деле Шевченко, которые ему удалось добыть в Петербурге (II, III, 318—320). Справки, полученные Белинским, носили сугубо официальный характер и даже в своей эмоциональной окраске почти полностью восходили к секретной докладной записке гр. А. Ф. Орлова, представленной Николаю I после окончания дознания по делу «тайного Украинно-Славянского общества св. Кирилла и Мефодия» («Рус. архив», 1892, № 7, стр. 341—342). Как мы полагаем, составителем этой записки был М. М. Попов, об активном участии которого в деле Шевченко свидетельствуют и другие документы III Отделения («Былое», 1906, № 8, стр. 6. Ср. «Україна», 1925, № 1—2, стр. 51—99). Перу этого самого М. М. Попова, которого Белинский знал еще в пору своего пребывания в Пензенской гимназии, принадлежали не только важнейшие докладные записки, выходявшие из недр III Отделения, но и такие ценные сводки, как первый обзор материалов III Отделения о Пушкине («Рус. старина», 1874, № 8, стр. 691—694), публикация документов о тайной политической агентуре 1821—1826 гг. («Рус. архив», 1875, № 12, стр. 423—438), а также свод секретных документальных и мемуарных данных — «Конец и последствия бунта 14-го декабря 1825 г.» (сб. «О минувшем», СПб., 1909, стр. 110—121). Биографические сведения о М. М. Попове см. в его некрологе («Голос», 1871, № 11), а также в «Поли. собр. соч. И. И. Лажечникова», т. XII, СПб., 1900, стр. 258—259; в воспоминаниях М. И. Семевского («Рус. старина», 1882, № 11, стр. 435) и в записках К. Н. Лебедева («Рус. архив», 1910, т. III, стр. 354). О нем же см. «Рус. биограф. словарь», том «Плавильщиков — Прима», СПб., 1915, стр. 553. Данные, извлеченные из «Формулярного списка о службе тайного советника Попова», см. далее, прим. 110.

⁶¹ Степан Алексеевич Маслов (1793—1879) — доктор этико-политических наук Московского университета, автор многочисленных статей по вопросам агрономии, животноводства, свекло-сахарной промышленности, шелководства и пр. Статья С. А. Маслова «Жар и жатва хлеба» («Моск. ведомости», 1846, № 103, от 27 августа), характеризовавшая изнурительные условия труда женщины-крестьянки, очень сочувственно отмечена была Белинским во «Взгляде на русскую литературу 1846 г.», как произведение, за которое «почтенного автора благословит всякий друг человечества». О давнем личном знакомстве Белинского с С. А. Масловым свидетельствует фамильярная реплика последнего о «Виссарионе» в его беседе с М. А. Языковым (II, III, 314—315). Апологетическая характеристика С. А. Маслова дана в брошюре Д. Н. Толстого «С. А. Маслов», М., 1879.

⁶² К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском. — «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 88. Со слов И. И. Маслова, умирающий Белинский услышал, вероятно, о работах по укреплению Петропавловской крепости, что дало ему повод очень зло сострить: «Это из боязни, чтобы я ее не взял» (там же, стр. 95).

⁶³ Письмо Белинского к Герцену от 26 января 1845 г., документально устанавливавшее факт непосредственного воздействия статьи Маркса «К критике гегелевской философии права» на Белинского, впервые дало материал для утверждения (правда, в самой общей форме) о знакомстве Белинского с идеями Маркса еще в «Истории русской критики» И. И. Иванова, ч. III, СПб., 1900, стр. 325—326. В библиотеке Белинского сохранился и тот самый экземпляр «Немецко-французского ежегодника» («Deutsch-Französische Jahrbücher, herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx», Paris, 1844), которым пользовался великий критик, изучая статью Маркса

(см. Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 569). Развитием положений этой же статьи Маркса явилась характеристика церкви как «опоры кнута и угодницы деспотизма» в знаменитом письме Белинского к Гоголю.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, М.—Л., 1938, стр. 385.

⁶⁵ Связь статьи В. П. Боткина «Германская литература в 1843 г.» (Соч. В. П. Боткина, т. II, СПб., 1891, стр. 255—259) с брошюрой Энгельса «Шеллинг и откровение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. II, М., 1931, стр. 114—116) впервые была отмечена в «Летописях марксизма», 1928, № 6, стр. 47. Ср. В. Ш у л г и н. О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса.— «Историк-марксист», 1940, № 7, стр. 82—92.

⁶⁶ «В. Г. Белинский, его жизнь и переписка», изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 507.

⁶⁷ Именно Прудона имел в виду Белинский, когда характеризовал некоторые первоисточники известной статьи В. А. М и л ю т и н а «Мальтус и его противники» («Современник», 1847, №№ 8 и 9). Мы имеем в виду его отзыв о В. А. Милютине в письме к Боткину от 5 ноября 1847 г.: «Из его статьи о Мальтуса ты мог видеть, что он следит за наукою, и что его направление дельное и совершенно гуманное, без прекраснотушения» (II, III, 272). Правильность нашей расшифровки этих строк Белинского подтверждается только что опубликованным С. А. Макашиным письмом Боткина от 22 августа 1847 г. к Некрасову: «Статью <Милютина> о Мальтуса я не успел прочесть, но слышал от людей знающих, что она не дурно составлена; большая часть ее переведена из книги Прудона „Contradictions économiques ou la Philosophie de la misère“, и выписки сделаны удачно» (С. Макаши и н. Салтыков-Щедрин. Биография. I, М., 1949, стр. 461). Однако самая постановка вопроса об отношении Белинского к автору «Философии нищеты» требует учета очень близких Белинскому положений о Прудоне как идеологе мелкой буржуазии, развитых в письме К. Маркса к П. В. Анненкову от 28 (16) декабря 1846 г. Отмечая, что единственным пунктом, в котором он может как-то солидаризироваться с Прудоном, является отвращение последнего «к социалистической сентиментальности», К. Маркс с еще большей резкостью далее утверждал, что, подобно Прудону, и он сам «вызвал много неприязни к себе тем, что высмеивал социализм овечий, сентиментальный, утопический» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. V, М., 1929, стр. 293). Эти признания К. Маркса в письме к Анненкову являлись для Белинского лучшим подтверждением правильности той политической линии, которая определилась в его борьбе с абстракциями французского и русского утопического социализма. В полемике с В. Н. Майковым, Луи Бланом и Пьером Леру особенно обострилось неприятие Белинским антинародных концепций «безродных космополитов», «добродетельных ослов», «этих насекомых, вылупившихся из навозу, которым завален задний двор гения Руссо» (III, 165). Имя Прудона в связи с Белинским в мемуарной литературе о критике сочетается только однажды. Так, Достоевский, вспоминая вечера у Белинского в 1846—1847 гг., отмечал, что очень много тогда «толковалось» о писаниях Жорж-Занд, Кабе, Пьера Леру и Прудона: «Этих четырех, сколько припомню, всего более уважал тогда Белинский» (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XI, М.—Л., 1929, стр. 8). Статья Н. К. Михайловского «Прудон и Белинский» («Отеч. записки», 1875, № 11; перепеч. в Полн. собр. соч. Н. К. Михайловского, т. III, изд. 4-е, СПб., 1909, стр. 639—685) механически объединяла отклики критика на два новых издания — письма Прудона и труд А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка». Ни о каких конкретных исторических связях Белинского и Прудона в статье Н. К. Михайловского не было и речи.

⁶⁸ Л. Р. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 562—564. Попутное упоминание о «литературных признаниях» вроде «Confessions» Руссо см. в рецензии Белинского на сборник «Сто русских литераторов» (VI, 234).

⁶⁹ Полн. собр. соч. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. III, СПб., 1901, стр. 514.

⁷⁰ См. «Русская старина», 1904, № 4, стр. 196—197.

⁷¹ «Т. Н. Грановский и его переписка». М., 1897, т. II, стр. 386.

⁷² «Русская старина», 1904, № 6, стр. 582; А. В. Никитенко. Записки и дневник. т. I, СПб., 1904, стр. 317.

⁷³ В. Л. Комарович. Идеи французских социальных утопий в мировоззрении Белинского.— Сб. «Венок В. Г. Белинскому», М., 1924, стр. 263. В своей характеристике Леру и его элигонов В. Л. Комарович, к сожалению, не учитывает известного письма К. Маркса к Фейербаху от 20 октября 1843 г. о непонимании «гениальным Леру» борьбы левых гегелианцев с «философией откровения» Шеллинга (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. I, М., 1938, стр. 511). На эти же ошибки Леру и ему подобным Белинский впоследствии реагировал очень резко: «Я имел случай,— писал он Боткину 17 февраля 1847 г.,— вновь полюбоваться нахальною недобросовестностью, свойственною французам, и вспомнил Пьера Леру, который, обругав Гегеля, восхвалял Шеллинга, предполагая в последнем своего союзника» (II, III, 173—174).

⁷⁴ «Общий алфавитный список книг на французском языке, запрещенным иностранною цензурою с 1815 по 1853 г. включительно», СПб., 1855, стр. 108.

⁷⁵ «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 361.

Автором стихотворения «Петр Великий» («Отч. записки», 1842, № 7, стр. 152—154), подписанного инициалами «Л. П.», был, возможно, не Л. С. Пушкин, как предполагал Тургенев, а М. В. Юзефович, знакомец обоих Пушкинских по Кавказу. См. данные об автографе этого стихотворения в статье М. В. Нечкиной «Лев Пушкин в восстании 14-го декабря 1825 г.» — «Историк-марксист», 1936, № 3, стр. 85—100.

⁷⁶ Пятитомная работа Луи Блана «Histoire de dix ans» (1841—1844 гг.), воспринятая читателями как самый грозный обвинительный акт против Орлеанской монархии и диктатуры буржуазии во Франции, вызвала горячий отклик в дневнике Герцена как раз в пору пребывания Белинского летом 1843 г. в Москве, что и дает нам право предполагать о беседах их об этой книге (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. III, СПб., 1915, стр. 113—114 и 117—118). Очень характерны и свидетельства воспоминаний П. В. Анненкова об увлечении Белинского писаниями Луи Блана в 1843 г. (П. В. Анненков. «Литературные воспоминания», Л., 1928, стр. 304).

⁷⁷ Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XXI, М., 1932, стр. 143.

⁷⁸ Воспоминания А. Я. Головачевой-Панаевой, гл. VIII («Исторический вестник», 1889, № 4, стр. 38—39). Перепечатано без оговорок в пяти новейших изданиях «Воспоминаний Авдотьи Панаевой (Е. Я. Головачевой)», вступ. издание, ред. текста и прим. К. Чуковского (изд. 1-е — Л., «Academia», 1927; изд. 5-е — М., ОГИЗ, 1948).

⁷⁹ «Летопись жизни Белинского», М., 1924, стр. 214—215.

⁸⁰ Там же, стр. 215. Письмо Некрасова к Белинскому мы относим к 15—20 сентября 1846 г. потому, что оно, во-первых, лишь на несколько дней могло предшествовать письму Панаева к Кетчеру от 26 сентября (II, III, 360), и, во-вторых, потому, что возможность соглашения Некрасова и Панаева с Плетневым определилась не раньше 10 сентября. Традиционная датировка анализированного нами письма Некрасова к Белинскому «концом октября» (Собр. соч. Н. А. Некрасова, т. V, М. — Л., 1930, стр. 68. Ср. Н. С. Ашукин. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М., 1935, стр. 73) не выдерживает никакой критики. Отметим, кстати, что все исследователи «Современника» упускают из виду, что план организации нового большого общественно-политического и литературного журнала по главе с Белинским определился в кружке не позже октября 1845 г., когда Некрасов вынужден был разорвать свои отношения с Краевским и уйти из обеспечивавшей его «Литературной газеты». Передача газеты в конце 1845 г. в руки Полевого — литературного врага Белинского и всей натуральной школы — не могла не форсировать и давно принципиально решенного ухода великого критика из изданий Краевского, тем более, что Некрасов сразу же взял на себя создание материальной базы для Белинского на весь переходный период (издание альманаха «Левифан», затеянного Белинским, и «Стихотворений Кольцова» под редакцией Белинского). Инициативная роль Некрасова в создании новой журнальной трибуны для Белинского определилась, таким образом, задолго до взятия в аренду «Современника».

⁸¹ Вопрос об алокрифичности письма Белинского, включенного в воспоминания А. Я. Панаевой, в самой общей форме впервые был поставлен в книге В. Е. Евгеньева-Максимова «Современник в 40—50-х годах», Л., 1934, стр. 35. Догадка В. Е. Максимова была, однако, настолько поверхностно аргументирована, что В. С. Спирidonов счел возможным с ней не считаться и включил это мнимое письмо Белинского к Панаеву в свою сводку «Главнейшие даты жизни и творчества В. Г. Белинского» (В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, под общ. ред. М. Т. Иовчука, ред. текста и комментариев В. С. Спиридонова, М., 1941, стр. 481).

⁸² Аргументация Ляцкого, несмотря на всю свою примитивность, принята была и Н. Л. Бродским, который счел фальшивку из «Марева» подлинным письмом Белинского (сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 75). Справка Н. Л. Бродского о том, что Ляцкий «обосновал» в данном случае предположение Пылина, несколько неточна, ибо Пылин, регистрируя письмо «Б.» в «Мареве», снабдил это указание в библиографическом приложении к своей книге двумя вопросительными знаками («Белинский, его жизнь и переписка», СПб., 1876, т. I, стр. XI).

⁸³ Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XIII, Пг., 1919, стр. 22—24.

⁸⁴ Н. М. Сатин. Отрывок из воспоминаний. — Сб. «Почин», М., 1895, стр. 240.

⁸⁵ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 261—267.

⁸⁶ Там же, стр. 267—270. Разрядка Сатина. Для уяснения всех формулировок этого письма необходимо сопоставить их с тем пересказом «Переписки двух друзей», который Белинский дает в письме к М. А. Бакунину от 1 ноября 1837 г. Планируя эту статью, Белинский между прочим отмечал: «Что же касается до представителя жизни духа, то это не будет ничей портрет: это будут мои премохунские статьи, но только глубже перечувствованные и лучше понятые» (II, I, 138).

⁸⁷ «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 267.

⁸⁸ Там же, стр. 92—93.

⁸⁹ «Разбор повестей Н. Ф. Павлова» как особая статья Белинского, посланная в редакцию «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», но в последнем не напечатанная, отмечен Венгеровым в специальном перечне не дошедших до нас произведений Белинского (III, 186). Ошибку Венгерова повторила А. А. Ромодановская, произвольно отделившая в своих примечаниях к письму Краевскому от 19 января 1837 г. «отзыв Белинского о повестях А. Мухина» от «рецензии Белинского о Павлове» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 103). Для статьи о Павлове в 1837 г. не было и внешнего повода. Его первая книга повестей вышла в свет в 1835 г., а вторая — в 1839 г. Сам Белинский был не очень удовлетворен своей статьей о Мухине. Посылая ее 14 января 1837 г. Краевскому, он писал: «Посылаю вам статейку — не знаю, как вам покажется: писал кое-как, наскорю» (II, I, 66).

⁹⁰ Полн. собр. соч. А. С. Пушкина, изд. АН СССР, т. XVI, М.—Л., 1949, стр. 212. Ср. Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание), СПб., 1910, стр. 66: «Повести Александра Мухина. Молитвенник. Графиня Зиновия. Танцовщица. Москва. В типографии Авг. Семена. 1836. В 8-ую д. л. (всего 318 страниц)».

Произвольное утверждение, что «Александр Мухин есть только псевдоним», вкраплено в резо отрядительный отзыв о его повестях в «Библиографическом описании», 1837, кн. 2 (Февраль), отд. VI, стр. 42—44. До публикации «Повестей» А. Мухин выпустил в свет брошюру «Мысли о причинах упадка кредита в дворянском сословии», М., 1831. Об отношениях Белинского и Нащокина см. II, II, стр. 42, 51—52, 201 и «Переписка Пушкина», СПб., 1914, т. III, стр. 325 и 396.

⁹¹ «Звенья», III—IV, 1934, стр. 879—884. Н. С. Селивановский (род. 25 ноября 1806, ум. 15 марта 1852) был владельцем типографии, в которой печатался «Телескоп», и велел рассылкой журнала подписчикам. В одном доме с ним (против Страстного монастыря, д. Римского-Корсакова) некоторое время жил Н. И. Надеждин, поселивший у себя в августе 1834 г. Белинского (II, I, 59). Как ближайший сотрудник «Телескопа» и «Молвы», как секретарь и заместитель Надеждина, Белинский сразу же, вероятно, установил деловые отношения с Селивановским, перешедшие в 1835 г. и в более близкое личное знакомство. На литературных вечерах Н. С. Селивановского Белинский познакомился с Н. А. и К. А. Полевыми, В. П. Боткиным, А. Д. Галаховым, а несколько позднее — с М. С. Щепкиным и П. С. Мочаловым («Исторический вестник», 1892, № 1, стр. 135—136; «Русская старина», 1894, № 1, стр. 9—10; II, I, 63, 103, 118, 138—139; II, 208; А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 113 и 125—126).

⁹² Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, под ред. и с прим. А. И. Лященко, СПб., 1909, стр. 182—185. Время выезда Кольцова из Москвы, таким образом, должно быть определено первыми числами июля, а не июня 1838 г. Правильность этой передатировки письма его к Белинскому подтверждается и тесной связью письма Кольцова от 15 июля со следующим письмом его к Белинскому от 27 июля 1838 г. Предположение, что между этими письмами возможен полуторамесячный интервал, мало правдоподобно.

⁹³ «Литературная мысль», кн. II, Пг., 1923, стр. 180. В архиве Аксаковых должны храниться материалы, о которых в начале 1873 г. шла переписка между И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным, К. Д. Кавелиным и А. Н. Пыпиным. Отвечая отказом на просьбу Пыпина о предоставлении ему для работы о Белинском переписки К. С. Аксакова, И. С. Аксаков сообщал, что в его распоряжении находится черновик письма, в котором «очень корко и метко определялся характер деятельности Белинского. Белинский отвечал с пеною у рта. Сколько помнится, брат не остался в долгу. Его писем у меня нет, кроме чернового, с характеристиною Белинского; но точно ли в таком виде оно было послано — не знаю; вероятно, оно было распространено и дополнено» («Из переписки деятелей Академии Наук», Л., 1925, стр. 74). Не идет ли здесь речь о недавно опубликованном письме К. С. Аксакова к Белинскому от 12 января 1840 г.? («Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, М., 1939, стр. 205).

⁹⁴ Именно эти письма имел в виду Герцен, извещая М. Ф. Корш 22 июля 1858 г. о получении им из Москвы части своих бумаг: «Между ними есть десяток от Белинского» («А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 83).

⁹⁵ Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XII, Пг., 1919, стр. 305; т. II, Пг., 1915, стр. 205, 255—256.

⁹⁶ «Русская мысль», 1889, № 1, стр. 9.

⁹⁷ «Звенья», II, 1933, стр. 364.

⁹⁸ «Русская мысль», 1889, № 1, стр. 12.

⁹⁹ Полн. собр. соч. А. И. Герцена, т. XIV, Пг., 1920, стр. 751.

¹⁰⁰ Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. III, Пг., 1915, стр. 55, 96, 106, 238.

¹⁰¹ Там же, стр. 389, 327—328. М. К. Лемке, упустив из виду, что письмо Белинского, которое Герцен цитирует в своем дневнике от 17 мая 1844 г., отмечается и в «Былом и думах», ошибочно полагал, что первые биографы Белинского пользовались этим источником лишь «со слов» кого-либо из друзей Герцена (там же, стр. 373).

¹⁰² Там же, т. XIII, Пг., 1919, стр. 149.

¹⁰³ Там же, т. III, Пг., 1915, стр. 344—345. Очень характерны в этом отношении строки письма А. Я. Панаевой к Белинскому от 6 августа 1845 г. из Москвы:

«Герцен вам очень кланяется. У вас с ним, говорят, была переписка на счет К. Серг. <Аксакова> несколько щекотливая. Не знаю, как вы, — но у Герцена не осталось ни малейшей горечи к вам. Он любит вас крепко» («Белинский и его корреспонденты», М., 1948, с. 219).

¹⁰⁴ Белинский писал в эти годы В. П. Боткину очень редко. Содержание этих писем (особенно точно — письма от 17/29 июня 1844 г.) позволяет отчасти установить ответные письма Боткина — от 6 июня и 6 августа 1844 г. и от 6 июля 1845 г. («Литературная мысль», кн. II, Пг., 1923, стр. 185—188). В письме В. П. Боткина к Белинскому от 31 октября 1840 г. сохранилась приписка В. И. Красова с горячей благодарностью за его «милое, доброе, элегическое послание» (стр. 176). Однако это «послание», как, впрочем, и все письма Белинского к Красову, до нас не дошло.

¹⁰⁵ «Стихотворения Кольцова». С портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским». СПб., 1846. Изд. Н. Некрасова и Н. Прокоповича. (X, 262—263, 265—272, 274—276. Ср. примечания к этой статье — XIII, 328—330). Все одновременно опубликованные письма Кольцова к Белинскому (числом 32) объединены в третьем изд. академического Полн. собр. соч. А. В. Кольцова. Под ред. и с прим. А. И. Лященко. СПб., 1911.

¹⁰⁶ Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. М., 1857, стр. 106—107 и 174—176 (второй пагинации).

¹⁰⁷ «Полярная звезда на 1855 г.», кн. I, стр. 65—75; там же, изд. 2-е, 1858, стр. 66—76. По автографу, отобранному при аресте у Н. Ф. Павлова и сохранившемуся в архиве III Отделения, письмо Гоголя к Белинскому от 10 августа 1847 г. опубликовано было впервые, с приложением факсимиле, в «Красном архиве», т. III, 1923, стр. 309—312.

¹⁰⁸ «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем». Т. II, СПб., 1856, стр. 106—113. Письма Гоголя к Белинскому, имя которого находилось еще под запретом, определялись в этом издании, как письма к «критику».

¹⁰⁹ А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 30—31, 48, 51, 103—104, 121, 122, 124, 126—128, 181—186, 209, 216, 220—221, 225, 239—241, 328—336, 399—404, 409—410, 413, 568—569.

¹¹⁰ «Русская старина», 1882, № 11, стр. 434—435. Как свидетельствует формулярный список тайного советника М. М. Попова (1800—1871), он оставил преподавание в Пензенской гимназии 7 апреля 1831 г., после чего определен был на службу в Департамент внешней торговли по судному отделению. 16 декабря 1833 г. Попов переведен был обер-аудитором в штаб отдельного корпуса внутренних стражи, а 11 февраля 1835 г. — на ту же должность в штаб корпуса жандармов. 14 ноября 1839 г. Попов причислен был к III Отделению на правах старшего чиновника особых поручений, и в этой должности оставался до выхода в отставку 10 февраля 1865 г. (ЦГИА, фонд III Отд., 2-я экзп., 1865, д. № 76, лл. 8—21). О М. М. Попове как авторе важнейших секретных сводок III Отделения см. выше прим. 60. Очень характерна докладная записка М. М. Попова от 24 марта 1857 г. на имя шефа жандармов о беседе его с министром юстиции графом В. Н. Паниным по поводу мероприятий, которые могли бы лучше обеспечить борьбу с нелегальным распространением в России лондонских изданий Герцена.

Поводом для этого совещания являлась публикация в «Полярной звезде на 1855 г.» письма Белинского к Гоголю и статьи В. А. Энгельсона «Что такое государство» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 236—237).

¹¹¹ М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 174—176.

¹¹² П. Щеголев. Эпизод из жизни В. Г. Белинского. — «Былое», 1906, № 10, стр. 280—287.

¹¹³ В начале июня 1842 г. Н. П. Огарев, приехав в Новгород к Герцену, познакомил его с Фейербахом. Прочитав первые страницы «Сущности христианства», Герцен, по его собственным словам, «вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычие и иносказание, мы свободные люди, а не рабы Ксаифа, не нужно нам облекать истину в мифы!» («Былое и думы», ч. IV, гл. 25. — Полн. собр. соч. и писем, т. XIII, Пб., 1919, стр. 20). Рассказ П. В. Анненкова о том, как Герцен пропагандировал в Москве свое толкование книги Фейербаха, смело связывая «открытый» его переворот в области метафизических идей с политическим переворотом, который возвещали социалисты» («Лит. воспоминания», Л., 1928, стр. 431), может быть датирован временем не ранее июля — августа 1842 г., ибо Герцен возвратился в Москву из новгородской ссылки лишь в середине июля 1842 г. 15 августа 1842 г. Герцен отмечал в своем дневнике: «Философия германская выступает из аудитории в жизнь, становится социальна, революционна, получает плоть и кровь и след. прямое действие в мире событий. Тут видны, ясны большие шаги в политическом воспитании» (Полн. собр. соч. и писем, т. III, Пг., 1915, стр. 38—39). Об отношении к Герцену в эту пору Боткина свидетельствует письмо последнего к Белинскому от 17 сентября 1842 г.: «С Герценом» вижу часто и все больше и больше учусь любить этого человека. Мое прежнее понятие о нем лежало лишь в моей ограниченности и в гнилом остатке бессознательной

романтики. Авось убежду его дать в „О. З.“ статью „О дилетантах философии“. Превосходная штука — словно самая свежая, ароматная устрица» («Лит. мысль», 1923, кн. II, стр. 182).

О неослабевающем интересе членов кружка Белинского к писаниям Фейербаха (Белинский произносил: «Фьербах») свидетельствуют и воспоминания Достоевского, наблюдения которого относились к 1845—1846 гг. (Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. XI, М.—Л., 1929, стр. 8—9). В своей остро критической интерпретации механистического материализма Фейербаха Белинский полностью солидаризировался с Герценом.

¹¹⁴ Вопрос о Белинском и Боткине в специальной литературе до сих пор глубоко не рассматривался. Исследователи останавливались лишь на интимно-бытовых подробностях, без учета необычайно сложных политических и философско-литературных взаимоотношений Белинского с Боткиным. Краткая сводка основных мемуарных и эпистолярных данных о Белинском и Боткине дана в книге С. Ашевского «Белинский в оценке его современников», СПб., 1911, стр. 228—231. Несмотря на то, что эта сводка давно устарела, она гораздо более удовлетворительна, чем наивный пересказ случайных данных о Боткине и Белинском в статье Н. И. Пруцкова «В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40—60-х годов XIX ст.» («Уч. записки Грозненского педагогического института», Филологическая серия, № 3, 1947, стр. 58—89).

¹¹⁵ «Лит. мысль», 1923, кн. II, стр. 173—191. Все 19 писем Боткина к Белинскому, опубликованные в этом издании, в отличие от публикаций Ляцкого, были снабжены специальными примечаниями. К сожалению, в последние вкралось немало погрешностей. Так, например, в библиографический перечень дошедших до нас писем Боткина к Белинскому (стр. 173) ошибочно включено было, во-первых, письмо Белинского к Боткину от 16 апреля 1840 г. (П, II, 102—103; первоначально в книге Пыпина, стр. 299) и, во-вторых, письмо Боткина к Краевскому от 14 марта 1842 г. («Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.», прилож., стр. 45). Письмо же Боткина к Белинскому от 22—23 марта 1842 г. (частично опубликовано Пыпиным, стр. 400—404, а полностью Ляцким) учтено было как два письма.

¹¹⁶ «Переписка Н. В. Станкевича. 1837—1840». Ред. и изд. А. Станкевича, М., 1914, стр. 408—418, 616—617, 620, 622—623. Записка Станкевича к Белинскому, относящаяся нами к концу января 1839 г., тематически совпадает с письмом Станкевича к Боткину от 25 января 1839 г. (там же, стр. 494).

¹¹⁷ «Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 42 (цитируем не полностью). Это письмо Надеждина (единственное из дошедших до нас его писем к Белинскому) выпало из поля зрения биографов как Белинского, так и Надеждина. О нем нет упоминаний ни в книге Н. К. Козмина «Н. И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность», СПб., 1912, ни в библиографической сводке материалов о «Телескопе» в справочнике А. В. Мезьере «Словарный указатель по книговедению», Л., 1924, стр. 319—320 и 841. Оно не учтено и в новейшей монографии М. Я. Полякова «Белинский в Москве» (М., 1948), несмотря на то, что специальная глава этой монографии (четвертая) посвящена вопросу «Телескоп в борьбе с Московским наблюдателем» (стр. 177—208), а в специальном разделе следующей главы (пятой) рассматриваются отношения Белинского и Надеждина к Чаадаеву и история публикации «Философического письма» (стр. 247—254). См. далее прим. 126.

¹¹⁸ «Переписка Н. В. Станкевича». М., 1914, стр. 621. «Письмо Генваря» (т. е. Января Неверова), отмечаемое Станкевичем, до нас не дошло. О своевременном получении в Премухине письма Неверова (с предупреждением Белинского о возможности привлечения его к дознанию о «Философическом письме») свидетельствует прежде всего письмо Бакунина к Неверову от 4 ноября 1836 г.: «Белинскому я передал Ваше письмо, он Вам будет отвечать» (Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, М., 1934, т. I, стр. 357). В письме Станкевича к Бакунину от 7 ноября 1836 г. об этом же отмечалось: «Дурак Ржевский! (...) Представь: приехавши <из Петербурга>, он обещался быть у меня, но явился на 3-й день по моей просьбе, ибо мне хотелось узнать о письме Генваря к Белинскому» («Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 623). Письмо С. С. Уварова к Бенкендорфу от 27 октября 1836 г. о Белинском опубликовано в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 415—416.

¹¹⁹ «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 624.

¹²⁰ Письмо Белинскому от неизвестного «друга», опубликованное А. А. Корниловым («Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 43), тесно связано с письмом Н. В. Станкевича к Белинскому и Бакунину, отмеченным нами выше. Судя по точным данным о «посылке с одеждою и книгами» и о состоянии квартиры Белинского после обсыха в ней, автор письма принадлежал к ближайшему окружению Белинского. Это скорее был Д. П. Иванов, чем Кетчер, гипотезу о принадлежности которому письма «друга» высказал А. А. Корнилов и неосторожно популяризировали составители «Летописи жизни Белинского» в 1924 г. (стр. 249). Ввиду большого интереса этого конспиративного письма, местонахождение автографа которого в настоящее время неизвестно, перепечатаем его полностью:

«Любезный Виссарион! Посылка с одеждою и книгами, посланная к тебе уже с месяц назад тому, находится в Торжке: в Гостином ряду, в овощной лавке у купца Алексея Васильевича Зайцева.

Писем к тебе послано много, но из твоего видно, что ты не получал их. Причина этого для тебя разрешится скоро, по получении другой посланной уже посылки и писем.

Нужно знать содержание писем, посылаемых к тебе, а потому они и не отсылаются к тебе; бумаг твоих нет дома: нужно знать их содержание...

Думаем, что если ты не приедешь скоро сам, то тебе необходимо будет ехать по требованию...

За большое событие сочтем, если дойдет до тебя и это письмо.

Мы все здоровы и благополучны. Прощай! Желаем тебе всякого благополучия и счастья, если несчастье какое-нибудь не постигло тебя.

Д р у г.

№ 26.

Под впечатлением этого анонимного письма Белинский выехал в Москву один, а не вместе с Бакуниным, как это ими предполагалось прежде (см. Соч. Бакунина, 1934, т. I, стр. 358). Бакунин же прибыл в Москву не раньше первых чисел декабря, так как его письмо к сестрам с отчетом о поездке и о первых впечатлениях в Москве (очень многозначительны в нем успокоительные строки: «Белинский здоров») датировано 8 декабря 1836 г. (там же, стр. 361—362). К 11 декабря 1836 г. должно быть отнесено письмо Бакунина к А. А. Беер, ошибочно приуроченное в последнем издании сочинений Бакунина к 11 ноября 1836 г. (т. I, стр. 358—360). Эта ошибка, судя по самому содержанию письма, объясняется опiskeй в его автографе.

¹²¹ А. Б. «Письмо к издателю» («Современник», 1836, т. III, стр. 327—328). Белинский, зная эти строки, не подозревал о принадлежности их самому Пушкину. Тождество Пушкина и «А. Б.» установлено было лишь в работах В. П. Красного р-с к о г о «Новая статья Пушкина» (сб. «Наш труд», 1924, № 2) и Ю. Г. Оксман а «Письмо к издателю» в «Современнике» 1836 г.» («Атеней», 1924, кн. I—II). Однако какие-то устные положительные отзывы Пушкина о Белинском до последнего все-таки дошли. Так, например, в письме от 20 апреля 1842 г. к Гоголю Белинский отмечал: «Меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников» (II, II, 310). Этим «верным источником» был прежде всего П. В. Нащокин, через которого Пушкин 27 мая 1836 г. распорядился передать Белинскому экземпляр первой книжки «Современника» с просьбой «сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидаться». В октябре 1836 г. Пушкин вновь писал Нащокину о Белинском. Это письмо до нас не дошло, но о содержании его мы можем судить по ответу Нащокина. См. выше, стр. 234, а также прим. 124.

¹²² Статья Пушкина «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» («Современник», 1836, т. III, стр. 94—106) представляла собою резкую отповедь на выступление М. Е. Лобанова 18 января 1836 г. в торжественном заседании Российской Академии. В своей речи М. Е. Лобанов, останавливаясь на «духе и направлении нашей словесности», обратил внимание на «совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство» тех литературно-критических приговоров, которые с некоторого времени стали отличительными чертами русской журнальной критики. Не называя прямо имени Белинского, М. Е. Лобанов так прозрачно апеллировал к общеизвестным идеологическим установкам, к репутации и к самой манере письма молодого критика, что персональная направленность основных частей его статьи не вызвала никаких сомнений: «Приличие, уважение, здравый смысл отвергнуты, забыты, уничтожены, — вещал Лобанов. — Романтизм, слово до сих пор не определенное, но слово магическое, сделался для многих эгидою совершенной безотчетливости и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия держакими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданами и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ничто не уважается». М. Е. Лобанов прежде всего имел, конечно, в виду тот принципиальный протест против «детского благоговения к авторитетам», который был прокламирован в «Литературных мечтаниях»: «У нас еще и по сию пору царствует в литературе какое-то жалкое детское благоговение к авторитетам, — писал Белинский, — мы и в литературе высоко чтим табель о рангах и боимся говорить вслух правду о высоких персонах. Говоря о знаменитом писателе, мы всегда ограничиваемся одними простыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о нем резкую правду у нас святотатство. И добро бы еще это было вследствие убеждения! Нет, это просто из нелепого и вредного приличия или из боязни прослыть выскокочкою, р о м а н т и к о м» («Молва», 1834, № 45). А между тем, продолжал Белинский, «что за блаженство, что за сладострастие души, сказать какому-нибудь гению в отставке без мундира, что он смешон и жалок со своими детскими претензиями; сказать какому-нибудь ветерану, что он пользуется своим авторитетом в кредит, по старым воспоминаниям или

по старой привычке; доказать какому-нибудь литературному учителю, что он близорук, что он отстал от века и что ему надо переучиваться с азбуки» («Молва», 1834, № 50).

М. Е. Лобанов и лично не раз было больно задет Белинским. Напомним хотя бы рецензию последнего на трагедию Лобанова «Борис Годунов»: «Грустно видеть человека, может быть, с умом, с образованием, но заматеревшего в устаревших понятиях и застигнутого потоком новых мнений! Он трудится честно, добросовестно, а над ним смеются; он никого не понимает и его никто не понимает. Не могу представить себе ужаснейшего положения!» («Молва», 1835, № 23). А незадолго до этого разбора имя того же Лобанова было включено Белинским в синодик имен, одни из которых известны якобы «только по преданиям о их существовании, а другие потому только, что они еще живы, как люди, если не как поэты» («Молва», 1835, № 13).

Персональная направленность против Белинского основных положений «мнения» М. Е. Лобанова в специальной литературе отмечалась не раз, но активная поддержка, оказанная автору «Литературных мечтаний» на страницах «Современника» самим Пушкиным, прошла мимо внимания исследователей. В разборе «мнения» М. Е. Лобанова их, видимо, смутило отсутствие как имени Белинского, так и точных цитат из его статей. Они не учли того, что Пушкин не имел права на расшифровку имени анонимного объекта нападок академического референта не только потому, что сам Лобанов прямо нигде его не называл, но и оттого, что эта расшифровка политически была бы для Белинского очень опасна. По условиям места и времени имя молодого критика осталось завуалированным. Спор приходилось вести без точных цитат и прямых сопоставлений имен. В полемике Лобанова с Белинским о роли «предания» и об отношении к литературным авторитетам, о путях современной поэзии и о задачах академической критики, Пушкин вторгался не просто как поэт и литератор, соратник или даже единомышленник Белинского, а как член Российской Академии, по самому своему положению обязанный быть блюстителем традиций высокой литературы. Этот официальный, сугубо академический тон предопределял несколько архаический дидактизм статьи, ее ораторскую интонацию, имитирующую (а может быть, и пародирующую) самого Лобанова. Именно этот тон, характерный в той или иной степени не только для статьи о Лобанове, но и для всех передовиц Пушкина в «Современнике», должен внимательно учитываться при анализе всех вольных и невольных противоречий печатных и предназначавшихся для печати суждений Пушкина этой поры о Радищеве, о декабристах, о Вольтере и французской революции, о московских шеллингианцах, о Полевом и, наконец, о Белинском.

Сводку материалов о М. Е. Лобанове см. в комментариях Венгерова к «Полн. собр. соч. Белинского», т. II, 1900, стр. 538—540. Неудачную борьбу Лобанова с Пушкиным и Белинским имел в виду автор анонимной некрологической заметки о нем в «Иллюстрации» от 27 июля 1846 г., где прямо было сказано, что покойный академик «не любил, что таить, нынешней русской литературы» («Иллюстрация», 1846, № 27, стр. 432).

¹²³ Вопрос о литературных и личных взаимоотношениях Пушкина и Белинского, впервые поставленный еще в книге А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка», СПб., 1876. Ср. изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 100—102), вступил в новую фазу после установления принадлежности Пушкину «письма» А. Б. и изучения материалов о кризисе в редакции «Современника» в связи с отъездом за границу Гоголя и предстоявшим уходом большей части сотрудников издания в «Русский сборник» (Ю. Г. Оксман — «Атеней», 1924, кн. I—II, стр. 16—22). Материалы, послужившие основанием оценки журнальных отношений Пушкина в этом плане, частично опубликованы были впоследствии в статьях В. Н. Орлова «Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского» («Уч. записки ЛГУ», вып. XI, 1941, стр. 28—34) и А. П. Могиланского «А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский» («Известия АН СССР, серия философии», 1949, № 3, стр. 214—218). Обе эти публикации остались, к сожалению, не учтенными в новейшей сводке данных о «Современнике» Пушкина в «Очерках по истории русской журналистики и критики», т. I, JL, 1950, стр. 402—414 (статья Н. Л. Степанова). Характерно, что в попытке взорвать «Современник» изнутри ближайшее участие принимал один из самых жестоких идейных и личных врагов Пушкина — С. С. Уваров, министр народного просвещения и начальник Главного управления цензуры. С самого начала «Русский сборник» заручился поддержкой и со стороны всевышнего III Отделения, ибо один из чиновников последнего, Б. А. Врасский, совмещавший работу в аппарате Бенкендорфа с издательскими операциями (он был владельцем большой типографии, в которой, кстати сказать, печатался и «Современник» Пушкина), принадлежал к числу пайщиков и организаторов нового журнала. Не имея формального права, как сотрудник III Отделения, быть редактором литературно-политического издания, Б. А. Врасский ввел в «Русский сборник», в качестве своего заместителя, на правах соредатора Краевского и Одоевского, дальнего своего родственника А. В. Врасского, отставного чиновника 8-го класса, не имевшего никакого отношения ни к политике, ни к литературе. Характеристику «подлеца» Б. А. Врасского, бывшего впоследствии одним из акционеров «Отеч. записок», см. в «Письмах Белинского», т. II, стр. 103—104.

¹²⁴ Полн. собр. соч. Пушкина. Изд. АН СССР, т. XVI. Переписка 1835—1837. М., 1949, стр. 181. Пушкин не ответил на эту информацию о Белинском, что может быть подтверждено письмом П. В. Нащокина, относящимся к середине декабря 1836 г.: «Отпиши мне хоть строчку, жив ли ты и каковы твои делишки<...> Не знаю, получил ли ты мое письмо или нет. Ждал я тебя в Москву по твоему обещанию; не знаю, почему ты не приехал» (т. XVI, стр. 212). Поездка в Москву, отложенная из-за истории с «Философическим письмом», не осуществилась и позже, хотя сам Пушкин считал ее, как свидетельствует его письмо к отцу от конца декабря 1836 г., совершенно необходимой.

В самом конце 1836 г. Белинский получил через Я. М. Неворова предложение о переходе на работу в «Лит. прибавления к Русскому инвалиду», реорганизованные Краевским на средства типографа Плюшара. Судя по ответу Краевского на письмо Белинского от 14 января 1837 г., материальные условия Белинского были несколько скромнее тех, о которых писал П. В. Нащокин. Белинский рассчитывал на годовой оклад в размере двух тысяч руб. асс., при готовой квартире; дополнительный заработок он надеялся обеспечить себе статьями в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 92). Переговоры с Краевским не привели, как известно, к положительным результатам, так как Белинский в самом начале заявил о своем несочувствии ориентации Краевского на петербургских литературных аристократов (Вяземского, Жуковского, Одоевского и др.) и на их московских союзников (Шевырева и его группу) и отказался печатать свои статьи и рецензии без подписи, как этого требовал от него Краевский. 11 февраля 1837 г. Станкевич писал Неворову: «Белинский, кажется, не сойдется с Краевским. И что за журнал! Что за критика! за язык!» («Переписка Станкевича», М., 1914, стр. 371). Прекращение переговоров с Краевским отражено в письме М. А. Бакунина от 2 марта 1837 г. к родным: «Белинский в Петербург не едет; несмотря на то, что он здесь лишен почти всех внешних удобств, он отвергнул выгодные предложения петербургских журналистов; он не смотрит на литературу как на игрушку и скорее бы согласился умереть с голоду, чем торговать своими мнениями и своей совестью» (Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, М., 1934, т. I, стр. 413). Об этом же см. выше гл. XI и прим. 89.

¹²⁵ А. Корнилов. К биографии Белинского. Новые данные.— «Русская мысль», 1911, № 6, отд. II, стр. 18—45. Ср. «Юбилейный сборник Литературного фонда», СПб., 1910, стр. 140.

¹²⁶ Письма Н. И. Надеждина, анонимного «друга» и И. П. Ключникова не учтены ни в справочнике Библиотеки СССР им. В. И. Ленина «В. Г. Белинский. Рекомендательный указатель литературы», под общ. ред. Н. Л. Бродского, М., 1948, ни в специальном, но крайне неполном и источном разделе «Писем к Белинскому» в указателе В. Э. Богграда «В. Г. Белинский. Рекомендательный указатель литературы», Л., Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1950, стр. 51—56. Об этом же см. выше прим. 117.

¹²⁷ Письмо М. А. Бакунина к Белинскому опубликовано впервые (частично) в «Русской мысли», 1911, № 6, отд. II, стр. 36. Перепечатано в книге А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина», М., 1915, стр. 237. Полностью в Собр. соч. и писем М. А. Бакунина, т. I, М., 1934, стр. 332—333.

¹²⁸ Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена. Под ред. М. К. Лемке, т. II, Пг., 1915, стр. 469—470. Письмо это переслано было Белинскому из Новгорода с «оказией», через П. В. Зиновьева, только что возвратившегося в Россию из-за границы. Об отзвухах Белинского о П. В. Зиновьеве см. выше, стр. 216.

¹²⁹ «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, М., 1939, стр. 202—207. Об этих письмах см. выше, стр. 204.

¹³⁰ А. А. Корнилов. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915, стр. 466—468. Первоначально в «Русской мысли», 1913, № 8, стр. 12—13.

¹³¹ «Венок Белинскому», М., 1924, стр. 236—242. В транскрипции этого письма оставался пробел, обусловленный «двумя недописанными и неразборчивыми словами». Факсимиле черновика позволяет, однако, раскрыть эти слова совершенно точно: «Г<отовый> к <услугам> Я. Полонский».

¹³² «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 418, 420—421, 425—426. Черновая записка Н. В. Станкевича комментирована Н. Д. Эфрос; прочие письма — М. Ю. Барановской.

¹³³ А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е, СПб., 1908, стр. VII. В воспоминаниях А. В. Орловой, свояченицы Белинского, сохранилось свидетельство о том, что «все письма Белинского к жене и ее к нему», находившиеся у Кетчера, не были возвращены родным Белинского, несмотря на их многократные требования («Лепта Белинского». М., 1892, стр. 28). Письма Белинского к жене (всего 48), действительно, сохранились в архиве Н. Х. Кетчера (впервые опубликованы они были по копиям Пыпина в 1895—1899 гг.), но об обратных письмах М. В. Белинской к мужу до сих пор в печати никаких сведений не появлялось. Мы полагаем, что письма эти никогда в распоряжении Кетчера не были. Трудно думать, чтобы М. В. Белинская могла передать в чужие руки такие интимные документы; скорее всего она сама их уничтожила перед смертью.

¹³⁴ Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописи и переписка В. Г. Белинского. Каталог. Сост. Р. П. Маторина. М., 1948, стр. 3.

¹³⁵ «Телескоп», 1836, № 4 (ценз. разр. 17 марта 1836 г.). К осени 1836 г. относится статья Пушкина «Джон Теннер», в предисловии к которой великий поэт полностью солидаризировался с заключениями Токвиля о разложении американской буржуазной демократии («Современник», 1836, т. III, стр. 205—207). Ввиду того, что знакомство Пушкина с статьёй Белинского «Ничто о ничем» является бесспорным, никаких сомнений не вызывает его солидаризация не только с Токвиллем, но и с Белинским. 20 августа 1838 г. на книгу Токвиля горячо откликнулся Герцен в письме к Кетчеру из Вятки (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, Пг., 1915, стр. 203). Ограничиваясь в своих примечаниях к высказываниям Сатина об «американской цивилизации» только этим письмом, Н. Л. Бродский предполагает, что «книгу Токвиля ссыльному Герцену могли послать в Вятку по совету Сатина» (стр. 274). Предположение это приходится, однако, отвести, так как сам Герцен отметил в «Былом и думах», что книгу Токвиля «О демократии в Америке» он получил от вятского губернатора А. А. Корнилова, любившего потолковать о «предметах важных» («Былое и думы», ч. II, гл. XVII.— Полн. собр. соч. и писем Герцена, т. XII, Пб., 1919, стр. 312).

¹³⁶ См. об этом же в настоящем томе «Лит. наследства», стр. 138, а также: Н. П. Барсков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 5, 1892, стр. 29; Г. П. Блок. Рождение поэта, Пг., 1924.

¹³⁷ «Русский архив», 1902, т. I, стр. 544—552. Ср. Л. М. Де-Р и б а с е. Из прошлого Одессы. Одесса, 1894, стр. 116. В комментариях к письму А. И. Соколова к Белинскому от 2 августа 1846 г. об их общих одесских знакомых («В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 275) не учтены материалы об А. И. и Г. И. Соколовых, опубликованные Н. М. Менделёвым («Звенья», I, 1932, стр. 149).

¹³⁸ В комментариях к сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», помимо ошибок, отмеченных выше, внимательный читатель найдет немало и других неточностей. Так, например, А. И. Иванов, управляющий конторой «Отеч. записок», смешивается с Д. П. Ивановым, другом и родственником Белинского (стр. 280—281); строки о «капитане, платонике и скептике», имеющие в виду ротмистра А. И. Клыкова, увековеченного в воспоминаниях И. И. Панаева («некий капитан Клыков») и в письмах Н. П. Огарева к Герцену («капитан, т. е. Клыков»), ошибочно отнесены к В. П. Боткину (стр. 281—282); письмо Лажечникова от 18 июня 1836 г., с откликом на то, что прочтенного «Ревизора» Гоголя, произвольно ассоциируется со статьёй «А. Б. В.» в «Молве» о московской постановке «Ревизора» (стр. 183, 189), а самая статья «А. Б. В.» без всяких оснований приписывается Белинскому (стр. 189). Явно ошибочна и справка о том, что 500 руб., выплаченные К. А. Полсвым в ноябре 1837 г. Белинскому, являлись «денежным одолжением» (стр. 253). Деньги эти причитались Белинскому за чтение корректур «Деяний Петра Великого», издававшихся Полевым («Записки К. А. Полсвого», СПб., 1887, ч. III, гл. 2. Ср. «Письма», I, стр. 359—360). Справка о принадлежности П. Н. Кудрявцеву анонимной рецензии в «Отеч. записках» 1841 г. (т. XIV, отд. VI, стр. 58) на книгу Ф. Морошкина «О значении имени руссов» (стр. 150) не выдерживает критики, так как 28 июня 1841 г. сам Белинский извещал Кудрявцева о том, что рецензия последнего на Морошкина помещена не в «Отеч. записках», а в «Лит. газете» (П, II, стр. 252). При характеристике отношений Белинского и П. Я. Петрова (стр. 247—248) следовало бы учесть печатные данные о Петрове в статье М. П. Погодина «Месяц в Париже» («Москвитянин», 1841, № 2, стр. 452). Эти данные, свидетельствующие о близости Погодина с другом юности великого критика, позволяют объяснить, с одной стороны, участие П. Я. Петрова в «Москвитянине», а, с другой, отход Белинского от Петрова в начале 1840-х годов и прекращение их переписки.